

THE EFFECTS OF A CROSS-CULTURAL LEADERSHIP TRAINING PROGRAM ON LEADERSHIP BEHAVIOR

By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

and
By Robert Giacomin, University of North Carolina at Charlotte

Юлианна, или Опасные игры. Том 2 - Юлия Вознесенская

Вознесенская Юлия Николаевна

Перед вами — продолжение новой сказочной трилогии известной писательницы Ю. Вознесенской. «Юлианна, или Опасные игры» повествует о том, как две девочки-близняшки Юля и Аня попадают в школу волшебства, расположенную в далекой Ирландии. Но вера в Бога и заступничество Ангелов Хранителей помогают девочкам преодолеть все опасности и победить зло.

См. также [АУДИО: Юлианна или Опасные игры.](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Эпилог](#)

Моей внучке Наташеньке Лосевой посвящается

Господи, благослови!

Глава 1

Шел по улице Михрютка, посинел и весь дрожал. По Крестовскому острову он шел, по зеленой Кемской улице. Все восемь паучьих лап домового хромали, спотыкались, шаркали, заплетались на ходу, а угловатые перепончатые крылья подламывались, волочились и скребли по пыльному асфальту. Если бы прохожие могли видеть беса Михрютку, они бы подумали, что домовый тащит на помойку два больших поломанных черных зонта. Но прохожие домового не замечали, ведь бесы, слава Богу, людям не видны. Однако, когда домовый проходил мимо них, лица их темнели, люди вдруг вспоминали какие-то прошлые обиды и тревожились предчувствиями грядущих бед и катастроф. А еще им казалось, что на Крестовский остров внезапно напоззла темная холодная туча, хотя день был ясный и на голубом небе ни облачка. А то вдруг ни с того, ни с сего, прямо на ходу, люди осознавали внезапно, что жизнь их решительно не удалась, никто их не понимает и не любит, и вот теперь бы самое времечко пойти и утопиться, благо воды кругом предостаточно. Если же прохожие шли компанией, то между ними немедленно находился повод к спору, ссоре или брани - и они спорили, ссорились и бранились. И не

понимали бедные люди, отчего вдруг такая напасть с ними приключилась... А это проходимец Михрютка, проходя мимо, дохнул на них злобой.

Вообще-то бесы, конечно, не дышат. Просто они от века настолько переполнены адским духом, что время от времени испускают ядовитые пары прямо на людей, пыхают на них злом – гнусные злопахатели! И беда тогда некрещеному человеку, живущему без молитвы, и горе тому, с кем рядом не идет его Ангел Хранитель – душа его вмиг отравляется. Зато тем, кто с утра оградил себя броней молитвы, бесы не страшны: они крепко защищены от ядовитого и зловонного дыхания бесовского. А от тех, кто в этот день успел побывать в храме да еще и причастился

, бесы сами с визгом шарахаются, боясь обжечься... Но это так, для справки, поскольку такие христиане Михрютке в этот день не попадались. Это и понятно: все было на Крестовском острове – большие дома и богатые особняки, станция метро, огромный стадион, яхт-клуб и закрытый теннисный корт, на добрых пол острова раскинулся Приморский парк Победы с целым городком аттракционов, был даже дельфинарий! Вот только церкви на острове не было.

С Кемской улицы Михрютка перешел на уединенную Северную дорогу, тянущуюся вдоль Гребного канала, и тут его окликнули:

- Эй, Михрютка, привет! Ты куда это ковыляешь?

Прямо перед Михрюткой сквозь асфальт пророс бес Недокоп. Пророс он только до половины, по пояс, облокотился о края сотворенной в асфальте дыры и с любопытством уставился на домового: известно ведь, что домовые просто так жилище не покидают, – что-то тут было не так...

- Привет, – нехотя откликнулся Михрютка, обошел торчащего посреди дороги Недокопа и потащился дальше.

- Да постой же ты! – Недокоп выкопался полностью, стряхнул со шкуры асфальтовую крошку и засеменил рядом с домовым. Дыру он за собой убирать не стал: авось кто-нибудь из прохожих в нее угодит и захромает, а то и вовсе ногу сломает. – Михрютка, – спросил Недокоп, оглядывая домового и хихикая, – а ты чего это такой томный и помятый, будто тебя долго-долго жевали, а потом с отвращением выплюнули?

- Ты на себя погляди! – хамски ответил Михрютка. Схамил он не потому, что был сердит, а потому, что бесы иначе между собой просто не разговаривают; сами хамят и людей тому же учат. – Никто меня не жевал, – продолжал домовый, – это я ранен превосходящими силами противника: поп заезжий ожег меня, бедненького, молитвой и ошпарил святой водой. А вот тебя, Недокопка, моль поела!

Соврал Михрютка: не ела моль Недокопа, хоть и был он на старого лысого крота похож, – какая ж это моль на беса сядет? А выглядел как молью побитый оттого, что был приставлен к крещеному человеку, и у того, конечно, был свой Ангел Хранитель – вот ему от этого Ангела и доставалось, да так, что клочки по закоулочкам летели.

- Да ладно тебе, – пробурчал Недокоп примирительно. Он вообще-то смутно сознавал, что оба они хороши – глянешь да плюнешь.

Говорят, что бесы гнусны видом с того самого момента, когда их, Ангелов, перешедших на сторону сатаны, архангел Михаил со своим небесным воинством смел в одну кучу, проволока через все мироздание и затолкал в атмосферу планеты Земля, тогда еще молодой и безлюдной. Словом, заперли их тут у нас. Однако некоторые биологи и демоноведы утверждают, будто

бесы на Земле поначалу еще сохраняли Ангельский облик, только темны были видом, а нынешний свой гнусный облик стяжали за тысячи лет творения всяческих безобразий – вот и стали без-образны, совсем утратив былой Ангельский образ. То же самое, между прочим, и с людьми происходит. Не замечали? А вы как-нибудь взгляните на себя в зеркало, когда сердитесь: нравитесь вы себе – с этими надутыми губами, злющими глазами и насупленными бровями? Вот это и есть «бесовская красота». Гнев у вас пройдет, но малая толика безобразия останется навеки. И всякий раз, когда вы сердитесь, вы еще этой анти-красоты себе добавляете – и так на протяжении всей жизни. Вы только подумайте, что с вашим лицом станет к старости, если вы будете давать волю гневу, ярости, зависти, злорадству, унынию и прочим бесовским чувствам? Страшно представить! Впрочем, те же старцы утверждают, что следы наших дурных дел, мыслей и чувств остаются у нас на лице лишь до тех пор, пока мы в них не каемся, а начнем каяться – и следы даже самых застарелых грехов постепенно сотрутся и пропадут. Так-то вот.

Но вернемся к нашему рассказу.

– Ты, Недокопка, где шляешься? – склочно поинтересовался Михрютка. – Вот ты за своим не следишь, а ведь из-за твоего Акопа в доме произошла очередная Ангельская диверсия!

– Вот и хорошо, что без меня произошла. Сегодня не мой день, сегодня возле Акопа его Ангелок ошивается, вынужденный простой у меня, так что извините, если у вас там что не так, а мое дело сторона! Уж прямо на час отойти нельзя... А чего случилось-то, Михрютка?

– Ой, что было, Недокоп, что было! Наш дом, весь-весь наш дом по проискам Ангелов Хранителей повергся... Нет, знаешь, не могу – язык не поворачивается! Да ты лети и сам погляди.

– Нетушки, спасибушки! Я уж лучше с тобой по островку погуляю, а то полечу да и влечу в какую-нибудь неприятность.

– Обязательно влетишь! Только рассказывать я тебе, Недокопка, ничего не стану, потому как язык мой от ужаса немеет и гортань леденеет...

Ну, коли домовой Михрютка не в состоянии толком рассказать о том, что произошло в доме Мишиных, так это сделаем мы.

В начале лета к одиннадцатилетней девочке Юле Мишиной неожиданно приехала из города Пскова ее сестра-близнец Аня. Поначалу Юлька Аннушку невлюбила и даже пыталась от нее избавиться. Но позже, пережив вместе опасные приключения, описанные в книге «Юлианна, Или игра в киднеппинг», девочки подружились и полюбили друг друга. Теперь Юлька старалась не расставаться с сестрой ни на минуту. У нее на эту тему даже как-то спор с отцом вышел.

Случилось это так. Дмитрий Сергеевич однажды заглянул утром в Юлькину комнату и увидел, что девочки спят вместе на Юлькиной кровати, а рядом стоит пустая Аннушкина раскладушка. «И вместе спать им тесно, и на раскладушке Аннушке неудобно», – подумал он и в тот же день предложил Аннушке перебраться в одну из комнат для гостей. Но Юлька страшно возмутилась:

– Я по твоей милости столько лет жила без сестры, а теперь она еще будет жить отдельно от меня? Это что же получается, папка? Днем мы будем играть и гулять вместе, а на ночь станем расходиться по своим комнатам? Нет, нет и нет! Я не хочу даже на ночь разлучаться с моей единственной сестрой! Ты, папка, купи нам двухэтажную кровать: Аннушка будет спать внизу,

а я наверху.

- И везде-то ты хочешь верх брать! - засмеялся папа, обнимая обеих дочерей. - А если Аннушка сама захочет спать наверху, уступишь ей?

- Нет!

- Я уступлю, папа, - примиряюще сказала Аннушка.

- А я не пушу ее наверх! Ты, папка, не знаешь, какая Аннушка у нас неуклюжая! Когда мы вляпались в киднеппинг, мне приходилось все время за ней следить: то упадет, то кроссовку в грязи утопит, а то и сама чуть не утонет!

При упоминании о киднеппинге папа нахмурился.

Переглянулись и Ангелы, невидимо стоявшие рядом с отцом и сестрами, Хранители Юлиус, Иоанн и Димитриус: это ведь им, воинам небесным, пришлось сражаться с целой стаей бесов за сестер, запертых злоумышленниками в заброшенном сарае. Тогда против Ангелов Хранителей выступили все крестовские и окрестные бесы во главе с предводителем Кактусом, а руководил ими не кто иной, как страшный демон Ленингад, бесовский князь Санкт-Петербурга. И Ангелы нипочем не справились бы с бесовским воинством, если бы не пришел им на помощь сам градохранитель Санкт-Петербурга, блистательный Петрус со своей Ангельской дружиной. Наголову разбили они тогда бесов в битве при Сарае.

За окном, пристроившись снаружи на карнизе, сидел зеленый бес Прыгун, приставленный к отроковице-озорнице Юлии. Услышав о киднеппинге, он содрогнулся: после проигранной бесами битвы Прыгун больше не смел вплотную приближаться к Юльке: Ангел Хранитель Юлиус его и близко к ней не подпускал. Бес отчаянно нервничал и пытался влиять на свою подопечную издали.

- Понимаешь, папа, - продолжала Юлька, - как только мы начнем возиться и прыгать, Аннушка сразу же свалится с верхней кровати и сломает ногу.

- И вот тогда мне наконец пригодится твой розовый костылек. Ты же так хотела его мне подарить! - засмеялась Аннушка.

В Юлькиной комнате действительно стоял в уголке кокетливый заграничный костыль, с которым когда-то ходила Юлька после перелома ноги. Она правильно поняла намек сестры.

- Ну да, ногу я ломала, было дело. Но вот с тех пор я и занимаюсь спортом, чтобы уж больше никогда ничего не ломать. А вот ты у нас совсем не спортивная девочка.

- А это что, вид спорта такой - прыгать по кроватям? - спросил папа.

- Папка, ну как ты не понимаешь? Вечером положено пошептаться перед сном, а утром - попрыгать и покидаться подушками.

- И ты, Аннушка, тоже так считаешь?

- Не совсем, папочка. Перед сном положено прочитать вечерние молитвы, а уж потом шептаться в постели. А утром, конечно, можно сначала немножко попрыгать и покидаться подушками, но после надо быстренько умыться и сразу стать на молитву.

- С вами все ясно, девочки. Вы хорошо спелись. Вот что, дорогие мои Юлианны, двухэтажной кровати не будет, и точка! Куплю вам одну большую двуспальную кровать. Вот на ней вы будете и шептаться, и прыгать. По крайней мере, не свалитесь и не покалечитесь.

- Класс! Папка, и в кого ты у нас такой умный? Двуспальная кровать - это здорово придумано, это в сто раз лучше, чем двухэтажная! - обрадовалась Юлька и оглушительно чмокнула отца в щеку. Но тут же снова нахмурилась: - Пап, но если в мою комнату поставить двуспальную кровать, у нас там совсем тесно станет!

- Пожалуй. А хотите, я распоряжусь, чтобы между вашей комнатой и соседней сделали проем? Тогда у вас будет комната для игр и занятий и отдельная спальня.

- Ну, это длинная история - проемы проламывать. Каникулы кончатся, покаждемся, - надулась Юлька. Но тут же снова повеселела: - А я придумала! У Жанны большая комната - зачем ей такая? Вы скоро поженитесь, и она перейдет на твою половину. Пускай она временно поживет в моей комнате, а мы с Аннушкой переберемся в ее.

Услышав эти слова, бес Прыгун подскочил и от радости чуть с карниза не свалился.

- Ай да Юлька, классно придумала! Отличный маленький повод для большой домашней войны!

Зато Ангел Хранитель Иоанн, Аннушки опекун, в тревоге всплеснул крыльями:

- Юлиус, немелленно укроти свою отроковицу! Ты представляешь, как взбесится Жанна с Жаном?

- Это-то представить не трудно, но я совсем не представляю, как остановить Юлию.

- Да ты хоть попытайся!

Ангел Юлиус подошел к Юльке, склонился над нею и стал на ухо что-то шептать ей.

Юлька нетерпеливо потерла ухо.

- Ну, папка!

Мишин задумался.

- А если Жанна не захочет уступить вам комнату? - спросил он.

Прыгун за окном двумя антеннами насторожил свои рога. Он строил Юльке рожи и что-то подсказывал на пальцах.

Хранитель Юлиус на него покосился и снова принялся шептать подопечной на ухо.

Юлька затрясла головой и почесала ухо.

Ангел Юлиус укоризненно вздохнул и отошел от нее. Прыгун же радостно закивал своей козьей мордой и завилал закрученным в спираль, как у хамелеона, хвостом.

- Жанна уступит! - надменно заявила Юлька. - Должна уступить, если хочет стать нашей мачехой. А то мы ведь и передумать можем! Папа усмехнулся Юлькиной самонадеянности.

- Похоже, братие, впереди нас ждут крупные неприятности, - сказал Ангел Юлиус Иоанну и

Димитриусу, Хранителю Дмитрия Сергеевича.

Ангелы тревожно переглянулись.

- Хорошо, я попытаюсь уговорить Жанну, - сказал Мишин, но было заметно, что он и сам не очень-то верит в успех такого предприятия.

Девочки поцеловали отца и отправились гулять. Наедине Аннушка еще раз попыталась отговорить сестру меняться жильем с будущей мачехой.

- Разве нам с тобой плохо в нашей комнате, Юля? Зачем нам стеснять Жанну? Это нехорошо и даже как-то несправедливо выходит, хоть она и противная...

- Ага, ага, ты сама ее не любишь!

- Не получается у меня любить Жанну, - вздохнула Аннушка.

- Так ей и надо! Пусть не воображает, что она в доме хозяйка, а то станет мачехой и начнет нас притеснять.

- А не получается, что мы уже сами начинаем ее притеснять?

- Ее притеснишь! - отмахнулась Юлька.

К немалому удивлению Мишина, Жанна, когда он сообщил ей о желании девочек поменяться с нею комнатами, спорить не стала. Она побледнела, затем покраснела, после чего сразу же посинела, и ее накрашенное лицо от смешения искусственных и естественных красок стало фиолетовым. Но Жанна взяла себя в руки, прикинулась кроткой овечкой и тихо сказала Мишину:

- Как скажешь, Митенька. Я готова уступить девочкам свою комнату, если ты считаешь, что так нужно.

И кротость ее притворная была тут же вознаграждена: Мишин предложил ей занять пока его кабинет, а свое рабочее место решил временно устроить внизу, в библиотеке.

- Вот отделаем третий этаж, тогда в доме станет чуточку просторнее, - сказал он, очень довольный, что дело обошлось без скандала. - Девочек поместим наверху, а сами после свадьбы займем весь второй этаж.

При упоминании о предстоящей свадьбе Жанна подобрела, и фиолетовость сошла с ее лица.

Вызвали рабочих и в первую очередь перенесли мебель, компьютер и бумаги из кабинета Мишина в библиотеку, после чего в бывший кабинет переехала Жанна со всеми своими нарядами, мебелью, косметикой, эзотерическими книгами, астрологическими таблицами, курительными палочками, биоэнергетическими маятниками, хрустальными шарами, черными свечами, амулетами, картами Таро, оберегами и прочим колдовским барахлом.

Наконец, сестрам было предложено осмотреть освободившуюся комнату Жанны и решить, как они ее обставят. Аннушка в этой комнате еще никогда не была. Она вошла в нее и остановилась у порога, тревожно озираясь.

Ангелы Иоанн и Юлиус тоже остановились в дверях.

- Экое бесовское гнездышко! - чуть гнусаво произнес Ангел Иоанн, зажимая нос двумя пальцами. - Ну и смердит!
- Да, зловоние исключительной густоты, - согласился Юлиус, обмахиваясь крылом.
- Проходи, не стесняйся, - пригласила Юлька сестру. - Тебе что, не очень нравится здесь?
- Совсем не нравится.
- Почему?
- Ну, комната такая мрачная, и пахнет тут плохо.

Юлька принялась.

- Это косметика Жанны, духи ее французские. А еще всякие эзотерические куренья - она же у нас экстрасенс. Ничего, вот мы сюда переселимся - станет пахнуть по-нашему. Что тебе еще не нравится, кроме запаха?
- Стены красные не нравятся, черный потолок не нравится и черный ковер на полу... И вообще неуютно здесь, пещера какая-то, а не комната...
- Стены и потолок - ерунда! Сегодня же скажу папе, чтобы срочно убрали этот ковер и все перекрасили.
- Юль, а папа не обижается, что ты им так командуешь?
- Чего ему обижаться? - удивилась Юлька. - Он ведь наш отец.
- Я бы никогда не решилась с ним так разговаривать.
- А тебе и не надо, тебе это совсем не идет, ты у нас девочка смирная и благонравная. Вот так и продолжай, чтобы твоей примерности на нас двоих хватало: «Ах, какие хорошие и воспитанные девочки эти сестры Мишины!». А когда нам что-нибудь от папки понадобится, например побольше карманных денег или еще что-нибудь, я все переговоры возьму на себя. Папа привык, что у меня большие требования.
- Надо отвыкать.
- Кому, папе?
- Нет, тебе. От больших требований и больших денег.
- От денег отвыкать? А это еще зачем? - удивилась Юлька.
- Затем, что детям опасно иметь много денег. Ты можешь распорядиться ими себе во вред. Так наша бабушка говорит.
- А если я привыкла к евростандарту?
- К чему, к чему ты привыкла?
- К европейскому стандарту жизни, а для этого нужны большие деньги!

- Юль, а тебе не хочется жить по христианскому стандарту? Ты же православная девочка!
- Я бы очень хотела быть хорошей христианкой, но так, чтобы при этом ничего не терять! Пусть у меня будут самая модная одежда, самый навороченный компьютер, самые красивые иконы и какой-нибудь знаменитый духовный отец!
- И ты, конечно, всем этим будешь гордиться?
- Конечно!
- А гордиться - грех.
- Гм. Ты уверена?
- Абсолютно.
- Это Церковь так говорит или ты?
- Церковь.
- Странно! А мы в школе сочинение писали на тему «Человек - это звучит гордо», и Жанна тоже говорит, что женщину гордость украшает. - Юлька уселась на черный пол, скрестив ноги и подперев подбородок кулачком. - Вообще, сестричка, я замечаю, что в христианстве все как-то наоборот, не по-людски: много денег иметь - опасно, гордиться - грешно, а других надо любить больше, чем себя. Непонятки!
- Наши христианские законы не от людей, они не от мира сего.
- А откуда же они?
- От Бога.
- А! Ну, Ему, конечно, виднее. Знаешь, я Его иногда понимаю. Вот ты, например, у нас тоже не от мира сего, а мне ты нравишься гораздо больше Киры, Гули и, если уж честно, даже больше меня самой. Вот и получается, что вы с Богом правы! - Она легко вскочила на ноги и огляделась. - Ладно, хватит философствовать, давай о деле думать! Вот тут мы поставим нашу двуспальную кровать, выберем са-а-амую большую, какая только найдется в мебельном магазине! Тут будет твой стол, тут мой, а между ними компьютерный столик. Хочешь отдельный компьютер или пока будем общим пользоваться?
- Хватит нам одного компьютера, незачем отца разорять. Я ведь им и пользоваться толком не умею.
- Я тебя в два счета научу! А самые сложные операции Юрик покажет. Сюда шкаф поставим, сюда музыкальный центр. А в этот угол поставим полки. Согласна?
- Насчет этого угла я как раз не согласна, Юленька.
- Почему?
- Это Красный угол.
- Да тут все углы красные!
- Не в том смысле красный: красным называется угол, в котором иконы стоят.

- А разве нельзя их держать на полке, как до сих пор было?
- Можно, конечно, если по-другому не получится. Но лучше бы устроить настоящий молитвенный уголок.
- Ну давай рассказывай, как его устраивают.
- Да очень просто: мы поставим в угол маленький столик для книг, а над ним повесим мои иконки. Еще хорошо бы лампадочку поставить или повесить...
- И она будет по ночам гореть? Я в кино такое видела.
- У нас с бабушкой в спальне всегда лампадка горела, пусть и у нас горит.
- Ух ты, класс! Только надо и мне свои иконы завести. Откуда у тебя иконы?
- От мамы и бабушки.
- Я не про это! Откуда вообще иконы берутся?
- В Пскове их продают в церквях и в монастырях, у нас их много.
- В Петербурге тоже полно церквей. Давай попросим дядю Акопа туда съездить и купить для нас все что надо.
- А давай, Юль, сделаем так: попросим дядю Акопа свозить нас в иконную лавку и там сами выберем иконы и купим их на свои карманные деньги.
- Правильно, так и сделаем! И попросим папку для такого случая выдать нам побольше карманных денег. Купим самые лучшие, самые красивые и самые большие иконы!
- И всегда-то тебе хочется самое-самое, - вздохнула Аннушка.
- А как же иначе? - удивилась Юлька.

Ремонт сделали быстро, всего за три дня, а потом в бывшую «пещеру» Жанны перенесли мебель из Юлькиной комнаты. Была куплена большая двуспальная кровать, составленная из двух отдельных кроватей, которую девочки сразу же проверили - испрыгали оба матраца вдоль, поперек и по диагонали. Кровать испытания выдержала - не развалилась и даже ни разу не скрипнула.

Из библиотеки сестры сами перенесли в свою новую комнату круглый столик и поставили его в красный угол, и Аннушка разложила на нем свои иконки, молитвослов и Евангелие. Потом они пошли к Акопу Спартаковичу и попросили его свозить их в иконную лавку.

- Хотите купить в новую комнату новые иконы? Хорошее дело задумали, девочки, - сказал Акоп Спартакович, - и я вам с радостью помогу. Не станем откладывать благое дело, едем прямо сейчас! Я вот только позвоню Дмитрию Сергеевичу и спрошу, сколько денег можно потратить на это духовное мероприятие.

У папиного секретаря Акопа Спартаковича была одна особенность, делавшая его человеком непредсказуемым не только для окружающих, но и для самого себя. Дело в том, что приставленные к Акопу Спартаковичу Ангел Хранитель и бес-искуситель находились при нем не одновременно, а по очереди: если сегодня ему сопутствовал Ангел, то завтра им руководил

бес. В этот удачный для сестричек день Акоп Спартакович пребывал под сугубым наблюдением Ангела Хранителя Акопуса, а бес Недокоп боязливо пребывал в сторонке.

Они отправились на машине покупать иконы.

Ангелы Хранители их, конечно, сопровождали, а бесы Недокопка и Прыгун, услышав о цели поездки, благоразумно решили остаться дома.

Акоп Спартакович по роду своих обязанностей хорошо знал, что и где в городе можно купить. Он повез сестер в православный магазин напротив Александро-Невской Лавры, и там их встретило великое обилие икон, лампад и церковной утвари. Увидев прислоненный к стене золоченый резной иконостас, Юлька бросилась к нему.

- Что это, Ань?

- Иконостас.

- Обалдеть! Вот то, что нам нужно, - решила Юлька. - Ты представляешь, придут Юрик и Гуля с Кирой в гости, откроют дверь в нашу комнату, а у нас - иконостас!

- Нет, Юленька, это иконостас для небольшой церкви или часовни; нам с тобой надо что-нибудь поскромнее. И вообще иконостасы ставят только в церкви, а нам бы подошел небольшой киотик.

- А вот что это там за шкафчик такой с иконами? Это нам не подойдет?

- Это как раз и есть киот для икон. Но он страшно дорогой, Юля!

- Ничего. Папа разрешил купить все, что нам понравится, - вот мы его и купим. И еще вот такой подсвечник - ты только посмотри, Ань!

Понравившийся Юльке бронзовый подсвечник был ростом почти с нее и тоже оказался церковным: пришлось ограничиться лампадкой на кронштейне с цепочкой. Потом Юльке понравились расписные фарфоровые сосуды и кружечки для святой воды и серебряные ладанницы. Было куплено и то, и другое, и третье, после чего перешли к иконам. Аня сразу же выбрала две иконы Спасителя и одну Божьей Матери.

- Одну икону Иисуса Христа я бы хотела купить для столовой. Как ты думаешь, Юль, папа позволит ее там повесить? А то перед едой молимся на пустой угол.

- И спрашивать не будем, повесим и все! Правда, дядя Акоп?

- Не думаю, что Дмитрий Сергеевич станет возражать, - ответил тот. - Но спросить надо, хозяину дома уважение оказать.

- Ладно, окажем, - легко согласилась Юлька.

Она попросила продавца показать ей иконы Ангела Хранителя и, конечно, выбрала самую большую.

- Не надо ее заворачивать, я ее в руках понесу, - сказала она продавцу. Тот удивился, но вручил икону ей в руки.

Юлька поцеловала икону и прижала ее к груди.

- Я хочу сама внести в дом икону моего Ангела Хранителя, - шепнула она сестре. - Ведь я его так люблю, так люблю!

Растроганный Ангел Юлиус в ответ тихонечко поцеловал ее в макушку. Аня улыбнулась сестре.

- Еще надо купить икону твоей святой. Только я не знаю, какая у тебя Юлия, их ведь несколько.

- Мученица Юлия Карфагенская, - сказал Юлиус Иоанну и Акопусу. - Только вот как бы Юленьке сообщить об этом?- Да очень просто, - сказал Акопус и порхнул за прилавок, где рядом с продавцом стоял его Ангел Хранитель. Ангелы пошептались, Хранитель наклонился к продавцу и что-то тихо ему сказал.

Продавец внимательно прислушался к беседе девочек.

- Как твое святое имя, девочка? Юлия? -Да.

- А когда тебя крестили?

- Ань, когда?

- Она родилась седьмого июня, в один день со мной, а крестили нас через восемь дней, - сказала Аннушка. - Так наша бабушка говорит.

- Ага, теперь все ясно: вы сестры-близнецы и крестили вас в один день. Значит, ее святая покровительница - мученица Юлия Карфагенская. Сейчас мы разыщем иконку твоей святой. - Продавец выставил на прилавок длинную коробку, в которой плотно стояли небольшие иконки, и стал их перебирать. - Вот она, держи!

Юлька одной рукой прижала к груди икону Ангела Хранителя, а другой бережно взяла маленькую иконку Юлии Карфагенской.

- Вот она какая, моя святая!

Аннушка подошла к сестре, обняла ее и тоже стала рассматривать иконку: святая Юлия была изображена в голубом хитоне с белым покрывалом на голове и плечах, а в правой руке она держала крестик.

- Святая Юлия Карфагенская была распята на кресте подобно Христу, - сказал продавец. - Жестокий правитель казнил ее за то, что она отказалась служить языческим богам

.

- А у вас нет ее биографии? - спросила Юлька.

- Истории жизни святых называются житиями, - поправил ее продавец. - Спроси в соседнем отделе, где у нас книги. Но могу тебе сказать, когда у тебя именины, - двадцать девятого июля. Скоро будешь праздновать день своего Ангела

.

- Здорово! А когда твой день Ангела, Ань?

- У меня день Ангела уже прошел, он у меня двенадцатого июня, - сказала Аннушка.

- А тебя как зовут? - спросил продавец.

- Аня.

- В честь святой Анны Кашинской?

- Да, моя святая - благоверная княгиня Анна Кашинская

.

- А ты знаешь ее житие?

- Знаю. Она была вдовой князя Михаила Тверского, тоже святого, а после его смерти она ушла в монастырь. В городе Кашине хранятся ее мощи: частицы их там есть в каждой церкви.

- Откуда же ты все это знаешь?

- Мы с бабушкой ездили в паломничество в город Кашин.

- И у тебя, конечно, есть иконка святой Анны Кашинской?

- Есть. На мощах освященная. Мне бабушка подарила.

- Какая чудесная у вас бабушка! А тебя бабушка не возила на поклонение мощам святой Юлии Карфагенской? - с улыбкой спросил продавец Юльку. - Ведь у вас, как я понимаю, одна бабушка на двоих? Впрочем, что я спрашиваю! Мощи святой Юлии находятся в Италии, а ехать туда далеко и дорого.

Юлька немного обиделась и тут же задрала нос.

- Если я захочу, то сама могу запросто свозить мою бабушку к моей святой в Италию!

Продавец поднял брови.

Юлиус тут же подлетел к Юльке и начал ей выговаривать.

Юлька искоса глянула на икону Ангела Хранителя: ей показалось, что Ангел смотрит на нее неодобрительно.

- Простите! - буркнула она продавцу.

Ангел Юлиус покачал головой. Продавец вежливо ответил:

- Бог простит.

- Пойдем, Юля, посмотрим, что тут еще есть, - сказала Аннушка, беря сестру за руку и отводя от прилавка. - Извините нас, пожалуйста! - тихо сказала она продавцу. Тот кивнул и улыбнулся в ответ: Аннушкино «извините» прозвучало совсем иначе, чем Юлькино «простите».

- А чего ж он... - начала было шепотом возмущаться Юлька, но Аннушка ее перебила:

- Юленька, давай теперь посмотрим книги!

Девочки отправились в соседний зал и там остановились, разглядывая полки с книгами.

Ангелы последовали за ними.

- Какие славные девочки! - сказал Акопу Спартаковичу продавец. Было похоже, что на Юльку

он ничуть не обиделся.

- Да, хорошие девочки, хотя и очень разные.

- Разве? А мне показалось, что их совсем не различишь.

- Это, знаете ли, только на первый взгляд.

Продавец в книжном отделе был совсем молоденький и одет был в какой-то, как показалось Юльке, черный халат. Он первым делом спросил, есть ли у девочек детские молитвословы и Евангелие, потом стал расспрашивать, что они любят читать.

- Жития и книги о русской старине, - сказала Аннушка.

- Фэнтези, - буркнула все еще надутая Юлька.

- Фэнтези? - обрадовался книжный продавец. - Замечательно! Знаешь, я тоже очень люблю христианские фэнтези.

- Разве такие бывают? - удивилась Юлька.

- Конечно, бывают! «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса, например, или сказки Джорджа Макдональда

. А еще современный русский автор Елена Чудинова

, у нас есть ее новая книжка «Ларец». В книге рассказывается, как три девочки, примерно ваши ровесницы, победили ужасного древнего демона.

- Верующие были девочки? - спросила Аннушка.- Конечно! Иначе как бы они с ним справились? Вот вам Льюис, вот вам Макдональд, а вот Чудинова... - продавец достал с полки и положил на прилавок три нарядные книжки. - А вон там на полке - книги Николая Блохина. Это тоже православные фэнтези.

- Ой, я его читала! А «Бабушкины стекла» у вас есть? - спросила Аннушка.

- Как не быть! А еще для вас персонально, раз вы так любите историю, есть его новая книжка «Святая Русь на реке времен». Очень советую!

- А «Гарри Поттер» у вас есть? - спросила Юлька, в сомнении перелистывая «Нарнию». —У меня уже есть четыре книги, а пятой пока нет.

- Книгами о Гарри Поттере не торгуем, - строго сказал продавец.

- Почему?

- Потому что там все неправда.

- Как? Разве не все фэнтези - выдумка? - удивилась Юлька.

- Фэнтези то же самое, что волшебная сказка, а мудрые сказки не только забавляют, но и учат различать добро и зло, - ответил продавец. - А неправильная сказка только развлекает и перемешивает добро со злом в одну кучу - вот я про какую неправду толкую. Понятно?

- Не очень, - ответила Юлька. - Лично я очень хотела бы учиться в школе волшебников, как Гарри Поттер.

- Православная девочка хочет учиться в школе ведьм и колдунов? - удивился продавец и покачал головой.- Да ну вас, ничего вы не понимаете! - обиделась Юлька.

- Я только свое мнение высказал, - пожал плечами продавец. - Может у меня быть свое мнение о Гарри Поттере?

- Не может! - топнула ногой Юлька. - Если вы торгуете книгами для детей, так и должны продавать то, что детям нравится, - а детям нравится Гарри Поттер!

- Ну, далеко не всем детям нравится этот психованный Гарик.

- Всем! Всем нравится! Если только они не последние тупицы отсталые! - вдруг закричала Юлька, покраснев и топая уже двумя ногами поочередно.

- Юленька, что с тобой? - испугалась Аннушка.

- А ничего! Надоели мне все эти поучения! Она развернулась и быстро пошла в третий зал, где продавались одеяния для священников, которые ей были, конечно, совершенно ни к чему.

- Я, кажется, ее обидел? - растеряно спросил продавец Аннушку.

- По-моему, это она вас обидела. Вы на нее не сердитесь, на нее иногда находит. А вообще-то она очень хорошая, честное слово!

- А как ее зовут? Вы ведь сестры, да?

- Сестры. Ее зовут Юля, в честь Юлии Карфагенской.

- Ой, вот хорошо-то! - воскликнул продавец. Он выхватил из-под прилавка какую-то книжку и побежал вслед за Юлькой.

- Юлия, а Юлия! Пойдите-ка! - позвал он, и когда Юлька оглянулась, протянул ей книжку. - Простите меня Христа ради! Расстроил я вас, ввел в искушение... И примите от меня подарок: в этой книжке про вашу святую Юлию Карфагенскую написано.

- Правда? - Юлька тотчас забыла обиду и взяла у него книжку, прижав икону Ангела подбородком. - Николай Блохин, «Избранница»
... Сколько стоит эта книжка?

- Нисколько. Это вам от меня подарок на именины - у вас ведь скоро день Ангела.

- Ага, говорят... А у вас что, такая большая зарплата, что вы покупателям книги в подарок раздаете?

- У меня не зарплата, у меня стипендия, я в семинарии учусь. А эту книгу мне наш директор отдал: видите, у нее сзади обложка порвана.

- А! Ну тогда спасибо. Я дома попрошу Аннушку заклеить, она у нас аккуратная, - сказала Юлька. - Наконец я теперь все узнаю про мою святую!

Девочки вернулись в книжный зал и снова принялись перебирать книги на детской полке.

- А что это такое, семинария? - шепотом спросила Юлька у сестры.

- Это школа, где учатся будущие священники, - так же шепотом ответила Аннушка.

- Так вот почему на нем этот черный балахон, это у них форма такая?

- Да. Подрясник называется.

Аннушка купила маленький молитвослов для детей и книгу «Святая Русь на реке времен», а Юлька решила взять сразу все книги Николая Блохина, какие были в лавке:

- Мне этот писатель уже нравится, раз он про мою святую пишет! - объяснила она продавцу и Аннушке.

Сестры вернулись в первый зал к Акопу Спартаковичу. Тот уже успел расплатиться за покупки и даже отнести в машину тяжелый киот. Когда подошли девочки, продавец уже заворачивал последнюю покупку - фарфоровый сосуд с изображением Александро-Невской Лавры и надписью «Святая вода». Увидев сестер, Акоп Спартакович сказал продавцу:

- Не надо заворачивать эту бутылочку. Дайте-ка ее мне!

Продавец удивился, но протянул сосуд Акопу Спартаковичу. Тот бережно опустил его в карман пиджака и обернулся к сестрам.

- Вы не устали, девочки? - спросил он.

- Ну что вы, дядя Акоп! Тут все так интересно! - сказала Юлька.

- Тогда позвольте предложить вам маленькое паломничество.

- Паломничество? - удивилась Аннушка. - А далеко? Папа не будет волноваться?

- Он знает, что вы со мной, и волноваться не станет. А паломничество нам предстоит не слишком далекое - в Александро-Невскую Лавру.

Они простились с продавцом, Акоп Спартакович взял сестер за руки и повел их из лавки. Они оставили машину с покупками на стоянке, с трудом уговорив Юльку положить иконы Ангела Хранителя и святой Юлии на сиденье. Они обошли площадь с памятником святому Александру Невскому посередине и направились в ворота Лавры. Акоп Спартакович при этом перекрестился, и девочки сделали то же самое. Они миновали стену старинного кладбища, куда посетителей пускали почему-то за деньги, перешли по мостику неширокую речку и подошли к собору. Войдя в храм, дядя Акоп положил три земных поклона, истово восклицая при этом:

- Боже, милостив буди мне, грешному!

- Он у тебя всегда так благочестив? - спросил Акопуса Ангел Иоанн.

- Через день, - честно ответил Акопус.

Девочки восхищенно оглядывали грандиозный храм, в котором сейчас было совсем немного народа; только в одном приделе небольшой толпой стояли молящиеся - там служили молебен.

Аннушка сказала сестре:

- Пойдем, купим свечи и поставим за здоровье папы и бабушки и за упокой нашей мамы.

- Веди. Я тут ничего не понимаю.

Они купили свечки: Юлька, конечно, выбрала самые большие и дорогие, Аннушка - средние. За папу и бабушку поставили свечи Божией Матери, Спасителю и святому Александру Невскому, а за маму - к Распятию.

- Теперь мы пойдем поклониться святым мощам князя Александра Невского, русского покровителя нашего города, - торжественно объявил Акоп Спартакович, и они отправились к раке святого князя.

- А что, есть и нерусский покровитель Петербурга? - спросила по дороге Юлька.

- Да, святой апостол Петр - ведь это в честь него назван город.

- Правда? А я думала, в честь Петра Великого!

- В старой России в честь самих себя города не называли, - строго сказал Акоп Спартакович.

Трое Хранителей степенно выступали за подопечными. Возле раки с мощами стояло несколько Ангелов, а над самой ракой их вилась целая стая. Но какова же была радость Хранителей, когда среди стоящих Ангелов они разглядели и самого святого князя! Он был в старинном русском одеянии, длинном, богато расшитом, и с сияющим венцом на голове. Ангелы почтительно ему поклонились. Святой по их просьбе благословил сестер и Акопа Спартаковича.

Юлька в храме присмирела, а возле раки святого князя и вовсе оробела, что было на нее совсем не похоже. Она не спускала глаз с Аннушки и повторяла все ее движения: положила такие же земные поклоны перед ракой, благоговейно приложилась к ней и скромно отступила в сторону, уступая место другим паломникам. Отойдя от раки, сестры обнаружили, что дядя Акоп куда-то исчез. Они вышли в притвор и там стали его дожидаться.

УАкопа Спартаковича, похоже, везде были связи: он подошел к старушке, убиравшей храм, что-то ей шепнул и передал сосуд для святой воды; она взяла его и скрылась за укромной дверцей между колоннами. Через несколько минут старушка вынесла сосуд, уже наполненный святой водой, и литровую пластиковую бутылку в придачу. Потом Акоп Спартакович скрылся за другой дверью и вскоре вышел оттуда, ведя за собой молодого священника, на вид совсем юношу, невысокого, худенького и с небольшой белокурой бородкой.

- Вот эти сестрички, отец Георгий, - сказал он, подводя его к девочкам.

- Благословите, батюшка, - сказала Аннушка и склонилась перед священником, держа перед собой ладони крест-накрест. Отец Георгий благословил ее и вопросительно поглядел на Юльку.

- Здравствуйте, - вежливо ответила Юлька и протянула руку. - Меня зовут Юлия Мишина.

- Очень приятно познакомиться, благочестивая паломница Юлия, - сказал отец Георгий, пожимая ей руку. - Пришла поклониться святому покровителю нашего города?

- Я с сестрой пришла, - честно уточнила Юлька.

- Что ж, благое начало, - ласково сказал батюшка и погладил Юльку по голове. - Ты побывала в гостях у святого благоверного князя Александра Невского, а теперь я поеду к вам в гости, и

мы освятим ваш дом.

- Ой, как хорошо! - просияла Аннушка. - Я уже давно хотела папу об этом попросить. Спасибо вам, дядя Акоп!

- Надо было давно ко мне обратиться, я бы все устроил, - сказал Акоп Спартакович.

- Угу, только надо было еще правильное время выбрать, когда к тебе можно обращаться: в Недокопкин день ты бы нам такое освящение устроил, что святых выноси! - заметил Ангел Акопус.

- Ну что, Акоп, едем? Времени у меня немного, - сказал отец Георгий.

За скромным худеньким священником ступал высокий статный Ангел; он был на целую голову выше других Ангелов Хранителей и намного шире их в плечах.

- Куда едем? - спросил он Хранителей из дома Мишиных.

- На Крестовский остров, в дом, который еще никогда не освящался.

- Понятно, - сказал Ангел Георгиус и поправил рукоять меча.

Сказать, что в доме Мишиных в этот день произошел скандал, все равно что назвать извержение вулкана праздничным фейерверком.

Машина со священником и святой водой еще только въехала на остров, а Крестовские бесы уже переполошились, как стая ворон перед грозой: они слетались со всех сторон, облепили деревья вдоль Петроградской улицы и Морского проспекта; с дикими воплями они кружились над машиной, пикируя на капот и пытаясь залепить крыльями ветровое стекло. Их отгоняли Хранители, летевшие низко над крышей автомобиля; Ангелы защищали своих людей и зорко следили за дорогой, чтобы не дать бесам подстроить какую-нибудь дорожную аварию - на такие пакости бесы большие мастера! Вот, кстати сказать, почему в автомобиле обязательно надо иметь иконку, и хорошо, что у Акопа Спартаковича к приборной доске были прикреплены пять образочков. Правда, на зеркале у него висел маленький зеленый чертик - но ведь это же Акоп Спартакович!

Наконец машина въехала в ворота, и тут-то началось самое главное! С молитвой кропя святой водой все вокруг, по дорожке к дому двинулся отец Георгий; за ним шли Акоп Спартакович и девочки, все трое сияющие и мокрые - молодой священник то и дело оборачивался и кропил их «святым душем».

Над ними, распевая молитвы, летели торжествующие Ангелы Хранители, а впереди, сверкая обнаженным мечом, победно выступал грозный Ангел Георгиус.

Услышав, что дом собираются освящать, бесы-минотавры, прижившиеся при охране, один за другим перескочили через высокий забор и попрятались в кустах на другой стороне улицы.

Вбежав на крыльцо, Акоп Спартакович гостеприимно распахнул дверь дома перед отцом Георгием. Вслед за ним вошли и девочки.

- Жанна! Ты дома? Иди скорее сюда! Мы сейчас дом будем освящать! - закричала Юлька.

Ей никто не ответил.

- Уехала куда-нибудь? - предположила Аннушка.

- Ей же хуже, - пожалала плечами Юлька. - Самое интересное пропустит, потом сама жалеть будет.

А Жанна вовсе никуда не уезжала: предупрежденная бесами, она забаррикадировалась в своих новых апартаментах и лежала на кровати, накрывшись черным покрывалом и засунув голову под подушку.

Бес Жан, надо отдать ему должное, хозяйку в деле не покинул, хотя при первых же звуках молитвенных песнопений все его бородавки вспухли и стали оранжевого цвета, будто их смазали свежим соком чистотела: черный бес-ящер стал похож на гигантскую саламандру. Он лежал под кроватью Жанны, цепенея от страха и не осмеливаясь даже почесаться.

- Уж-ж-жас! Ненавиж-ж-жу! Уничтож-ж-ж-у! - слышалось из-под черной подушки.

Жан осторожно высунул голову из-под кровати. - Да не жужжи ты как оса - услышат! Они уже рядом, в спальне Мишина...

- Ой! - Жанна кувырком слетела с кровати и поползла под нее, шипя:

- Подвинься, ты, земноводное!

- Земноадное, смею заметить, - поправил ее Жан.

- Тс-с-с, саламандра!

- Сама тс-с-с, лахудра!

Они лежали рядом под кроватью, толкаясь, лягаясь, переругиваясь, и от бессильной ярости скребли когтями по паркету.

А больше всех в этот день не повезло домовому Михрютке. С утра у него было лирическое настроение. Он качался на люстре в гостиной и вспоминал незабвенные былые годы, проведенные в запущенном Исаакиевском соборе, превращенном в музей. В храме тогда не шли службы, не звучали молитвы, а он Михрютка, находясь в должности музейного домового, качался, сколько хотел, на маятнике Фуко. Злонаучный этот маятник демонстрировал суточное вращение Земли и, по заверениям экскурсоводов, будто бы тем самым одновременно доказывал отсутствие Бога. Бес-то знал, что вращением Земли, как и движением всех других светил во Вселенной, сам Бог и заведовал, но пустословие гидов ему очень даже нравилось. Эх, золотое было времечко, хорошо жилось бесам при коммунистах-атеистах! Вот бы снова храмы закрыли, священников разогнали, а людям запретили в Бога верить! И пусть бы даже они при этом и в бесов не верили - наплевать! «Оно даже и лучше, когда в тебя не верят,- размышлял Михрютка, - тут-то самая волюшка и начинается: делай что хочешь - никто тебя не заподозрит».

Когда послышалось пение священника и Ангелов, размечтавшийся домовый не успел удрать и как следует спрятаться. Услышав шаги у дверей гостиной, он прямо с люстры сиганул в камин. А отец Георгий взял да и брызнул в жерло камина святой водой! Несчастный Михрютка, ломая крылья, теряя когти, с истошным криком нырнул в дымоход, там врезался головой в закрытую заслонку и только после этого вылетел в трубу. А возле дома на него еще и быки-минотавры с рогами наперевес набросились: «Почему-му-у попы со святой водой ходят по всему-му-у нашему-му-у дому-му-у? За что платим до-мовому-му-у?». И с каждым «му-му» рогами по

Михрютке – бум-бум! И так они его отмумукали и отбумбумкали, что он еле живой от них вырвался.

Отец Георгий в сопровождении дяди Акопа, сестер и Ангелов обошел весь дом, пропустив только запертую комнату Жанны. Но бывшую ванную комнату Мишина, которой уже начала пользоваться Жанна, отец Георгий все-таки освятил. Услышав, что он вступил в нее с молитвой, Жанна взвыла и заколотилась головой о пружины кровати.

- Ты чего, хозяйюшка? – спросил Жан с притворным участием. – Смотри, головку повредишь, прическу попортишь!

- А ты что, не слышишь? Элементарных удобств лишают! Теперь в туалет ходить будет страшно, а уж чтоб понежиться в ванне... Выживают проклятые девчонку из собственного дома!

- Дом пока еще не твой, хозяйка!

- Ерунда, почти мой! Ну, я им покажу...

- Не переживай. Поставишь на туалетный стол тазик, кувшин с водой...

- Ну да, как бомжика!

- Напротив, как маркиза!

- Заткнись, ящер подкроватный!

- Ну, не вечно мне под твоей кроватью лежать, это место скоро занято будет.

- Кем это?

- Не кем, а чем – ночным горшком.

- Хвост оторву!

- А вот так не шути, хозяйка, – предупредил Жан, показывая акульки зубы, – сегодня я нервный, могу и цапнуть ненароком.

Жанна презрительно фыркнула и лягнула Жана, но дразнить больше не стала.

Освятили весь дом, после чего отца Георгия напоили чаем, и Акоп Спартакович повез его обратно в Лавру.

Вот о чем поведал бы домовой Михрютка бесу Недокопу, будь он в состоянии вести рассказ, но он не мог и двух слов связать. И вообще, он шел прятаться, когда Недокоп за ним увязался. Так вдвоем они и дошли до Лебяжьего пруда, где у Михрютки было присмотрено на всякий случай укрытие на чердаке лебединого домика. Напугав и разогнав лебединую семью, с шумом разлетевшуюся по глади пруда, забрались они на чердак, зарылись в сухую солому в самом узком месте под крышей и сразу же уснули: домовой Михрютка – чтобы оправиться от перенесенного потрясения, а ленивый бес Недокоп – просто за компанию.

Снилось Михрютке, что он снова оказался на старом месте работы, в Исаакиевском соборе, и почему-то лежит связанный под маятником Фуко, а маятник с каждым раскачиванием бьет его по боку чугунным шаром – «Бу-ум! Бу-ум!». Михрютка при этом дергался и повизгивал, не

просыпаясь.

До самого ужина сестры с помощью Акопа Спартаковича вешали в красном углу киот, ставили в него иконы, прикрепляли кронштейн с лампадкой. Когда же красный угол был полностью устроен, Аннушка вынула из своей сумки портрет в деревянной рамке и попросила Акопа Спартаковича повесить его над их с Юлькой кроватью. С портрета на девочек веселыми глазами глядела молодая женщина с пышными русыми волосами.

- Это наша мама, Юленька, - сказала Аннушка.

Юлька запрыгнула на кровать, подошла к стене и долго смотрела на маму, опершись руками на стену. Потом вздохнула и сказала:

- Ладно, пойдем повесим икону в столовой.

А поздно вечером, когда обе улеглись в постель, Юлька попросила:

- Давай потушим свет, и ты мне все расскажешь про нашу маму.

- А свет зачем тушить, если ты еще не собираешься спать?

- Чтобы я могла плакать в темноте, пока ты будешь рассказывать.

- А лампадку оставим?

- Лампадку можно оставить: от нее свет тихий, он мне не мешает.

Аннушка рассказывала сестре о маме: какая она была красивая и веселая, как ее любили дети в обычной школе и в школе воскресной; как они с мамой и бабушкой ездили в паломничество на остров Залит, к удивительному старцу отцу Николаю Гурьянову; как ходили в лес за грибами и ягодами и однажды нашли в лесу зайчонка-сироту, вырастили его, а потом выпустили обратно в лес... Юлька слушала и тихонечко, чтобы не мешать рассказу, плакала.

Глава 2

Аннушка помогала сестре подготовиться к первой исповеди. В Лавре она специально для сестры купила книжечку «Как подростку готовиться к исповеди»; в конце этой полезной книжечки был напечатан «примерный список грехов, наиболее часто совершаемых подростками».

- Ага, это у нас, выходит, образец для подражания, - хихикнула Юлька, но, начав читать, посерьезнела, притихла и скоро погрузилась в пучину покаяния.

- Ужас какой! - шептала она, читая перечень грехов и загибая пальцы, что-то отмечая на полях и снова возвращаясь к началу списка.

Вдруг она подняла голову и заявила трагическим голосом:

- Аннушка, знаешь, что я тебе скажу, сестрица? Я решила на исповедь не ходить.

- Она это серьезно, брат Юлиус? - озабоченно спросил Хранитель Иоанн.

- Очень даже серьезно, слава Богу! - ответил Юлиус, и вид у него при этом был донельзя лучезарный.

- Да ты никак рад? - изумился Ангел Иоанн.

- Конечно, и даже очень рад: это же прекрасно, брат, что Юлия так чистосердечно сокрушается о своих грехах. А на исповедь она пойдет - соберется с силами и пойдет!

- Это почему же ты не хочешь идти к исповеди, Юля? - спросила Аннушка, писавшая что-то в блокнотике.

Юлька сделала большие глаза и прошептала:

- Понимаешь, Ань, я грешна почти во всех грехах!

- У меня тоже грехов хватает, вот смотри, я уже исписала два листка.

- Дай списать! - оживилась Юлька.

- Да ты что, сестричка? Это ж не задача по математике! И задачки списывать нехорошо, а уж это... Ты понимаешь, Юля, ты будешь в своих грехах каяться батюшке, а Господь будет невидимо стоять рядом с вами и все слушать. Разве можно Его обманывать?

- Его обманешь, как же... Не-е, Ань, ты как хочешь, а я на исповедь не могу явиться с таким вот списком!

- Юля, скажи мне честно, ты хочешь от своих грехов избавиться?

- Да как тебе сказать, - покусывая кончик карандаша, задумчиво ответила Юлька. Потом она снова прошлась глазами по списку. - Если честно, то с некоторыми грехами я бы могла преспокойно жить и дальше.

- Например?

- Вот, например, «пристрастие к модной одежде».

- А ты носи модную одежду без всякого пристрастия к ней - вот и не будет греха. Есть - хорошо и спасибо нашему папе, а нет - и не надо. Сможешь так?

- Ну, если потренироваться, может, и смогу.

- Вот и с остальными грехами так же: потренируешься и избавишься с Божьей помощью.

- Но как же я отцу Георгию весь этот список-то зачитаю? Стыдно!

- Юлька! Вот ты всех уличных кошек норовишь переглядить. Представь себе, что ты подхватила от них стригущий лишай, волосы у тебя лезут. Ты что же, от стыда не пойдешь к врачу и будешь лысеющую голову под платочек прятать?

- А в церковь и надо ходить в платочке, сама говорила, ага!

- И в лицей в платочке пойдешь?- Ну, это уж нет! В общем, с лишаем, конечно, придется пойти к врачам. Но стыдиться-то лысины я все равно буду!

- Вот так и с грехами: стыдись, а к врачу духовному все равно иди, и отец Георгий тебе поможет от греховных лишаев избавиться.

- Красиво говоришь, сестрица! Ладно, уговорила, пойду я на исповедь.

А за ужином девочек ожидала хорошая новость.

- Аннушка, теперь ты можешь звонить бабушке, - сказал Дмитрий Сергеевич. - Она прислала телеграмму с номером своего телефона. Держи! Однако, как они там затянули это дело - целый месяц не могли обыкновенный телефон поставить!

Аннушка обрадовалась, а Юлька ревниво заметила:

- Между прочим, папа, это и моя бабушка!

- Конечно, и твоя тоже, - поспешила ее успокоить Аннушка.

- Тогда дайте же и мне телеграмму почитать!

- На, читай, пожалуйста!

Юлька схватила телеграмму и задушевым голосом пропела:

- Телефон подключили зпт номер 4 23 15 тчк целую девочек зпт бабушка. Ба-буш-ка! - и Юлька звучно поцеловала телеграмму.

- Фу, как негигиенично, Юлька! - скривилась Жанна. - Ты представляешь, через сколько рук прошла эта телеграмма?

- Жанна, а у тебя есть бабушка?

- Нет.

- Ну, так ты ничего в бабушкиных телеграммах не понимаешь! - И Юлька демонстративно еще раз поцеловала телеграмму. - Мы сразу после ужина позвоним, можно, папка?

- Звоните, когда хотите и сколько хотите.

- Аннушка, ты, конечно, захочешь первая с бабушкой говорить? - вдруг жалобно спросила она сестру.

- Я только скажу, что у меня все в порядке, а потом ты, Юля, говори сколько хочешь.

- Спасибо тебе, сестрица!

- Только не забудь сказать бабушке, что это ты заставила меня косу обрезать!

Юлькин восторг сразу утих, и она возмущенно уставилась на Аннушку.

- Что, вот так прямо сразу и сказать? С этого начать знакомство с родной бабушкой?!

- Юля! Ты мне это обещала, когда уговаривала меня волосы резать.

- Да, обещала, было дело... А вдруг бабушка не захочет со мной после этого разговаривать?

- Бабушка все поймет и все простит.

- Ладно, посмотрим, - вздохнула Юлька. Жанна фыркнула, отставила недопитый чай и вышла из-за стола.

Аннушка и Юлька встали, повернулись лицом к иконе Спасителя, и Аннушка громко прочла благодарственную молитву. Папа тоже встал - он быстро привыкал к православному порядку, и, похоже, порядок этот ему даже нравился.

Телефон у Юльки был со всяческими, как она говорила, «прибамбасами», и Аннушка все эти хитрости еще не успела освоить, поэтому дозваниваться до Пскова принялась Юлька. Она нажала какую-то кнопку, и гудки стали раздаваться громко, на всю комнату.

Аннушка слушала их, склонив набок голову.

- Что-то долго никто не отвечает, - сказала Юлька. - А вдруг бабушки дома нет?

- Может, она во дворе. Подождем еще.

И вот раздалось громкое, на все комнату: «Я слушаю!». Мгновенно струсив, Юлька сунула трубку Аннушке.

- Бабушка, это я, Аня. Здравствуй, бабушка!

- Здравствуй, Аннушка. Как хорошо тебя слышно, милая, будто ты рядом.

- Как ты себя чувствуешь, бабушка? Ты здорова?

- Все слава Богу, дорогая, все слава Богу. Ну, рассказывай, как ты там живешь?

- Хорошо живу.

- Папу слушаешься?

- Слушаюсь. Это совсем не трудно, бабушка, он такой добрый!

- Балует он там тебя, наверно, сверх всякой меры?

- Еще как балует, бабушка!

- Вот я ему задам при встрече!

Девочки засмеялись.

- Это там Юленька рядом с тобой смеется? - спросила бабушка. - Дай-ка мне с ней поговорить. Сколько уж лет я ее голосок не слышала!

Юлька ахнула и запрыгала на месте, протягивая обе руки к телефону. Сестра, улыбаясь, передала ей трубку.

- Бабушка, здравствуйте!

- Здравствуй, Юленька!

- Ой, бабушка, я ужасно рада, что у меня теперь есть и Аня, и вы! Это так здорово!

- Мне это очень приятно слышать, детка.
- Бабушка, а вы меня помните?
- Конечно, помню. Только ты не кричи, дорогая, я ведь совсем не глухая и даже еще не очень дряхлая. И говори мне, пожалуйста, «ты».
- И на «ты» можно?!
- Нужно, Юленька! Ведь это ты меня не помнишь, ты совсем маленькая была, когда папа увез тебя в Ленинград, а я-то тебя, проказницу, очень даже хорошо помню.
- А какая я была маленькая?
- Ты была такая юла, что все смеялись: «Ну и имечко подобрали!».
- Ой! А еще что-нибудь про мое счастливое детство?
- У нас тогда был пес Дозор, и ты очень любила спать у него в конуре.
- Класс! Бабушка, а может быть, это была Аня, а не я?
- Ты, ты! Я-то вас никогда не путала. У тебя, между прочим, есть отличительный знак.
- Какой, бабушка?
- На левой лопатке маленькое родимое пятнышко.
- Ань, срочно подними мне сзади майку - есть там что-нибудь?
- Есть, есть! Маленькое пятнышко как раз посредине лопатки.
- левой?
- левой!
- Ура! Бабушка меня помнит!
- Конечно, Юленька, я тебя помню и люблю. Я за тебя молюсь каждый день, а молитвенная память у людей самая крепкая.
- Ясное дело: если каждый день твердить Богу про какого-нибудь человека, так и не захочешь, а запомнишь его... Бабушка! А вот если вы... если ты взаправду меня любишь, то обещай не сердиться за один мой страшный-страшный грех.
- Какой еще такой «страшный-страшный грех»? Что ты там выдумываешь?
- Бабушка, я Аньке косу отрезала!

Аннушка сделала страшные глаза и отчаянно замотала головой.

- Юленька, нехорошо сестру Анькой звать... Погоди, как это косу отрезала? Это еще зачем? Кто разрешил?
- Так уж получилось. Понимаешь, бабушка, у меня-то волосы короткие, а тут приезжает моя

сестра с длиннющей косой! Представляешь, какой ужас?

- Не понимаю, какой ужас! Такая прекрасная была коса...

- Ну как же ты не понимаешь, бабушка? Мы ведь оказались неодинаковые: лицо одно, а прически разные. А тут еще папа пообещал меня выдрать как егорову козу.

- Сидорову, наверно?

- Точно, Сидорову!

- А почему это папа собирался тебя выдрать? За дело поди?

- За дело, бабушка, за дело, - успокоила ее Юлька. - Вот тогда мы и решили стать совсем одинаковыми, чтобы папа не мог угадать, кого драть надо. Он запутался и на всякий случай простил обеих. Прости и ты, бабушка, а то ведь я завтра в первый раз на исповедь иду, так пусть у меня хоть на один грех будет меньше, ладно?

- Ладно, проказница, придется тебя простить. Но епитимью наложу на обеих: теперь вы обе забываете, где там у вас ножницы лежат, и обе отращиваете косы. Договорились?

- Договорились, бабушка! - дуэтом закричали девочки.

- Юленька, так ты завтра причащаешься?

- Да, только не завтра, а послезавтра. Так отец Георгий решил.

- Правильно решил, ведь у тебя послезавтра именины.

- Ой, бабушка, ты даже мои именины помнишь!

- Конечно, помню. Ну все, девочки, хватит нам тратить свое время и папины деньги.

- Бабушка, я тебя очень, очень люблю!

- Я тоже очень люблю тебя, Юленька. Нет, ты все-таки ни капельки не изменилась! А теперь дай-ка мне на минутку Аннушку.

- Подожди, подожди, бабушка! Я тебе еще покаяться хочу.

- Ну, покайся.

- Знаешь, бабушка, Аннушка меня все время воспитывает, воспитывает - прямо святую из меня хочет сделать!

- Ну, это у нее определенно не получится, не беспокойся. Это и есть твое покаяние?

- Да! А теперь даю тебе Аннушку! Аннушка взяла трубку.

- Бабушка, это я.

- Аннушка, ты там не переусердствуй, воспитывая Юлю в христианском духе. Не жми на нее очень-то: душа человеческая - дело тонкое.

- Ой, класс! - пискнула Юлька в полном упоении.

- Да нет, бабушка, Юля у нас умная и очень хорошая. Она сама все понимает, когда успеваешь подумать, - сказала Аннушка, улыбаясь сестре.

- Как же мне на нее хоть одним глазком глянуть хочется... Может быть, когда папа повезет тебя обратно в Псков, он захватит с собой и Юленьку?

Юлька завизжала от восторга.

- Хорошо, бабушка, мы попросим папу взять Юлю в Псков. Слышишь, как она радуется?

- Слышу, слышу. Ну, храни вас Бог, внученьки мои дорогие. Папе поклон от меня передайте.

- Передадим. Храни тебя Господь, бабушка! - сказала Аннушка.

- И твой Ангел Хранитель! - крикнула Юлька в трубку сбоку.

Когда зазвучали короткие сигналы и трубка была положена на место, сестры, не сговариваясь, взлетели на кровать и, взявшись за руки, принялись прыгать, распевая:

- Мы поедем вместе в Псков! Мы поедем вместе в Псков!

Ангелы радовались, глядя на них.

И никто из них не подозревал, что подлый Прыгун, сидя на своем обычном месте на карнизе, весь их разговор с бабушкой подслушал, запомнил и помчался докладывать Михрютке. Ну, а тот, выслушав Прыгуна, тут же побежал с доносом к Жанне и Жану.

- Юльку в Псков пускать нельзя, ее там окончательно испортят, в церковницу превратят, - решила Жанна. - После Пскова она еще и в Келпи не захочет ехать.

- Не пустим Юльку в Псков, - согласился Жан. - А вот от Анны надо бы поскорей избавиться - слишком уж от нее светло в Доме. У тебя на этот счет нет никаких идей, хозяйюшка?

- Нет. Нам остается только терпение и смирение...

- Жанна, что ты несешь!

- Успокойся - ПОКАЗНЫЕ терпение и смирение. Скоро отец повезет ее в Псков, а Юльку я отвезу в Ирландию пораньше. И тогда...

- И тогда Мишин окажется целиком в твоих нежных и цепких коготках.

- Ясное дело! А домового надо бы наградить. Эй, Михрютка, ты где там прячешься? Хочешь со мной на дискотеку поехать?

Счастливый Михрютка свалился с потолка и заплясал перед хозяйкой.

- Еще бы не хотеть! В дискотеке музыка грохочет, люди скачут, и все на бесов похожи! Повертись там - ну будто на исторической родине, в аду побывал!

- Вот и поедешь, оттянешься. Служи только хорошенько, все мне доноси, что услышишь, а награда тебе всегда будет.

- Рад служить, хозяйюшка!

Назавтра отец Георгий встретил Акопа Спартаковича с сестрами в воротах Лавры.

- Вы с Аннушкой идите в храм, - сказал он Акопу Спартаковичу, - а мы с отроковицей Юлией покамест в тенечке побеседуем.

Отец Георгий повел Юльку по дорожке между высоких деревьев, мимо старинных надгробий, подвел к скамейке под большим кленом, там усадил ее и сам сел рядом.

- Ну, расскажи мне, отроковица Юлия, как ты к исповеди готовилась? - спросил он.

- Сначала мы с Аннушкой долго-долго молились, а потом она дала мне список грехов. Вот я и стала вспоминать все-все-все грехи моей жизни и отмечать в книжечке.

- И много отметила?

Юлька молчала, опустив голову.

Молчал и священник, неспешно перебирая четки.

- Почти все отметила, батюшка, какие в списке были, - прошептала наконец Юлька. - У меня только одного греха нет из этого списка.

- В самом деле? - удивился отец Георгий.

- В одном-единственном грехе я оказалась не грешна! - сокрушенно сказала девочка, подняв на него налитые слезами глаза.

- Не может этого быть!

- Правда, батюшка, - вздохнула Юлька и пустила слезу.

- Ушам своим не верю!

Мимо них по аллейке проходил молодой монашек.

- Брат Евстафии, а поди-ка ты сюда!

Монашек подошел к ним.

- Благословите, батюшка.

Отец Георгий благословил его и спросил:

- Не знаешь ли ты, брат Евстафий, митрополит Петербургский и Ладожский у себя?

- Владыка раннюю служил, а сейчас, надо полагать, у себя в покоях отдыхает.

- Придется потревожить владыку. Поди-ка ты к нему, брат Евстафий, и отрапортуй, что в нашей епархии новая святая объявилась.

- Какая святая, батюшка? - непонимающе заморгал глазами монашек.

- А вот эта самая - отроковица Юлия. И удачно-то как объявилась - завтра Юлию Карфагенскую величаем, а нынче Юлию Крестовскую прославим: в колокола ударим, крестным ходом с нею во главе пройдем!

У Юльки от удивления слезы моментально высохли.

- Ой, вы меня не так поняли, батюшка! - воскликнула она. - Вы подумали, что я только в одном грехе виновата, да? А я виновата во всех, кроме одного!

- Да нет, я все правильно понял. Ты слышишь, брат Евстафий? Сия преподобная отроковица до одиннадцати лет дожила и каким-то одним грехом за всю свою жизнь ни разу не согрешила.

- Не может такого быть, - сказал, брат Евстафий, качая головой, - нет такого человека, чтобы даже в одном каком-то грехе за всю жизнь ни разу виноват не был. Не делом - так словом, не словом - так помыслом, а грешны мы все и во всех грехах. Кроме святых, конечно.

- Экий ты непонятливый, брат Евстафий, а я-то тебе про что толкую? Это ты да я во всех до единого грехах виновны, а вот Юлия сумела в каком-то грехе ни разу не провиниться. Святая отроковица, говорю ж тебе! Так что беги-ка ты, братец, поскорей к митрополиту, обрадуй его.

- А можно полюбопытствовать, батюшка, в каком именно грехе сия отроковица ни разу не согрешила? - поинтересовался брат Евстафий.

- Какого греха за тобой нет, праведница ты наша?

- Лжесвидательства!

- Лжесвидательства?! Фу... - отец Георгий отер лоб. - Брат Евстафий, ступай себе по своим делам: отменяются колокола и крестный ход, и митрополита тревожить незачем.

Брат Евстафий кивнул и отправился по своим делам.

- В лжесвидательстве, дорогая моя Юлия, мы все как один виновны. Клевета на ближнего, передача вздорных слухов, сплетни - все это, милая ты моя девочка, и есть грех лжесвидательства. Не верю я, что ты ни разу в жизни про своих подружек не сплетничала!

- Сплетничала, конечно, батюшка, сколько раз сплетничала... - упала духом Юлька. - Так это что же получается - я во всех грехах грешна?

- Как и я, грешный иерей, как и послушник брат Евстафий. Он ведь тебе ясно разъяснил, что все мы во всех грехах виновны. Вот будешь читать жития святых и узнаешь, как умели каяться святые, как они замечали в себе самомалейший грех и тут же старались его искоренить.

- Разве у них тоже были грехи? Они же святые!

- Вот ты пришла в церковь в синих, джинсах и в черной майке, а твоя сестрица надела белое платье. Кстати, ты тоже в следующий раз юбочку вместо брюк надень, как положено православной девочке. А теперь скажи мне, если мимо вас проедет по луже какой-нибудь шофер-грубиян и обдаст вас грязью из-под колес, на чьей одежде будет заметнее грязь, на твоей или на Аннушкиной?

- На Аннушкиной, конечно.

- Вот так и грехи. На отбеленном покаянием и молитвой душевном одеянии святых самомалейший грех был заметен, как пятно мазута на белом платье. И они его тут же замечали и очищали покаянием. Понятно?

- Понятно.

- Вот так, отроковица Юлия. А теперь пойдём в храм, я вас с сестричкой поисповедаю.

После исповеди Акоп Спартакович отвез девочек домой, и они потом целый день ходили как по струнке, стараясь ни в чем не согрешить, чтобы на завтра достойно причаститься. Юлька была само благонравие, что отметила даже Жанна, но, узнав причину, поджала губы и презрительно процедила: - Какое мракобесие!

За что и получила невидимый щипок от когтей Жана:

- Выбирай выражения, хозяйка! Бесовский мрак-то тут при чем?

Ангел Юлиус до самой ночи не отходил от Юльки ни на шаг, всячески стараясь уберечь свою отроковицу от искушений. На ночь он встал на страже у дверей комнаты сестер. Ангел Иоанн был, конечно, рядом с ним, но он-то был безмятежно спокоен и только радовался: для Ангелов Хранителей каждая исповедь подопечного праздник, а уж причастие так и вовсе именины сердца и пир духовный, как говорили в старину.

Именинным утром Юлька вдруг ни с того ни с сего начала капризничать.

То есть это они с Аннушкой думали, что ни с того ни с сего, а на самом деле это Прыгун ночью как-то исхитрился впрыгнуть через открытое окно в комнату сестер, забрался под Юлькину половину кровати и до самого утра покалывал ее снизу через матрац рогами и шептал-нашептывал... Только когда с рассветом в комнату вошли Ангелы Хранители, Прыгун сиганул из-под кровати в окно и скрылся в саду.

- Я в церковь пойду в джинсах, - вдруг заявила Юлька.

Аннушка ничего на это не ответила, она уже причесывалась.

- Разве Богу так уж важно, как я одета? - вздорным голосом продолжала Юлька. - Ему важно, что у меня в сердце делается! Вот возьму и нарочно надену джинсы с дырками на коленках...

- Надевай что хочешь, только не спорь - не грехи перед причастием.

- Я и не буду спорить, а надену что захочу! - И Юлька потянула из шкафа джинсы с разорванными коленками.

Аннушка нахмурилась, но ничего не сказала. А Юлька натянула драные джинсы и начала вертеться перед зеркалом.

- А сверху надену еще красную майку с Микки-Маусом! - заявила она, косясь на сестру.

Микки-Маус Аннушку доконал.

- Юля, а что ты наденешь на праздничный обед в честь своих именин? - спросила она.

- Белое кружевное платье.

- Чудно! А мне дашь надеть вот эти твои джинсы?

- Ты что, собираешься на мои именины явиться в драных джинсах?

- Если будет не очень жаркий день. А если будет жарко, надену купальник.

- Ты с ума не сошла, Ань? - озабоченно спросила Юлька и даже потрогала Аннушкин лоб.
- Да почему же это я с ума сошла? В жаркий день купальник - самая удобная одежда.
- Но не за праздничным же столом! Я обижусь, если ты явишься в купальнике на мои именины!
- Что для тебя важнее - мой внешний вид или моя любовь? Тебе, Юля, должно быть важно, что у меня в сердце делается. А в сердце у меня сплошная любовь к тебе!
- Твой наряд как раз и должен выражать твою любовь!
- В таком случае я надену свой новый купальник.
- В купальнике на пляж ходят, а не на именины! Никакого рванья и никаких купальников, пожалуйста! Это неприлично!
- Хорошо, тогда я для приличия надену сверху новый халатик.
- Не-е-ет! - закричала Юлька и затопала ногами. - Это неуважение ко мне, к моим гостям и к нашему папе! Он тебе накупил столько хорошей одежды, а ты явишься как чучело! Хуже чем из Пскова приехала!
- А ты чего волнуешься, Юленька? Ты же на литургию хочешь одеться не как принято одеваться в церковь, а как тебе вздумалось, так? Ну, а я на твои именины оденусь, как мне хочется.

Юлька задумалась.

- Так, сестричка-лисичка, с тобой все ясно: опять воспитываешь! А ты забыла, что моя душа - дело тонкое? Вот я бабушке на тебя пожалуюсь! И больше не воспитывай - я и так все поняла.

Аня подошла к Юльке и поцеловала ее.

- Умница!
- Вообще-то надо будет сшить специальные платья для церковной службы и никуда, кроме церкви, их не надевать.
- Хорошая мысль, Юля. Но сейчас надевай поскорей голубое платье, как собиралась. А на твои именины мы с тобой, конечно, наденем наши белые платьица и туфельки к ним. Если хочешь, мы еще пришьем на головы по бантику.
- Точно, так и сделаем!

У Юльки взгляд вдруг стал отрешенный, и она начала что-то шептать, глядя на икону Ангела Хранителя.

- Ты что, Юленька, еще помолиться решила?
- Нет, молиться на сегодня хватит. Это я с моим Ангелом советуюсь, не прицепить ли нам бантики прямо сейчас и какой мне выбрать - розовый или желтый?
- Ну, и что тебе советует твой Ангел Хранитель?

- Мне кажется, он советует желтенький.

- Ты, наверно, плохо расслышала. По-моему, он тебе советует надеть на голову платочек.

- Не перебарщивает моя отроковица? - нахмурился Ангел Иоанн. - Она-то привыкла к платочку.

- А ты не делай для моей девочки скидок! Пускай и моя будет в храме одета не хуже других, - сказал Ангел Юлиус. - До платочка она пока не доросла, тут ты прав, но ты погляди, что она придумала!

А Юлька придумала накинуть на голову голубой шелковый шарфик.

- Вот и умница! - похвалил ее Ангел Иоанн.

Юлиус засиял от его похвалы.

Наконец девочки были готовы, и тут начались неприятности. Уже подошло время ехать в Лавру, как вдруг выяснилось, что куда-то пропал Акоп Спартакович. Юлька с Аннушкой поминутно выглядывали в окна, а его все не было и не было, и мобильный телефон его тоже почему-то не отвечал.

Девочки не знали и знать не могли, что сегодня у Акопа Спартаковича был день Недокопки, и бес суетился как мог, чтобы дезактивировать у подопечного вчерашнюю благодать.

Акоп Спартакович встал в этот день раньше обычного и поехал на автозаправку: он решил залить полный бак бензина, чтобы потом об этом не беспокоиться. Ближайшая заправочная станция оказалась закрытой на ремонт, и он поехал искать другую. Потом у него что-то разладилось в моторе, и он кое-как дотащился до автомастерской, где механик очень долго искал поломку.

Поломку ему устроил Недокоп, покопавшись в моторе, пока машину заправляли.

Свой мобильный телефон Акоп Спартакович почему-то оставил дома, хотя обычно брал его с собой даже в сауну.

- Известное дело, - сказал Юлиус Ангелу Иоанну, - бесы начали опускать свои шлагбаумы перед Юленькой на пути в храм.

- Обычные их каверзы! - грозно нахмурился Иоанн. - Но мы-то с тобой на что? Летим к Акопусу!

Они мигом нашли Хранителя Акопуса.

- Где твой подопечный? - приступили к нему Ангелы.

- А его Недокопка как оседлал с полуночи, так до сих пор на нем и ездит где-то, - пожаловался Ангел Акопус.

Полетели втроем разыскивать Акопа Спартаковича и через несколько минут обнаружили его возле авторемонтной мастерской. Но в каком виде! На плечах у бедняги, сплетя корявые ноги у него под подбородком, сидел сам Недокоп. Вконец обнаглевший бес колотил узловатыми кулаками по макушке подопечного, как по барабану: Акоп Спартакович уже успел пожаловаться на адскую головную боль механику и даже сходить в ближайшую аптеку. Но

аспирин от бесов не помогает, и в голове у него по-прежнему жутко стучало и гудело.

Вокруг Акопа Спартаковича, оседланного поганым Недокопкой, крутились мелкие крестовские бесы, выкрикивая в его адрес нехорошие слова; а еще они курили какие-то вонючие сигареты и пускали дым прямо ему в лицо, и дым этот окончательно замутил мозги бедному Акопу Спартаковичу и заставил его глаза слезиться.

- Это у меня летний грипп начинается, - сокрушенно вздыхал он.

- Вперед! - воскликнул Ангел Иоанн, выхватывая меч и бросаясь на стену смрадного дыма вокруг несчастного Акопа Спартаковича. Ангелы Акопус и Юлиус рванулись за ним. Увидев Ангелов, бесы бросились врассыпную, а Недокоп съезжился у него на плечах и замер.

Акоп Спартакович в глубоком унынии нервно расхаживал вокруг прочно вставшего на прикол автомобиля и злился на весь мир. Ему вдруг смутно стало вспоминаться, что он что-то такое обещал сегодня девочкам Мишиным. Он остановился и потер рукой лоб:

- Что ж это такое я им обещал?

Бес Недокоп быстро-быстро стукнул пару раз ему по голове.

- Да ну их, этих девчонок! В конце концов, мне по барабану их капризы, - махнул рукой Акоп Спартакович. - Боже, как болит моя бедная голова!

Недокопка, услышав это почти случайное «Боже», взвизгнул и свалился с плеч Акопа Спартаковича.

Акоп Спартакович опять потер рукой лоб, а потом звонко хлопнул по нему ладонью и помчался в мастерскую.

- Телефон есть? - взволнованно спросил он механика.

- Не-а, - равнодушно ответил тот.

За спиной механика уже приземлился бес Кактус, крупная крестовская шишка в колючках. Он обнял его панибратски за плечи и что-то начал шептать ему в ухо, мерзко при этом хихикая.

- А мобильник?

- У меня есть, а у тебя не знаю, - ответил механик, заранее давая понять, что ни при каких обстоятельствах пользоваться своим личным мобильным телефоном никому не позволит.

- Так, правильно, - похвалил его Кактус.

Акоп Спартакович молча вынул из бумажника зеленую десятидолларовую бумажку и положил ее перед механиком. Тот сгреб ее не очень чистой рукой и так же молча выложил на стол мобильный телефон.

Кактус взвыл и кольнул механика под правое нижнее ребро.

«Опять печень, - уныло подумал механик. - Все, больше я не пью!»

Кактус плюнул и подкатился к Акопу Спартаковичу, протягивая лапу к мобильнику, но тут же

получил по лапе мечом, правда, плашмя. Он повернул голову и встретился глазами с Ангелом Иоанном. Бес мгновенно сник, свернулся в колючий шар и укатился через распахнутую дверь в гараж, а там нырнул в ремонтную яму и притаился. Он помнил Хранителя Иоанна и битву при Сарае!

Акоп Спартакович тут же позвонил девочкам, извинился и предложил им добираться в Лавру на метро.

- Ну наконец-то нашелся! - сказала Юлька, кладя трубку.

Сестры подхватились и помчались бегом в центр острова.

Возле метро они встретили Гулю, Киру и Юрика. Ребята как раз собирались ехать в центр, чтобы купить подарки для Юльки - все трое были приглашены на именины. Услышав, что сестры отправляются в храм на литургию, они тоже решили ехать с ними.

- Видишь, как Господь все устраивает к лучшему? - сказал Иоанн Юлиусу. - Если бы бесы не задержали Акопа, эти дети сегодня не собрались бы идти в Божий храм.

- Да, я рад за друзей наших отроковиц. Давай присмотрим за ними в храме.

Сопровождавшие Юрика, Гулю и Киру личные бесы Нулёк, Брюха и Барби тащились с ними до самой площади Александра Невского. Гнусная троица не стала препятствовать поездке ребят в Лавру, опасаясь конфликтовать с Иоанном и Юлиусом. По дороге бесы еще держались неподалеку, ехали в соседнем вагоне, но, выскочив из метро на площади Александра Невского, так и остались околачиваться на противоположной от Лавры стороне, блуждая между неопрятными киосками со всякой всячиной и с опаской поглядывая на бронзовый памятник святому князю посреди площади. Бесы знали, что князь Александр Невский охраняет город, и на всякий случай осторожничали.

В храме Юлька все делала как Аннушка: ставила свечи перед началом службы, кланялась и крестилась во время литургии. Она только не пела, когда все люди в храме, и Аннушка с ними, запели хором. Это было торжественно и красиво, и ей было немножко обидно, что она не поет вместе со всеми.

- Спиши мне слова! - попросила она сестру, когда пение кончилось.

- Они есть в молитвослове, - ответила та шепотом.

А потом Юлька пошла вслед за Аннушкой, и они долго-долго шли за другими людьми, скрестив руки на груди. Юлька очень волновалась, но внимательно следила за сестрой и делала все как она.

- Юлия! - взволнованно и даже, пожалуй, слишком громко сказала она, подойдя к Чаше, и открыла рот.

А потом с нею случилось нечто чудесное. Отец Георгий накануне как будто все объяснил ей про причастие, и ей казалось, что она все поняла. Но когда она проглотила то, что было в золотой ложечке, ей показалось, что изнутри ее охватило теплом, а снаружи - неземным ярким светом, и внутри у нее ликующе запел голос. Это был ее собственный голос, хотя пел он что-то ей неизвестное. «Может, это моя душа поет?» - подумала она, замирая от восторга.

- Поздравляю, брат! - сказал растроганный Ангел Иоанн. - В первый раз, а так хорошо

причастилась Святых Христовых Тайн твоя отроковица.

- Благодарствуй, брат, - прошептал Юлиус и утер счастливую слезу.

Кира, Гуля и Юрик стояли в уголке. Они не кланялись, не крестились и даже не двигались, а только смотрели по сторонам, но церковная служба им понравилась. Они так и сказали сестрам, когда обедня кончилась, и все они вышли из храма.

- Это хорошо, что служба вам понравилось, - важно кивнула Юлька. - Жаль только, что вы пока не воцерковились и вам многое еще непонятно.

- Так, гордынька новоначальных появляется, - улыбнулся Ангел Иоанн.

- Сегодня не в счет! - сказал ликующий Ангел Юлиус.

А бесы Барби, Брюха и Нулёк, приглядевшись к своим подопечным, когда те вышли из ворот Лавры, решили сегодня на всякий случай держаться от них подальше. Они даже от метро отказались и отправились на Крестовский остров своим лѐтом.

За праздничным обедом собрались друзья Юльки и все домашние, кроме Жанны: она извинилась и заранее ушла к себе, сославшись на головную боль. А Дмитрий Сергеевич все еще не догадывался, что ее головную боль зовут Юлианной!

Присутствовали, конечно, и все Ангелы: уже знакомые нам Димитриус, Юлиус, Иоанн и Акопос, а также Павлос - Ангел Хранитель начальника мишинской охраны Павла Иоанновича Орлова. А бесы крутились за окнами, даже не пытаясь проникнуть в дом. Кроме Жана и Михрютки, разумеется: эти, как обычно, ошивались в комнате Жанны - единственном неосвященном помещении мишинского особняка.

Юльке принесли подарки, как на день рождения, и заставили ими весь стол возле именинницы. Аннушка подарила ей маленькую книжечку с крестиком на обложке - детский молитвослов, а папа, который заранее догадался с нею посоветоваться, протянул дочери небольшой футляр. Открыв его, Юлька ахнула и кинулась целовать отца: в футляре лежал серебряный крестик с эмалевыми цветочками. Крестик был с цепочкой, и Юлька сразу же его надела. Акоп Спартакович еще в лавке у Лавры тайком от девочек купил «Евангелие для детей» со множеством ярких картинок и теперь преподнес его имениннице. (Заметим, кстати, что голова у него уже не болела - прошел у него «летний грипп»!) Конечно, Юлька понимала, что Аннушка и Акоп Спартакович подарили ей молитвослов и Евангелие для маленьких, но она не обиделась - надо же было с чего-то начинать!

Зато удивил и обрадовал ее Павел Иоаннович: он положил перед именинницей солидную книгу в кожаном переплете с золотой надписью «Закон Божий».

- Скоро понадобится! - коротко сказал он.

Кира, Гуля и Юрик не знали толком, что положено дарить в день Ангела, и потому Кира подарила Юльке французский журнал мод, Гуля - роскошный двухэтажный шоколадный набор, а Юрик просто поднес цветы.

В конце обеда Юлька получила еще один подарок: на папин мобильный телефон позвонила бабушка.

- Бабушка, не трать деньги, я тебе сейчас перезвоню! - крикнула Юлька и помчалась наверх,

чтобы поговорить с бабушкой по своему телефону. Но, убегая, она все-таки сделала Аннушке знак следовать за нею.

Первым делом бабушка поздравила Юльку с днем Ангела и с причастием.

- Бабушка, когда я была маленькая, я ведь тоже причащалась? А кто меня в церковь водил? Расскажи мне, как это все было!

Юлька не включила громкую связь, и Аннушка не слышала, что именно ей рассказывала бабушка, она только видела, что Юлька слушает и восторженно улыбается.

- И я не пугалась, не плакала? Совсем-совсем никогда? Сегодня один маленький мальчик жутко ревел, когда его несли к причастию.

И бабушка что-то ей там рассказывала, а Юлька все задавала и задавала вопросы, и было видно, что ей ужасно не хочется расставаться с бабушкой и вешать трубку. Наконец она вздохнула и протянула трубку Аннушке.

- На! Бабушка хочет с тобой поговорить.

Бабушка и Аннушку поздравила с причастием и сказала, что очень по ней соскучилась и считает дни до ее приезда.

Юлька вернулась к столу в самом лучезарном настроении и передала папе привет от бабушки.

- Пап, а можно мы теперь возьмем кое-что со стола и устроим пикник на нашем острове?

- Можете отправляться на свой необитаемый остров, только возвращайтесь засветло. Но лодку резиновую я вам не дам, я сам вечером собираюсь на заливе порыбачить.

- У-у-у!

- От «У-у-у» и слышу.

- Папочка, какой же ты у нас противный!

- Юлечка, не хами.

- А как же нам все для пикника перевезти на остров, если ты не даешь лодку?

- Возьмите надувной матрасик у Жанны, на нем все и доставите на свой Пятачок.

- Папочка, какой же ты у нас умный! - сказала Аннушка, желая загладить Юлькину дерзость.

- Спасибо, дочка, ты одна меня ценишь. Остальные только и смотрят, как бы заставить плясать под свою дудку.

- И не все, а только мы с Жанной! - возразила Юлька. - И у меня это получается, а ей только кажется, что ты под ее музыку танцуешь.

- Вот я передам твои слова Жанне! Она обидится и не даст вам свой матрасик и не повезет тебя в Ирландию.

- Ха! А я как раз и не хочу в Ирландию, я хочу в Псков. Это Жанна рвется в Келпи, это у нее

там подружка. Между прочим, папка, хорошо бы и Аннушку в эту школу устроить.

- А что, Аннушка, может, тебе и вправду лететь в Ирландию вместе с Юлькой? Ты бы там за ней присмотрела...

- Мне, папа, надо за бабушкой присматривать, пусть лучше Юля со мной в Псков едет.

- А что? Это идея! - восторженно воскликнула Юлька. - Папка, ты как на это смотришь?

- Ну вот еще что выдумали! Это будет непомерная нагрузка для бабушки - заплести тебя в причал к Аннушке.

- А чем это я плохая нагрузка?

- Ты слишком хорошая нагрузка - это-то меня и беспокоит.

- Тогда я поеду вместе с тобой отвезти Аннушку в Псков!

- Не поедешь.

- А я хочу! И бабушка хочет, чтобы я приехала!

- Как-нибудь в другой раз. Сейчас тебе, Юлька, надо как следует подготовиться к поездке в Келпи. Жанна говорит, что вы с нею должны еще по магазинам поехать, одежду для Келпи купить.

- Да у меня от одежды шкаф ломится! И вечно эта Жанна вмешивается...

- Юлия!

- Ладно, молчу. Я всегда должна молчать, когда дело касается Жанны. Скоро в этом доме житья от мачех не станет...

- Юлианна! - Голос папы стал по-настоящему строг. - Ты твердо намерена испортить свои именины?

- Могу же я погоревать? Мне предстоит целый учебный год быть в разлуке с тобой и с моей самой любимой сестрой!

- Сестра у тебя единственная - она никак не может быть «самой любимой сестрой», а со мной ты все равно будешь в разлуке до самого Нового года: я все это время буду разъезжать по свету, налаживать новые заграничные контакты. Ну, а на зимние каникулы, я думаю, мы все соберемся здесь, дома.

- До каникул еще доучиться надо! Пап, ну возьми меня с собой, когда повезешь Аннушку в Псков, а? Я стану по дороге с Аннушкой английским языком заниматься.

- Она и без тебя прекрасно занимается английским. Аюпчик говорит, что она за это лето здорово продвинулась. - Я только с бабушкой познакомлюсь и сразу назад, папочка!

- Юлька, не расстраивай меня и себя, вопрос уже решен.

- Ну па-ап!

- Я сказал: нет! Всё, Юлианны, всё! Отправляйтесь на свой пикник, а мне еще надо до вечера успеть поработать.

На речке Крестовке есть два островка: один побольше, и с него на соседний Каменный остров перекинут мостик, а другой совсем крохотный, круглый, и попасть на него можно зимой по льду, а летом только вплавь. Юлька с друзьями «открыли» его давным-давно. На островке ничего не росло, кроме травы, бурьяна и редких кустиков, но у него было громадное преимущество перед всеми невскими островами - он был необитаем. Как только Аннушка под руководством Юльки научилась плавать, друзья стали брать ее с собой на Пятачок - так они называли свой островок. На Пятачке можно было спокойно говорить о своих делах, не боясь, что кто-то тебя услышит.

Путь на необитаемый остров шел через Таинственный остров: так горожане прозвали Каменный остров за роскошные дачи партийных боссов в прошлом и за бандитское гнездовье, возникшее тут в бурных девяностых годах, - в общем, тот еще был островок! Сначала ребята перешли на него по Мало-Крестовскому мосту, миновали самую красивую на острове и самую охраняемую Голубую дачу, дошли почти до заросшего ряской канала и тут перешли с Каменного острова на больший из двух островков по узкому пешеходному мостику. Там они погрузили сумки на надувной матрасик и, толкая его перед собой, вплавь перебрались на свой Пятачок.

На островке в кустах у ребят был вырыт тайничок, а в нем лежали некоторые необходимые на необитаемом острове вещи: небольшой запас топлива, зажигалка в пластиковом пакетики, постоянно обновляемый запас кока-колы, Кирина сумочка с косметикой и Гулина жестяная коробочка с конфетами. Хотя после именинного застолья никто, даже Гуля, голодным не был, друзья все равно развели костерок и стали жарить на прутиках сосиски - что за пикник без угощенья? Они поели-попили и улеглись вокруг догорающего костра на травке.

Юлька принялась жаловаться.

- Скоро папа с Аннушкой поедут к бабушке. Я тоже хочу ехать в Псков! А эта противная Жанна говорит, что надо готовиться к школе...

- Ты еще совсем недавно была в восторге от своей красавицы мачехи, - заметила Кира.

- Ну, в общем-то она ничего, только много на себя берет. А папа уж слишком часто делает так, как хочет Жанна.

- Погоди, вот они поженятся, так он у нее и вовсе под каблучком окажется! - пообещала Кира.

- Так ты вместе с Жанной летишь в Англию? - спросил Юрик, уводя девочек от опасной темы: ему нравился Мишин и не нравились сплетни.

- В Ирландию, - поправила Юлька. - Правда, сначала мы летим в Лондон, а уже оттуда в Дублин. Но от Дублина до школы Келпи надо еще добираться на машине.

- А тебя уже приняли в эту школу? - спросил Юрик.

- Конечно! У Жанны там подруга преподает что-то вроде медицины.

- Так это что, какая-то особая медицинская школа?

- Нет, но в Келпи преподают такие предметы, которых в других школах нет. Они послужат

хорошей стартовой платформой на будущее. Так Жанна говорит.

- Например? - поинтересовался Юрик.

- Например, психоуправление.

- Это что, психотренинг какой-нибудь?

- Да нет, психотренинг - это когда ты учишься собой управлять, а психоуправление - это когда ты управляешь другими.

- Ух ты! Это гипноз, что ли?

- Пока не знаю. Вот приеду на зимние каникулы и расскажу

- Я и не знала, что бывают такие школьные предметы! - удивилась Аннушка.

- Это ведь особая школа для девочек с большими духовными дарованиями, - скромно сказала Юлька.

- Непонятки какие-то, - зевнула Гуля - Чего только эти взрослые не выдумают, чтобы мучить детей и забивать им голову! У нас от одной информатики завянуть можно.

- Как же, завянешь ты, - усмехнулась Кира - Даже не похудеешь, хоть двойками тебя завали!

- Это зачем же мне худеть? - удивилась Гуля, доставая из потухшего костра последнюю сосиску. - Русская красавица должна быть статной и величавой.

- Это ты-то у нас величавая? - с усмешкой спросила Кира. - Ты ленивая и толстая, а не величавая.

- Я думаю, это как бы синонимы, - невозмутимо парировала Гуля, хрустя поджаристой корочкой сосиски. - Вот ты, Кира, воображаешь, что у тебя конкретно хорошая фигура, а ведь у тебя ее, фигуры-то, как бы нет ни спереди, ни сзади.

- Такой вид и должен быть у топ-модели, она должна быть сплошная стройность и грация.

- Ага, вид у тебя стройный, но уж очень голодный. Хочешь конфетку? - Гуля достала из общего тайника свою личную коробочку, потрясла ее, открыла и стала выбирать конфету.

Кира отвела глаза и сглотнула слюну.

- Спасибо, не хочу!

- Удели мне конфетку, величавая, - попросил Юрик и протянул руку.

- Ща! Перебьешься, - ответила Гуля и, бросив конфету в рот, закрыла коробочку. Тут для меня одной мало. Пора запас обновлять.

- А вот Жанна почему-то есть все подряд и совершенно не толстеет, - заметила Юлька. - Она знает секрет, как сохранять фигуру без всяких страданий.

- Жанна вообще классная женщина, - сказала Кира. - И красивая, и умеет себя подать, а умная какая! Значит, как я понимаю, Аннушка возвращается в Псков, ты отправляешься за границу, а

Жанна остается в доме полной хозяйкой?

- Ну да.

- Вот тут-то она вашего отца и окрутит окончательно.

- Без нас не окрутит! Во-первых, наш папа сам уезжает за границу по делам бизнеса, а во-вторых, он не станет жениться без нас: что это за свадьба без родных дочерей? Верно, Аннушка?

Сестра только вздохнула в ответ.

- А ты чего нахмурилась, Аннушка? - спросил ее Юрик. - Тебе не нравится Жанна?

- Странная она какая-то... Я ее не понимаю. Меня она точно не любит и с первого дня невлюбила, а вот любит ли она Юлю?

- Нужна мне ее любовь! - фыркнула Юлька. - Главное, чтобы она считалась со мной. С нами, то есть, ведь теперь нас двое. А любит она только себя и нашего папку. Или ты, сестричка, и в этом сомневаешься?

- Да нет. Разве нашего папу можно не любить? А все равно она странная.

- Она интересная, - сказала Кира, - а это для женщины главное.

Аннушка вдруг вспомнила, как бабушка, когда папа приезжал к ним в Псков и показывал фотографию Жанны, произнесла именно эти слова - «интересная женщина». Она тогда сразу поняла, что бабушке папина невеста не понравилась. Но сейчас Аннушка, как и тогда, промолчала. Из своего рюкзака она вынула учебник английской грамматики, раскрыла его и стала читать.

- Не пойму я тебя, Юлька, - вдруг сказала Кира, - ты как будто не очень-то и рада, что едешь учиться за границу.

- А я совсем не рада! - буркнула Юлька.

- Чего же ты, в натуре, хочешь? - спросила Гуля.

- Я хочу к бабушке!

- Ты чо, хочешь как бы ехать в Псков вместо Ирландии?

- Ну да...

- Нет, в Ирландию тебе ехать придется, - сказала Кира. - Твой отец, наверно, огромные деньги заплатил за эту школу.

- Подумаешь, деньги! Не в деньгах счастье!

- Ну, это как сказа-а-ть! - протянула Кира, мечтательно глядя на чей-то роскошный особняк на берегу Каменного острова.

Юлька глубоко задумалась, опустив голову на траву. Притихли и ребята.

Теперь, пока все пятеро находятся в молчаливой задумчивости, можно на некоторое время отвлечься от них и разъяснить духовную обстановку вокруг Пятачка.

Ангелы Хранители Иоанн и Юлиус парили над островком на довольно большой высоте. Вокруг Пятачка все было спокойно, и они, поглядывая сверху на своих девочек, вели неспешную беседу о чем-то своем, о небесном. Они видели внизу бесов, крутившихся вокруг «своих» подростков, приглядывали за ними вполглаза, но знали, что эта мелочь бесовская не опасна. Тем более сегодня, когда обе сестры причастились Святых Христовых Тайн.

Остров Пятачок был насыпан искусственно и окружен невысоким каменным барьером; вот на этом барьере и уселись рядком бесы Нулёк, Прыгун, Барби и Брюха. Они внимательно слушали, вернее, подслушивали разговор ребят – Прыгун по приказу Жана, а остальные просто так, из природной вредности: мало ли какую пакостную пользу можно будет извлечь из подслушанных разговоров?

- Я все думаю-думаю, как быть, у меня даже голову сводит от мыслей, – пожаловалась Юлька.

- Ты бы помолилась своему Ангелу Хранителю, посоветовалась с ним! – с улыбкой сказал Юрик. – Он что, больше тебе не помогает?

- Еще как помогает! Это лето – лучшие в моей жизни каникулы. Спасибо тебе за это, Ангел мой! – сказала Юлька, поворачиваясь на спину и глядя в небо.

- Пожалуйста, Юленька, – ответил сверху Юлиус, на миг прервав беседу с Иоанном.

- Только теперь он почему-то молчит и ничего мне не подсказывает, – вздохнула Юлька.

- Как это не подсказываю? – удивился Юлиус. – Я ей время твержу, что ехать в Келпи не надо. Разве не поэтому, Юленька, тебе так хочется к бабушке? Это ты меня плохо слушаешь, отроковица ты моя непослушная.

- В эту школу для маленьких ведьм ехать твоей Юлии никак невозможно, – согласился Иоанн. – Не место это для православной девочки.

- Вот и я о том же. Ты заметь, заметь, брат, как Юленька внутренне сопротивляется этой поездке, прямо извелась вся! Чует ведь ее православная душенька, что с этой школой что-то не так! Только вот жаль, никак она не может сосредоточиться и понять, почему я стараюсь отговорить ее от Келпи: она ведь думает, что все дело только в бабушке.

- Может, как-нибудь внушить Мишину отменить ее учебу за границей? Ты Димитриуса просил об этом?

- Конечно, просил! Но там Жан через Жанну блокирует все его усилия.

- Еще бы! Жан тоже хочет завладеть состоянием Мишина и вместе с Жанной открыть первый в России лицей для юных ведьм. Сейчас, считает он, самое время, ведь столько детей без ума от колдовства.

- Что есть, то есть.

Юлька вдруг села с решительным видом.

- А знаете, мне кажется, я чувствую, что мой Ангел тоже хочет, чтобы я ехала к бабушке!

- Верно, верно, Юленька! - согласился сверху Юлиус.

- Ты погоди ликовать-то, - остановил его Иоанн. - Что-то у нее глазенки как-то подозрительно заблестели. Или ты не видишь, брат?

- Вижу, ой вижу! А ну, пикируем!

И Ангелы понеслись вниз, чтобы быть поближе к неожиданной отроковице. Миг - и они оказались над островком, а бесы слетели с барьера от вихря, поднятого Ангельскими крыльями, кувыркнулись в воду и понеслись к берегу. И это вышло очень кстати, потому что иначе бесы оказались бы в курсе новой Юлькиной затеи, а так о ней узнали только Ангелы Хранители.

- Кажется, я знаю, какой выход подсказывает мне мой Ангел! Потрясающий выход!

- Ой! - испугался Юлиус.

- Интересно, что ж это ты такое ей подсказываешь? - поддразнил его Иоанн.

- Он мне подсказывает, что мы с тобой, Аннушка, должны поменяться местами: я поеду в Псков к нашей бабушке, а ты вместо меня отправишься учиться за границу!

Ангелы переглянулись и стали слушать дальше.

- Глупости! - решительно возразила Аннушка. - Бабушка сразу же поймет, что это не я, а ты - это раз, и я совсем не хочу ехать учиться в какую-то заграничную школу - это два.

- А что? Неплохо придумано! - сказала Кира. - И ты, Анна, будешь большая дура, если упустишь возможность поехать учиться в Ирландию вместо Пскова. Обалдеть, как везет некоторым!

- Не надо мне такого везенья! Я не собираюсь папу, бабушку и вообще всех на свете обманывать!

- А разве мы с тобой постоянно не разыгрываем папу, когда он не знает, где у него кто? Разве не поэтому он зовет нас Юлианнами?

- Ты, сестрица, не путай шутки с обманом!

- А тебе, Аннушка, разве не хочется увидеть чужие страны, других людей? - спросил Юрик.

- Хочется, конечно, но не таким способом.

- Все средства хороши в достижении цели, - глубокомысленно произнес Юрик. - Я бы на твоём месте не стал дожидаться, пока ваш отец догадается, что пора и тебе предоставить равные с сестрой стартовые возможности. Я думаю, ты просто обязана воспользоваться случаем и отправиться учиться в эту самую школу Келпи. Прочувшись до зимних каникул, а на каникулы приедешь назад, и вы снова разменяетесь. И никто ничего не узнает. А Юлька пускай поживет у своей провинциальной бабушки.

- Бабушка у нас вовсе не провинциальная! - возмутилась Юлька. - Она преподавала в школе немецкий язык!

- Вот ты и поедешь учить немецкий, а тем временем Аннушка в Келпи как следует овладеет

английским. У тебя, кстати, Аннушка, ужасное произношение! Извини.

- Ты прав, Юрик, с английским у меня неважно.

- Ага, ты согласна, ты уже почти согласна! - закричала Юлька и бросилась обнимать сестру.

- Нет! - Аннушка отстранилась. - Я сама еду к бабушке, и это мое последнее слово!

- Ну, конечно, ведь ты всю нашу жизнь росла рядом с бабушкой, и ты считаешь, что имеешь на нее монопольное право! - в голосе Юльки зазвенели слезы. - И маму, нашу маму ты знала и любила! Ты все свое детство пробыла с нею, а я ее даже не помню!

- Запрещенный прием, - заметил Иоанн. - На жалость бьет твоя отроковица.

- Так ведь она права, братец Иоанн! Легко ли было девочке без женской ласки расти, сам подумай?

- Вечно ты ее защищаешь, брат Юлиус!

- Я по должности ее защищать должен, я Хранителем к ней приставлен.

- Ну-ну. Не хватало только и нам с тобой начать спорить.

- Что ты, что ты, брат! - испугался Юлиус. - Ты меня прости, это я так... Уж очень мне хочется, чтобы и Юлия к бабушке Насте отправилась вместе с Аннушкой.

- Прости и ты меня за неосторожное слово, брат.

- Я тебя понимаю, Юленька, и мне жаль, что ты совсем не знала нашей мамы. Честное слово, мне очень тебя жаль. Но ведь тут ничего нельзя поделать... - и Аннушка вдруг горько заплакала. Она заплакала раньше, чем это собиралась сделать сама Юлька. Та не ожидала такого поворота и тут же зарыдала в голос, снова валясь на землю.

- Жуть как трогательно, в натуре, - сказала Гуля, отправляя в рот конфетку. Потом вдруг губы ее скривились корытом, и она заплакала гораздо громче сестер.

- Ну а ты-то чего реवेशь, как испорченная сигнализация? - спросил ее вконец расстроенный Юрик. - Кончились у детки конфетки?

- Ща! Нет, я вспомнила, как сама прямо в один час осталась сразу без отца и без матери.

Родители Гули погибли в катастрофе, и ее воспитывали дедушка с бабушкой.

- Прости, Гуля, я не подумал.

- Да ладно... Вы все думаете, что если я толстая, так и бесчувственная как пень. Толстые тоже плачут!

- Ну прости меня, дурака! Хочешь шоколадку?

- А у тебя есть? - Гуля взглянула на Юрика искоса, но с интересом.

- Нету. Я просто хотел узнать, хочется ли тебе сейчас шоколаду.

- Всегда хочется, на то он и шоколад, - вздохнула Гуля. Но плакать перестала - какие уж могут быть слезы после такого признания.

Кира мрачно глядела вдаль, швыряя в воду мелкие камешки. Потом она сказала тихо, ни к кому не обращаясь:

- Чуть какая-то. Сидят две девицы Мишины и в голос рыдают из-за того, что обе не хотят ехать учиться за границу. А тут способный и одаренный подросток, почти девушка, можно сказать, должна прозябать в обычном лицее в Санкт-Петербурге. Какая жестокая несправедливость! Да чего там хорошего-то, в этом Пскове?

- Там бабушка! - в один голос сказали сестры. Теперь они обнялись и плакали уже вместе, плакали тихо, а это значит - плакали по-настоящему горько. Остальные сидели молча, не зная, чем их утешить.

Молчали и Ангелы, с жалостью и тревогой глядя на своих подопечных.

А бесы молчали, потому что издали, с берега, им было никак не разобрать, о чем там идет разговор на Пятачке, хотя они и догадывались, что происходит там что-то необычное.

Но дальше случилось нечто уже совсем неожиданное. Аннушка достала из кармашка носовой платок, утерла сначала свое лицо, а потом принялась вытирать лицо Юльке, приговаривая:

- Не плачь, сестренка, не надо. Мы что-нибудь придумаем...

- Ни мамы у меня не было, ни бабушки не будет! - пожаловалась Юлька сестре.

- Будет, будет тебе бабушка, только не плачь. Ладно уж, поеду я вместо тебя в эту самую Ирландию. Ты только не расстраивайся так, а то у меня прямо сердце разрывается. У тебя же сегодня день Ангела!

Юлька еще крепче обняла сестру и еще сильнее заплакала - теперь уже от радости, а следом за ней снова прослезилась и Аннушка. А Гуля, естественно, поддержала их своим задушевым басом. Юрик пошарил в карманах, но платка не нашел.

- Я сколько раз говорил, что надо держать на нашем острове запас бумажных салфеток, - сказал он Кире. - У тебя есть платок?

Но Кира не ответила, продолжая сердито швырять в воду мелкие камешки.

Ангелы тоже молчали. Они, честно говоря, растерялись.

Когда вечером сестры улеглись, Юлька сказала:

- День Ангела мне понравился даже больше, чем день рождения.

- Вот и правильно. Рождаются ведь и котята, а крестятся только люди.

- Крещение
этим отличает нас от животных?

- И от язычников, и от тех, кто не верит в Христа Спасителя.

- Ясно. Значит день Ангела - это мой личный христианский праздник. Буду гордиться!

- Лучше спи!

- Сейчас усну, сейчас... А знаешь, Аннушка, кто мне сегодня сделал самый лучший подарок?

- Кто?

- Ты! Подумать только, я скоро увижу нашу бабушку. Какое счастье!

Аннушка в ответ только вздохнула.

- А еще я увижу дом, в котором жила наша мама, увижу все ее фотографии, ее вещи, может быть, с ее учениками познакомлюсь... Но первым делом я схожу к ней на могилку и отнесу ей цветы.

Аннушка обняла сестру.

- Так все и будет, Юленька.

Поцеловав и перекрестив на ночь сестер, Ангелы Хранители Иоанн и Юлиус оставили их под присмотром Димитриуса, Акопуса и Павлоса, а сами полетели на очень важную встречу в центр города.

Петрус, могучий и прекрасный Ангел Хранитель Санкт-Петербурга, уже поджидал их на балюстраде Исаакиевского собора в окружении бронзовых Ангелов Хранителей.

- Приветствую вас, братия!

- Благослови, Градохранитель!

- С чем пожаловали, Хранители?

- Беда у нас!

И они поведали Петрусу о своей беде.

- Аа, задали вам задачку сестрички! И чего же вы ждете от меня, какой помощи?

- Мы совета просим, - сказал Юлиус. - Как бы нам заставить их отказаться от этой опасной затеи?

- Заставить? Я не ослышался? Вы хотите людей, созданных Господом свободными, пусть даже отроковиц неразумных, заставить поступить против их воли? - Голос Петруса стал строг и даже грозен. - Такой власти нет у вас от Бога, братья-Хранители! Ваше дело сестричек охранять, подсказывать, увещевать, спасать - но никогда не действовать против их воли! Да вы и сами это знаете. Сумеете подсказать, уговорить - их счастье и ваша заслуга. Но свободы принимать решения вы у них отнять не можете. Это только бесы стремятся подчинить себе человека против его воли.

- Да мы же по-отцовски за них тревожимся...

- У отцов есть власть ограничивать волю своих детей, а у вас такой власти нет! Вразумлять и направлять любовью, тихим шепотом в сердце - вот ваше право! Им и пользуйтесь.

Ангелы опустили головы.

- Сколько времени у вас осталось?

- Двадцатого августа отец собирается везти Аннушку обратно к бабушке, - сказал Иоанн, - но если вместо нее поедет Юлия, то моей бедняжке уже тридцатого придется лететь в Келпи.

- В Келпи...Слышал я про это старинное колдовское гнездо, про эту школу для маленьких ведьм. Да, это и в самом деле большая беда, - Петрус глубоко задумался.

Ангелы молчали, глядя на него с ожиданием и надеждой. Потом Градохранитель сказал:

- Вот что, братия, возвестите от меня Ангелу Димитриусу: пусть попытается внушить своему Мите благую мысль отменить поездку отроковицы Юлии в эту самую школу. Может, он сумеет... А сами твердите сестричкам день и ночь, что нехорошо обманывать отца и бабушку. Но если вам, братия, не удастся ничего сделать, тогда уж, прости, Хранитель Иоанн, лучше пусть в Келпи летит твоя подопечная. Она в вере крепка, она духом сильна, и я думаю, что ее ведьмы тамошние не одолеют. А вернувшись из Келпи на зимние каникулы, она расскажет отцу, что это за школа такая, и он ее больше туда не пошлет. А вот за отроковицу Юлию я бы не поручился.

- Моя Юленька не глупее сестры, и смелости ей не занимать... - начал было Ангел Юлиус, но Градохранитель остановил его легким взмахом руки.

- Нам доподлинно вестимо, Юлиус, как ты свою отроковицу любишь. Но и тебе, и нам неизвестно, что с нею будет, если она попадет в колдовскую школу. Современные дети так падки на магические приманки! А еще поразмысли, разве ей не полезно провести какое-то время с бабушкой Настей?

- Это верно, - согласился Ангел Юлиус.

- Когда у бабушки Переход?

- Ее Хранитель Анастасий говорил, что Переход намечен на весну.

- Получается, что Юлия напоследок перед тем поухаживает за умирающей бабушкой, получит от нее последние духовные наставления, - задумчиво проговорил Юлиус.

- Да ведь моя-то Аннушка как горевать будет, если не простится с бабушкой! - воскликнул Иоанн.

- Почему не простится? На зимние каникулы твоя Аннушка приедет к отцу и все ему про Келпи расскажет, и он, надо думать, больше никого из сестер туда не отпустит. Вот твоя Аннушка и вернется в Псков.

- Может, он тогда и Жанну прогонит? - с робкой надеждой спросил Юлиус.

- Ну, это сомнительно, - сказал Петрус. - Вашу Жанну каленой молитвой из лома выжигать надо, а вот ее-то у Дмитрия Мишина пока и нет. В будущем разве что появится, ну да не будем вперед забегать... Еще вот что я тебе, Иоанн, советую: ты в оставшееся время займись-ка с отроковицей Анной английским языком, а то с ее познаниями ей в Келпи трудно будет, запутают ее.

- Хорошо, я займусь, Петрус, коли уж никак нам с ней от этой поездки не избавиться.

- Да ты не опасайся, я с тобой всегда на связи буду и помогу если что.
 - Ну, если так, то благослови...
 - Господь да благословит тебя, Ангел Иоанн, пройти с отроковицей Анной грядущие испытания и невредимо и благополучно возвратиться домой.
 - Аминь, - сказали Хранители.
 - Ну, и тебе, Юлиус, счастливого путешествия в Псков с отроковицей Юлией. Присматривай там, чтобы она не капризничала и бабушку не огорчала.
 - Буду стараться изо всех сил. Да у нее сердечко-то умное...
 - Сердце умное, да язычок дурачок! Ангел Юлиус виновато склонил голову.
 - Ладно, не скорби. Ей как раз полезно походить за больной бабушкой: нет лучшей духовной школы для юной души, чем дела милосердия.
 - Вестимо, - согласился Ангел.
- Иоанн и Юлиус простились с Градохранителем, взлетели с купола и полетели на северо-запад.
- А все-таки славные у них девочки, - сказал Градохранитель Петрус, задумчиво глядя им вслед.

Глава 3

Жанна собиралась повезти Аннушку на такси осматривать Лондон, съездить на Бейкер-стрит, где согласно туристической рекламе журнала «Домовой» находилась музей-квартира Шерлока Холмса, а самой ей хотелось взглянуть на королевский дворец. Но в самолете у Жанны настолько испортилось настроение, что когда они приземлились в аэропорту Хитроу, она забыла про все достопримечательности и заявила, что они первым же самолетом летят в Дублин. Аннушка не спорила. Она вообще ничего не говорила, а только плакала, приводя этим Жанну в негодование, доходящее до ярости.

- Юлия! Ты можешь вести себя прилично на публике? - шипела она.

Но Аннушка ничего не отвечала и только всхлипывала. А дело было в том, что во время полета она узнала ужасную новость.

Как только самолет поднялся в воздух, Жанна принялась вслух мечтать о том, что их ожидает в Лондоне. Аннушка сидела у окна и любовалась облаками под крылом самолета. Жанна, не переставая болтать, листала иллюстрированный журнал, который ей принесла стюардесса, и Аннушка ее почти не слушала. И вдруг Жанна спросила:

- Ну что, ты уже больше не скучаешь по своей сестре?
- Скучаю. Жаль, что мы не можем вместе жить и учиться.
- К сожалению, скоро придется, - вздохнула Жанна.

- Что придется? - не поняла Аннушка.

- Придется Мишину забирать Анну в Петербург насовсем. Скоро псковская бабулька помрет, так что надо будет решать судьбу твоей сестры.

- Почему это наша бабушка вдруг помрет? Она совсем не старая и не болеет! - возмутилась Аннушка.

- А я тебе говорю - помрет, - убежденно и равнодушно проговорила Жанна, листая свой журнал.

- Да почему же это она вдруг помрет?!

- Да потому, что у бабульки рак в последней стадии, и долго она не протянет.

Аннушка так и ахнула.

- А папа об этом знает?

- Знает, конечно, иначе откуда бы я узнала? Она сама об этом Мишину написала и просила позаботиться об Анне.

Тут Жанна соврала: не от самого Мишина она узнала о болезни Анастасии Николаевны, а из выкраденного Жаном письма, которое бабушка еще в начале лета написала Дмитрию Сергеевичу.

- Поэтому Мишин и притащил твою сестричку в Петербург, чтобы она привыкала к будущему дому, - пояснила Жанна.

- Почему мне об этом никто ничего не говорил?

- Мишин не велел.

Аннушка заплакала, а потом сказала:

- Жанна, пожалуйста, давай, как только прилетим в Лондон, купим обратные билеты и вернемся в Петербург. Я хочу в Псков, к бабушке!

- Не выдумывай! Да и какое тебе дело до какой-то псковской старухи? О себе думай, дорогая. Ты едешь учиться в лучшую и самую дорогую школу для девочек!

- Но если бабушка...

- Всё! Не желаю больше ничего слушать про эту псковскую бабушку! - резко оборвала ее Жанна. - Замолчи, пожалуйста, и перестань причитать. Ты мне мешаешь читать журнал и беспокоишь других пассажиров. Смотри, на тебя уже люди смотрят! Аннушка отвернулась, уткнулась в окно и заплакала.

- Ну, с меня хватит! - прошипела Жанна, увидела впереди свободное место и пересела туда. И журнал с собой прихватила, конечно.

Ангел Иоанн летел рядом с авиалайнером, держась за обледенелое крыло, смотрел сквозь подернутое инеем окно на Аннушку и шептал ей слова утешения:

- Бабушка не умрет, Аннушка! Бабушка просто откроет дверь и войдет в другую жизнь. Молодая и здоровая, побежит она вот по таким облакам прямо к Господу в Его объятия! - говорил Иоанн. А сам тоже плакал, и слезы, срываясь с его ресниц, мгновенно замерзали и стучали по дюралевой обшивке самолетного крыла.

Никогда и никому Аннушка не рассказывала потом, о чем она думала и плакала, глядя на снежные поля облаков, но к концу полета она решила, что устраивать скандал и требовать возвращения в Петербург она не станет ради сестры. Она, Аннушка, всю жизнь прожила рядом с бабушкой, бабушка ее так любила! Так пусть и Юленька хоть напоследок побудет с нею, узнает, что это такое - бабушка. А она поедет в Келпи и постарается уж как-нибудь продержаться до зимних каникул. Но зато потом сразу из Петербурга - в Псков! И они будут с Юлей вместе ухаживать за бабушкой до самого конца. Она все объяснит папе, и папа, конечно, все поймет и отпустит их в Псков.

Когда они приземлились в Лондоне и прошли паспортный контроль и таможню, Жанна посадила почти ослепшую от слез Аннушку в кафе, поставила возле нее дорожные сумки и Аннушкин чемодан, велела сторожить и отправилась узнавать, когда будет ближайший рейс на Дублин. Рейс был через два часа, и все это время Аннушка просидела в кафе, уже не плача, а просто глядя на высокий бокал с кока-колой, который ей принесла официантка по заказу Жанны.

Хранитель Иоанн стоял позади Аннушки, гладил ее по голове и что-то ласково нашептывал. Не забывая, однако, и по сторонам поглядывать: аэропорт - место людное, а люди всякие случаются.

Сама Жанна все время до объявления посадки провела в бутиках аэропорта, ничуть не беспокоясь об оставленной в кафе Аннушке. Потом она, нагруженная яркими пакетами, забежала за нею, и они едва-едва успели на дублинский рейс. Теперь Аннушка тем же грустным и отрешенным взглядом смотрела в окно на проплывавшую внизу зеленую Англию, а потом еще более зеленую Ирландию.

Ангел Иоанн сидел на крыле, обняв колени, и тоже задумчиво смотрел вниз: что-то их ждет в этой Ирландии!

В Дублине их должна была встречать преподавательница из Келпи, старая знакомая Жанны. Получив багаж, они вышли в зал.

- Мисс Кребс!

- Это меня, - сказала Жанна, вглядываясь в небольшую толпу встречающих. Аннушка удивилась: она знала, что фамилия Жанны была Рачок.

Жанна увидела свою знакомую и быстро направилась к ней.

- Сирона, дорогая моя, как поживаешь? - воскликнула она, протягивая руки к стройной блондинке в элегантном синем костюме. Они расцеловались. Аннушку поразили глаза блондинки. Они были так прекрасны, будто существовали на лице не для зрения, а только для красоты: в них не было никакого выражения, они просто сияли, и всё. Красавица поглядела на Аннушку и улыбнулась, показав неправдоподобно ровные жемчужные зубы.

- Девочка плохо себя чувствует?

- В самолете укачало, - небрежно пояснила Жанна, украдкой сделав Аннушке зверскую

гримасу.

- Бедняжка. Давай знакомиться, Юлия Мишина! - сказала красавица и протянула Аннушке белую руку с длиннющими голубыми ногтями. Рука была холодная как лед. - Меня зовут Сирона Морген, я школьный врач. А еще я преподаю факультативный курс целительства.

- Меня зовут Юлианна, - сказала Аннушка, поскорее убирая свою руку после ледяного пожатия мисс Морген.

- Это домашнее имя, - пояснила Жанна. Аннушка с Юлькой заранее решили, что после «размена» они будут обе зваться Юлианнами, чтобы нечаянно не запутаться в именах.

- Пусть будет Юлианна Мишина, - кивнула мисс Морген. - Тем более что в школе уже есть одна Юлия - Юлия Борджиа из Италии.

- Неужели из тех самых Борджиа? - удивилась Жанна. - Я полагала, они все вымерли.

- По крайней мере так она утверждает.

Они вышли из здания аэровокзала и направились к автостоянке. Мисс Морген подвела их к маленькому синему автомобилю, на дверце которого была нарисована симпатичная белая лошадка, взмахнула рукой, и обе дверцы и багажник гостеприимно раскрылись. Аннушка увидела, что половину багажника занимает большая клетка, в которой сидят четыре коричневых длинноухих зверька. Приглядевшись, она поняла, что это кролики, и очень удивилась: до сих пор коричневых кроликов ей видеть не приходилось. Мисс Морген поставила дорожные сумки, пестрые пакеты Жанны и Аннушкин чемодан рядом с клеткой и захлопнула крышку багажника.

- Не возражаешь, если я сяду впереди? - спросила Жанна. - Мы давно не виделись с Сироной и хотим поговорить.

- Мне все равно, - ответила Аннушка и стала пролезать через откинутое переднее сиденье, но в нерешительности остановилась: на заднем сиденье лежал зверь, которого она сначала приняла за собаку.

- Не бойся, Юлианна, садись! Мой котик подвинется. Дай место девочке, Брауни! - прикрикнула мисс Морген на зверя, оказавшегося и вправду котом невиданного размера и окраса - шерсть у него была коричневого цвета, почти того же оттенка, что у кроликов. Кот нехотя привстал и чуть-чуть подобрался, оставив Аннушке примерно треть сиденья. Она села и протянула руку, чтобы погладить кота и подружиться с ним, но он протянул ей навстречу толстую коричневую лапу с растопыренными когтями, и Аннушка свою руку тотчас отдернула. Кот поглядел ей прямо в глаза, широко зевнул и отвернулся.

- Ну и пожалуйста! - сказала Аннушка и тоже отвернулась к окну.

Мисс Морген села за руль, Жанна устроилась рядом, и машина тронулась.

Аннушка не слышала, о чем впереди переговаривались Жанна и мисс Морген, она устала от горя и слез и теперь просто смотрела в окно. Несмотря ни на что, Ирландия ей нравилась: даже у них в Пскове не было такой зеленой травы и такой чистой листвы на деревьях. Понравились ей веселые уютные домики вдоль шоссе и множество нешироких речек, через которые они то и дело переезжали. На пастбищах паслись стада чистеньких коров и овец, издали их фигурки казались игрушечными на фоне яркой зеленой травы, а сами пастбища

были перегорожены невысокими каменными стенками. Вскоре она поняла, почему ирландская трава такая свежая и зеленая, а животные такие чистые: пока они ехали, на небо несколько раз набегали облака и поливали землю легким дождичком, а затем все снова заливало солнцем. Зеленые живые изгороди вдоль дорог были усыпаны красными ягодами боярышника и шиповника; ягоды были тоже промыты дождем и оттого казалось, что они покрыты свежим лаком. «Какая у них тут природа веселая», – подумала Аннушка, и на сердце у нее полегчало.

Они миновали небольшой уютный городок с красной кирпичной ратушей и часами на башне, переехали по старому каменному мосту неширокую речку, потом совсем недолго ехали по грунтовой дороге сквозь сплошные заросли терновника и наконец остановились перед темно-зеленой стеной леса. Здесь от основной дороги прямо в лес уходила узкая лесная дорога, перекрытая ржавыми железными воротами. От ворот в обе стороны отходила замшелая и местами обвалившаяся каменная стена, почти скрытая терновником и куманикой

. Мисс Морген вышла из машины и своим ключом открыла ворота. Она развела половинки ворот в стороны, потом вернулась за руль, и они въехали на лесную дорогу, казавшуюся совсем заброшенной и малопроезжей. Мисс Морген снова остановила машину, вернулась и аккуратно затворила и заперла ворота. Дальше ехали по лесу, дремучему и сумрачному. Деревья тут росли огромные и старые, с длинными бородами лишайников и серо-зеленой плесенью на черной коре, с большими как тарелки грибами-трутовиками на стволах, а земля вдоль дороги была завалена непроходимым буреломом.

Проехав через мрачный лес, они оказались на берегу озера, а потом дорога стала медленно подниматься в гору, и Аннушка увидела впереди три холма на плоской каменистой равнине. На вершине среднего, ближайшего к озеру холма что-то ослепительно сияло. Когда солнце на минуту забежало за тучку, Аннушке удалось разглядеть, что это стеклянная пирамида, которая то ли стояла на вершине холма, то ли возвышалась за ним. Рядом с пирамидой на фоне голубого неба вырисовывалось большое мертвое дерево: оно наклонилось с холма, подняв к небу две черные корявые ветви с длинными голыми прутьями на концах – будто великан угрожающе поднял руки. А когда они подъехали еще ближе, она разглядела под мрачным деревом стройную и тонконогую белую лошадку, как две капли воды похожую на ту, что была изображена на дверцах их автомобиля. Лошадка не двигалась, и Аннушка решила, что это скульптура. «Мы подъезжаем к Келпи», – сообразила она и с облегчением вздохнула: из-за кота Брауни, который так и не подумал подвинуться, ей пришлось сидеть на краешке сиденья, и у нее от неудобной позы уже ныла спина.

– Вот мы и добрались, – сказала мисс Морген, заглушая мотор. Все вышли из машины. Аннушка огляделась. Холм был высоким и зеленым, но кроме травы на нем ничего не росло. Лишь у подножия, возле самой дороги стояли два дерева: старая рябина, вся покрытая гроздьями рубиновых ягод, и древний дуб, кряжистый, узловатый и замшелый. На его нижней ветке сидела крупная ворона с каким-то неопрятным седоватым опереньем – видно, тоже очень старая. Выйдя из машины, мисс Морген помахала вороне рукой, а ворона, будто отвечая ей, взмахнула крыльями и коротко каркнула, но улетать и не подумала.

Именно возле этих древних деревьев, рябины и дуба, начиналась невидимая стена, о которую с разлета ударился грудью Ангел Хранитель Иоанн. Он затрепетал крыльями и, не удержавшись в воздухе, упал на землю. Впрочем, он тут же вскочил на ноги и схватился за меч. И услышал позади негромкий глумливый смех. Ангел оглянулся и увидел на толстой нижней ветке дуба страшного беса в образе огромной то ли вороны, то ли гарпии: на первый взгляд ворона как ворона, только величины неправдоподобной, а приглядишься – гарпия.

– Ты откуда тут взялся, птенчик лучезарный? – спросила страхолюдина.

- Я сопровождаю мою подопечную, отроковицу Анну, - ответил Иоанн, не отнимая руки от рукояти меча.

- Да не держись ты за свой ножичек, Ангелок! Меня не напугаешь, - усмехнулась гарпия. - Ты лучше по сторонам погляди.

Ангел оглянулся и ужаснулся: бесы так и роились за невидимым ограждением. Впрочем, теперь Хранитель уже различал это ограждение, казавшееся ему куполом из мутного стекла, накрывшим весь огромный холм. Он увидел, как машина с Аннушкой и обеими ведьмами въехала внутрь купола через открывшийся в нем ход. Он с плеча замахнулся мечом и со всей мощи ударил по мутной преграде. Но ничего не произошло - меч отскочил и померк.

- Понял теперь? - спросила гарпия.

- Понял, - ответил Иоанн, вложил меч в ножны и глубоко задумался.

- Ну, а если понял, так и лети отсюда, не отсвечивай, - равнодушно сказала бесиха и зевнула во весь свой огромный то ли рот, то ли клюв, усеянный острыми зубами, уж конечно не вороньими!

- Никуда я не уйду. Я имею право находиться возле своей подопечной! - заявил Ангел Иоанн.

- Имеешь, кто спорит? Но не здесь, не в наших владениях.

- Везде! - упорствовал Ангел. - Вечером моя девочка станет на молитву и призовет меня, и тогда меня никакая преграда не остановит.

- В самом деле? Как интересно, - равнодушно просипела гарпия. - Я бы поглядела, как это ты войдешь в сид

.

- Что это еще за «сид»?

- Эх ты, сияющее невежество! Я имею в виду холм, перед которым ты стоишь, и в который тебе не войти. В нем живут и

учатся маленькие ведьмы, и твоя девчонка жить будет, - и, злобно хохотнув, добавила: - Там еще много кто живет...

- Так школа Келпи находится в этом холме?

- Угу. И тебе в него не войти.

- Я же сказал: войду, когда моя девочка позовет меня.

Гарпия пожала костлявыми плечами и принялась зубами чистить неопрятные черные перья.

Хранитель отвернулся от нее. Он встал между дубом и рябиной, опершись на меч, и принял позу терпеливого ожидания. Он ждал вечера: перед сном Аннушка станет на молитву и призовет его; и вот тогда он беспрепятственно войдет в этот холм-сид - по праву, данному Богом всем Ангелам Хранителям. Надо просто подождать, думал он.

Аннушка увидела, как лошадка, которую она приняла за скульптуру, повернула голову в их сторону и подняла одну ногу.

- Келпи, Келпи! - закричала мисс Морген. - Скачи сюда, я привезла тебе подарки!

Келпи звонко заржала и вскачь понеслась вниз с холма. Через мгновение белая лошадка уже стояла перед ними, переступая тонкими ногами и с любопытством оглядывая Жанну и Аннушку. Вблизи она была еще краше, чем казалась издали: шерстка на ней была блестящая, будто шелковая, и ослепительно белая, а короткая грива и волнистый хвост вблизи оказались цвета крем-брюле. Но удивительнее всего были ее глаза - большие и синие, почти васильковые.

Кот выпрыгнул из открытой машины, потянулся и легкими плавными прыжками подскочил к лошадке Келпи. Она игриво отбежала в сторону и остановилась. Кот начал подкрадываться, стараясь обойти лошадку, но она была начеку и поворачивалась за ним, косясь на него синим глазом. Они покружились немного, а потом Брауни уселся перед лошадкой и устался на нее. Тут она сама подошла к нему, изящно склонила головку на гибкой шее и принялась обнюхивать кота: со стороны казалось, что они разговаривают.

- Брауни докладывает Келпи, что привез новую ученицу, - со своей лучезарной улыбкой сказала мисс Морген. - Они очень привязаны друг к другу: оба они шотландского происхождения, как и я.

- А можно мне вашу Келпи погладить? - спросила Аннушка. - Я не боюсь лошадей.

Мисс Морген и Жанна переглянулись, и обе засмеялись. Ворона на дубу переступила когтистыми лапами и дважды хрипло каркнула. И это у нее прозвучало очень похоже на «ха ха!».

- Похвально, что ты не боишься лошадей, но гладить Келпи нельзя. Даже я не осмелилась бы на такую вольность, хотя мы с ней и старые подружки.

- Она что, такая строптивая? - спросила Аннушка.

- Можно сказать и так.

Мисс Морген открыла багажник, достала оттуда клетку с кроликами и поставила ее на землю. Кролики в клетке засуетились и начали тыкаться розовыми носиками в прутья. Увидев клетку со зверьками, Келпи бросила играть в гляделки с котом и подошла поближе.

- Сейчас, Келпи, сейчас, дорогая! - сказала ей ласково мисс Морген, разматывая проволоку, которой для верности была прикручена дверца клетки. Наконец дверца была отворена, но кролики не желали выходить: они испугались лошадки и забились в угол.

- Вы с Брауни отошли бы пока в сторонку, - сказала мисс Морген лошадке и коту.

Келпи, прядая остроконечными ушами, послушно отошла от клетки и замерла, не отводя любопытных глаз от кроликов. Кот фыркнул, прямо с земли запрыгнул на крышу автомобиля и там улегся, демонстрируя полное равнодушие к зверькам-трусишкам.

Мисс Морген подняла клетку за кольцо и отошла шагов на двадцать от машины; там она поставила ее на землю и снова отворила дверцу: на этот раз кролики один за другим выкатились из клетки и стремглав полетели длинными скачками вверх по зеленому холму.

Кот мягко спрыгнул на дорогу и помчался за ними, а вслед за котом по склону поскакала лошадка Келпи. Кролики удирали от них сначала по прямой и все вместе, потом они вдруг разделились по двое и побежали в разные стороны, и Брауни бросился за одной парой, а Келпи

за другой. Потом разделились и эти пары, и лошадка с котом должны были выбирать, кого из кроликов им догонять. Оба остановились в раздумье, и вид у обоих был растерянный и немного глуповатый.

Аннушка засмеялась и захолопала в ладоши, видя растерянность чудесных животных; в данный момент ее симпатии были, конечно, на стороне преследуемых кроликов – ведь те не знали, что им нечего бояться лошадки и котика, и убежали в страхе за свою жизнь.

- Тебе нравится эта погоня? – спросила мисс Морген, внимательно глядя на Аннушку.

- Конечно, нравится!

- Похвально. К сожалению, в этот раз мы не увидим ее окончания – нам пора. Садитесь в машину!

- А как же котик? Он не потеряется?

- Пусть погоняется за кроликами: у него в последнее время повысился холестерин, и ему полезна разминка. Не беспокойся, Брауни не потеряется, ведь мы уже дома.

Аннушка оглянулась, но никакого дома поблизости не увидела. Она решила, что школа скрывается за холмами.

Мисс Морген закинула в багажник пустую клетку, снова села за руль и пригласила Аннушку с Жанной занять свои места. Машина вплотную подъехала к холму, и тут в нем открылся проход; Аннушка и не заметила, как это произошло. Они въехали в темный проем и оказались в большом подземном гараже, где стояло несколько легковых машин и синий автобус со знакомой эмблемой на боку – белой лошадкой Келпи. И на дверцах всех легковых машин были нарисованы такие же белые лошадки.

- Берите вещи Юлианны и пойдете, – сказала мисс Морген.

Свои вещи Жанна оставила в машине, подхватила Аннушкину сумку, а ей предоставила чемодан. Заметив, что Аннушке трудно вытащить из багажника тяжелый чемодан, мисс Морген молча взяла его и понесла сама. Они прошли через весь гараж и остановились перед большим темным проходом в каменной стене.

- Дорогие, в нашей школе много древних традиций. Они, может быть, уже и не имеют особого смысла, но мы стараемся без особой необходимости их не менять. Вот по традиции мы и войдем в школу Келпи через древний лабиринт. Это его портал.

По бокам прямоугольного прохода стояли приземистые круглые колонны, а на них лежала массивная каменная балка; в глубине портала находилась железная дверь с ручкой в виде когтистой лапы, сжимающей хрустальный шар; каменные колонны и балка были украшены резным орнаментом из переплетающихся спиралей. Они прошли через портал и оказались в узком коридоре, который уже через пять-шесть шагов начал разветвляться и поворачивать под разными углами. Это был настоящий лабиринт, и в нем царил сумрак. Стены были невысоки, примерно в полтора человеческих роста, а выше была черная, уходящая ввысь пустота. Аннушка поняла, что одна она в этом лабиринте заблудилась бы ровно через пять минут, но, следуя за мисс Морген, они прошли его довольно скоро и остановились перед кованой железной дверью в стене. Узоры на двери повторяли тот же рисунок, что был на каменном портале, – пересекающиеся спирали, только на сей раз они были выкованы в металле.

- Лабиринт мы прошли, а теперь мы должны пройти сквозь огонь и воду, окружающие Келпи. Одно из древних правил гласит, что ученицы проходят их с завязанными глазами, - сказала мисс Морген. Из сумки она извлекла большой старинный ключ и черный шелковый платок. - Тебя, Жанна, это не касается, ты моя гостья. Подойди ко мне, Юлианна!

Аннушка послушно подошла к мисс Морген, и та завязала ей глаза. Повязка получилась не тугая, но такая плотная, что Аннушка не видела ни искорки света и лишь на слух воспринимала все, что происходило потом. Сначала она услышала, как повернулся ключ в замке и с визгливым скрипом отворилась железная дверь; они оказались в каком-то жарком помещении, по звуку и запаху похожем на котельную. Аннушка услышала чье-то громкое дыханье, лязг металла, удары, скрежет и догадалась, что это кочегары открывают топки и забрасывают в них уголь. «Странная у них традиция - водить гостей через котельную», - подумала она. Мисс Морген взяла ее за руку и повела дальше. Отворилась и закрылась за ними еще одна дверь, и воздух стал сырым, пахло водой, но не морской, а так, как пахнет жарким летним днем на берегу городского канала, например, Екатерининского в Петербурге. Под ногами у них загремело, будто они шли по железному мосту. А еще Аннушка услышала громкий плеск, фыркание и пыхтение: кто-то в этом канале плавал совсем неподалеку, какие-то крупные животные или рыбы.

Потом снова послышался звук поворачиваемого ключа и скрип дверей; после жара котельной и затхлого запаха канала в новом месте воздух показался Юльке особенно свежим и приятным.

- Ну вот мы и пришли. Добро пожаловать в Келпи, дорогая Юлианна, - торжественно произнесла мисс Морген, снимая с Аннушки повязку.

Аннушка проморгалась и воскликнула:

- Ой, как же у вас тут красиво!

Теперь они стояли в цветущем саду. Перед ними лежала вымощенная белыми известковыми плитами дорожка. Дверь, через которую они вошли, находилась в стене удивительного здания: его стены, плавно изгибаясь, уходили вправо и влево от входа, а впереди замыкались в кольцо. Проще говоря, сад находился внутри кольцеобразного здания. Необычным было и то, что стены здания стояли не прямо, а довольно заметно наклонялись внутрь круга, занятого садом. Но эти наклонные стены совсем не затеняли сада и сами были почти сплошь увиты вьющимися растениями. Солнце как раз стояло в зените, и его лучи, падая сверху, освещали серую каменную кладку и сверкали на блестящих листьях дикого винограда и плюща, на лиловых и розовых цветах клематиса, на красных и белых плетистых розах, кое-где добиравшихся до второго этажа. Аннушка хотела по окнам сосчитать, сколько этажей было в этом странном здании, но не смогла, потому что окна шли не рядами, а как попало: они плясали по всей стене, не соблюдая ни этажей, ни вообще какого бы то ни было порядка. Были окна высокие и широкие - дворцовые, было множество старинных окон с частыми переплетами, некоторые совсем крохотные или узкие, как бойницы; были окошки с полосатыми ставенками и с резными ставнями, были высокие готические окна и окна-витражи, были и полукруглые, а в одном месте шли в ряд круглые корабельные иллюминаторы. Аннушка поняла, что, если она будет и дальше разглядывать эти сумасшедшие окна, у нее закружится голова. Но тут мисс Морген пригласила их следовать за ней через сад:

- Поспешим, дорогие. Наша директриса леди Бадб уже ждет нас.

Вдоль дорожки росло множество самых разнообразных цветов, и росли они так пышно, что не помещались в куртинах и ложились пышными грудками на дорожки сада. Сразу за грядами

цветов поднимались кусты, многие в цвету, несмотря на середину августа, а еще дальше на ровных зеленых лужайках стояли редкие большие деревья, и некоторые из них тоже цвели, а на одном деревце росли аккуратные букеты оранжевых тюльпанов: Аннушка даже остановилась и открыла рот, когда увидела это тюльпанное дерево. «Прямо райский сад!» – подумала она. Где-то неподалеку журчала вода, через дорогу перелетали крупные бабочки, а на ветвях деревьев сидели большие яркие птицы. Впереди дорожку начал неспешно переходить павлин. Заметив людей, он остановился и начал было распускать хвост, но вдруг передумал: изящно изогнув сверкающую зеленую шею, он склюнул что-то у себя из-под ног и важно скрылся в кустах на другой стороне дорожки.

В просвете между деревьями Аннушка увидела голубую воду: там лежало круглое озеро, а посередине его бил высокий фонтан.

- Какой сад, какое озеро, какой фонтан! – громко восхищалась Жанна. – Я завидую тебе, Юлька, ты будешь жить в этом великолепии!

- Это наш маленький садик для отдыха, – скромно сказала мисс Морген. – Сейчас каникулы, и потому здесь пусто, а вообще наши ученицы очень любят свой садик. У нас тут лето круглый год.

- Как здорово, – сказала Аннушка и тут же решила, что она будет приходить сюда не только отдыхать, но и учить уроки.

Идя через сад, они увидели перелетавших с дерева на дерево крохотных белых обезьянок, стайку колибри в цветах и большого пестрого попугая, который приветствовал их криком: «Дуррочки! Дуррочки!». И уж совсем очаровала Аннушку оленья семья, втроем обедавшая какое-то невысокое деревце – гордый олень-отец с ветвистыми рогами, кроткая олениха и чудесный олененок, настоящий Бемби. Малыш стоял на задних ногах, одной передней опирался на толстую ветку, а вторую, согнутую, держал на весу: он осторожно и пугливо тянул мордочку, обедавая мелкие листики. Бок олененка был весь в светлых круглых пятнышках величиной с монету, будто в солнечных зайчиках.

Еще поворот дорожки, и Аннушка увидела альпийскую горку из камней, земли и разнообразных невысоких растений. На горке были установлены движущиеся фигурки гномов: одни копали землю между камнями и сажали в нее цветы, другие их поливали, третьи перетаскивали камни с места на место.

Если бы Аннушка пригляделась к гномам, она бы увидела недобрые лица, а если бы остановилась и прислушалась, то услышала бы, как они переругиваются между собой писклявыми голосами. Гномы были настоящие.

Они пересекли сад и снова очутились перед стеной шедшего по кругу здания. Затем они прошли сквозь большие, как ворота, деревянные двери и оказались в холле, у подножия широкой беломраморной лестницы. Они поднялись на площадку второго этажа. Тут Аннушка увидела высокую двустворчатую резную дверь и двух железных рыцарей по бокам от нее. Из-под блестящих стальных нагрудников рыцарей торчали короткие кожаные юбочки, а из-под шлемов свисали косички. Если бы просто косы, Аннушка не удивилась бы: она читала, что древние воины перед боем заплетали косы, чтобы волосы не мешали сражаться, но тут были не косы, а множество тонких косичек, и каждая заканчивалась бантиком, бусинкой или еще какой-нибудь «фенечкой».

Рыцарь-девицы одновременно сделали боковые шаги навстречу друг дружке и скрестили

алебарды перед идущими.

- Гости по приглашению леди Бадб, - сказала мисс Морген, и они молча отвели свое грозное оружие и отступили, пропуская гостей. Вслед за мисс Морген Жанна и Аннушка вошли в удивительный зал. Он был весь словно выкован из красноватой меди: медными были стены и стулья, стоявшие вдоль стен, паркет пола и большие вазы на полу, наличники и переплеты окон; даже камин в зале был медным. И вся эта медь была начищена до ярчайшего блеска. Мисс Морген попросила их присесть на стоящие вдоль стены и не слишком удобные на вид медные стулья, а сама прошла в следующую дверь.

Через несколько минут сидения на холодной и жесткой меди и разглядывания сверкающего интерьера у Аннушки начали слезиться глаза, хотя сегодня она, кажется, уже выплакала все слезы. Она перевела взгляд на окна, за которыми виднелись верхушки деревьев, хотела встать и подойти к окну, но Жанна резко дернула ее за руку:

- Сиди спокойно! Успеешь еще наглядеться на обезьян и попугаев.

Вообще-то Аннушка хотела еще раз взглянуть на семью оленей, но не спорить же было с Жанной! Да уже и некогда было.

- Леди Бадб просит посетителей войти! - торжественно произнесла вышедшая из-за двери мисс Морген.

Кабинет директрисы школы Келпи, в отличие от пышной приемной, был довольно прост и отделан темным дубом, но резьба, покрывавшая стены и высокие старинные шкафы, была замысловатой и тонкой. Шкафы были забиты книгами и разными непонятными предметами - может быть, здешними учебными пособиями? В одном из шкафов Аннушка заметила полку с обыкновенными школьными глобусами: она улыбнулась им, как старым знакомым.

Стол директрисы стоял напротив двери, в дальнем конце кабинета, и когда она поднялась из-за него и пошла им навстречу, Аннушка успела хорошо ее рассмотреть. Темноволосая и смуглая женщина была одета во что-то красное и разлетающееся при ходьбе; ее шея, уши и обнаженные до локтей руки были унизаны драгоценными камнями, а один камень был даже подвешен на цепочке посередине лба. Она шла к ним, протянув руки и радостно улыбаясь.

- Дорогие мои, я просто не верю своим глазам! Это в самом деле случилось - к нам прибыла первая ученица из далекой России! Какая радость, какая честь для нас... Ах, малышка, дай же мне поскорей обнять тебя!

Аннушка с растерянным видом шагнула ей навстречу. Впрочем, объятие было чисто условным: леди Бадб просто слегка сжала ладонями ее плечи и тут же отпустила. Потом она провела всех в угол, где вокруг небольшого стеклянного столика стояли мягкие кресла, и предложила присесть.

- По рюмочке келпинского ликера с дороги, дорогие дамы? А для моей будущей любимой ученицы - бокал сока моего собственного приготовления.

Не дожидаясь ответа, леди Бадб подошла к висевшему в уголке настенному шкафчику, достала из него небольшой золотой поднос, поставила на него бокал и три маленькие рюмочки, два кувшина, большой и маленький, и все это из голубого с золотыми мушками стекла; мушки в стекле двигались, взлетали и опускались. Перед Аннушкой был поставлен бокал, и леди Бадб собственноручно налила в него сок, оказавшийся необыкновенно душистым и сладким. Аннушка пила и чувствовала, как с каждым глотком этого волшебного сока уходит прочь

дорожная усталость, отодвигается тревога и какая-то непривычная легкость появляется в теле, в мыслях и в сердце: все на свете вдруг стало казаться не слишком важным, а жизнь представилась чем-то вроде веселой игры и забавы.

- Ну, Юлианна, нравится тебе у нас?

- Да, очень нравится, леди Бадб.

- И что же тебе понравилось больше всего?

- Ваш сад и ваши животные: олени в саду, и коричневый котик мисс Морген, а больше всего лошадка Келпи.

- Вот это прекрасно, что тебе с первого взгляда понравилась наша Келпи. Надеюсь, что и мы с мисс Морген тебе нравимся?

Аннушка смутилась: она не привыкла к таким прямым вопросам и не знала, что ответить. Но, подумав, решила сказать правду.

- Я вас еще почти не знаю.

Жанна свирепо на нее глянула, а мисс Морген чуть-чуть нахмурила тонкие брови.

- Малышка устала с дороги, - примиряюще сказала леди Бадб.;- Налей себе еще сока, Юлианна, он тебя взбодрит и поможет веселей глядеть на мир!

Аннушка не отказалась. И пока пила, уже раскаялась в своей невежливости: как же она сразу не поняла, что обе женщины не только красивы и умны, но также добры, заботливы и справедливы? Это же видно с первого взгляда!

- Ну вот и отлично, - удовлетворенно произнесла леди Бадб, когда Аннушка поставила на стол пустой бокал и улыбнулась. - Значит, ты с охотой остаешься у нас в Келпи?

- Конечно! - правда, про себя Аннушка честно добавила: «Потому что это очень нужно моей сестре Юле».

- Хотите осмотреть наши учебные и спальные помещения, мисс Кребс? - спросила леди Бадб Жанну.

- К сожалению, мне нужно возвращаться в Дублин: я должна еще сегодня попасть в Лондон, - сказала Жанна. - Что передать папе, Юлианна?

- А можно я сама ему позвоню?

- Один раз можно. Но только один раз! - сказала леди Бадб. - Мы чрезвычайно бережно относимся к нашей особой местной экологии, и поэтому не разрешаем ученицам привозить с собой мобильные телефоны. Даже обыкновенный телефон у нас один-единственный на всю школу, вот этот, - и она показала на старинный телефонный аппарат с металлической трубкой и деревянным корпусом. - Но сейчас ты можешь позвонить своему отцу, Юлианна, и сказать, что ты охотно остаешься в нашей школе.

- А потом я смогу ему звонить?

- Потом ты сможешь писать ему письма, если захочешь и если у тебя найдется для этого

время, – сказала леди Бадб и добавила, обращаясь к Жанне: – Как правило, наши ученицы своих родителей письмами не балуют: им так весело в Келпи, что они совершенно забывают о доме на все время учебы, до самых каникул.

– Вот и прекрасно, – сказала Жанна. – Нечего отвлекать отца от работы.

– Я буду писать бабушке, папе и моей сестре, – тихо сказала Аннушка.

– Посмотрим, – снисходительно улыбнулась мисс Морген и переглянулась с Жанной; та понимающе кивнула в ответ.

Первой с Мишиным стала говорить Жанна.

– Здравствуй, дорогой. Мы долетели нормально и уже благополучно добрались до школы. Школа прекрасная, но пусть тебе Юлька сама все расскажет, я передаю трубку. Целую, скоро буду дома!

Жанна протянула Аннушке телефонную трубку.

– Папочка! – сказала Аннушка.

– Как ты там, дочурка? – прозвучал в трубке далекий папин голос.

– Хорошо, – сказала Аннушка и замолчала. А что она могла сейчас сказать отцу? Упрекнуть его за то, что он скрыл от нее болезнь бабушки? Рассказать про их с Юлей обмен и обман?

– Папочка! Тут так интересно... Только мне так грустно, папа, – прошептала Аннушка сквозь набежавшие слезы.

Леди Бадб уже успела налить в бокал своего сока и сунула бокал Аннушке:

– Какая нервная девочка! Ну-ка, сделай глоток и перестанешь волноваться.

– Я тебя не слышу, Юлька! Куда ты пропала? Алё, алё!

– Тут классно, тут здоровско, папа! – сказала Аннушка, глотнув чудодейственного сока.

– Да? Ну вот и славно. Я очень рад, Юлька. И что ж тебе там понравилось, в твоей новой школе?

– Все, папочка! – Дальше пошло легче, она вздохнула и продолжала: – Тут такой сад, а в нем такие олени, такие птицы! А знаешь, почему школа называется Келпи? Ее так назвали в честь хорошенькой белой лошадки...

– Очень интересно. А учителя тебе тоже нравятся?

Аннушка поглядела на леди Бадб и мисс Морген: они о чем-то тихо говорили между собой и к ее разговору с отцом не прислушивались: из этого она поняла, что русского языка они не знают. Прислушивалась Жанна, хотя и делала вид, что с любопытством разглядывает корешки книг в шкафу.

– Я пока видела только директора и учительницу по медицине. Они очень добрые и веселые, а еще они обе просто замечательные красавицы.

- Красивее нашей Жанны?
- Конечно, - ответила Аннушка. - В сто раз!
- Не жалеешь, что поехала учиться в Ирландию?
- Не жалею. Папочка, а как там бабушка?
- Бабушка бодра как всегда. Ты бы видела, как она обрадовалась Аннушке! Она от нее три дня глаз не отводила.
- А потом?
- Что потом?
- Потом бабушка отвела от сестры глаза? - в разговоре с папой Аннушка не могла назвать Юльку своим именем - не хотела врать. Да и Жанна, похоже, все-таки подслушивала - уж очень напряженная у нее была спина.
- Потом я уехал обратно в Питер, так что не знаю.
- Я рада за них, - вздохнув, сказала Аннушка и поспешила закончить разговор. - Папа, я напишу тебе потом большое письмо, про все напишу подробно, ладно? А ты мне ответишь, хорошо?
- Конечно, отвечу. А если я в это время буду за границей, мне твое письмо Жанна перешлет по факсу. Ну, целую тебя, котенок мой.

Аннушка положила трубку и отошла к окну.

- Вы хотите еще побыть с Сироной? - спросила леди Бадб Жанну, когда та закончила разговор с Мишиным и повесила трубку.
- Конечно! - сказала Жанна. - Ты ведь отвезешь меня в Дублин, Сирона?
- С радостью, если позволит леди Бадб. - И мисс Морген вопросительно глянула на директрису.
- Поезжайте, милые, и повеселитесь там хорошенько. Я сама отведу Юлианну в ее комнату. Ах да, чуть не забыла! Мы не позволяем нашим ученицам носить драгоценности, привезенные из дома: девочки резвятся, могут потерять свои украшения, а потом родители будут недовольны. Есть у тебя золотые или серебряные вещи, Юлианна, или драгоценные камни?
- Нет, у меня ничего такого нет.
- А что это за цепочка у тебя на шее?
- Ой, простите! Это мой крестик - я и забыла про него. Разве я должна его снять?
- Конечно.
- Он не золотой, он серебряный.
- Тем более. Сними его и отдай мисс Кребс.

Аннушка прижала руку к груди.

- Ну, в чем дело? - нетерпеливо спросила Жанна.

Леди Бадб смотрела на Аннушку пристально и выжидающе. Аннушка медленно сняла цепочку с крестиком. Она подумала: хорошо, что Жанны не было на Юлькином дне Ангела, а то бы она могла сейчас заметить, что это другой крестик, не тот, что папа подарил Юле. А еще она подумала, что скажет бабушка, когда узнает, что она по первому требованию безропотно сняла и отдала свой крестик? «Ну, он ведь не крестильный, - успокоила она себя, - мой крестильный крестик остался в Пскове».

Леди Бадб достала из ящика стола картонную коробочку величиной со спичечный коробок, раскрыла ее и протянула Аннушке.

- Положи сюда свой талисман своей рукой, Юлианна. Заберите это, пожалуйста, мисс Кребс.

- Да-да, конечно, - сказала Жанна. - Не волнуйся, Юлианна, я отдам это твоему папе.

- Ну вот, теперь все в порядке, - сказала леди Бадб.

- Давай прощаться, Юлианна, - сказала Жанна и, подойдя к Аннушке, быстро клюнула ее в щеку. Как только она отвернулась, Аннушка тут же стерла со щеки ее поцелуй.

Мисс Морген и Жанна покинули кабинет, а леди Бадб подвела Аннушку к небольшой двери, почти незаметной на деревянной панели.

- Мы поднимемся на лифте, - сказала она, нажав на деревянный завиток. - Между верхними этажами у нас нет лестниц, только лифты.

Дверь отъехала в сторону, и перед ними оказалась кабина с зеркалом в золоченой раме и бархатной скамеечкой. Леди Бадб села на нее, нажала кнопку на доске, дверь закрылась, и лифт со скрипом тронулся. Аннушка осталась стоять. Лифт двигался очень медленно, кабинка на ходу заметно раскачивалась и остановилась только через несколько минут. Они вышли из лифта и оказались в большом, но очень уютном помещении: это был длинный зал с низким потолком, с коврами на полу и гобеленами на стенах. Длинные стены в этом зале были изогнуты двумя плавными дугами, одна чуть короче другой. Окон в зале не было, а вместо них по обеим стенам шли ряды больших зеркал в широких резных рамах. В торцевых стенах Аннушка увидела большие каминные из дикого камня: в одном камине горело целое бревно, а в другом догорала горка углей. Верхний свет был выключен, но по всему залу, словно грибы после дождя, стояли группками и порознь лампы на ножках: низенькие и высокие, с круглыми стеклянными абажурами разных цветов. Больше всего было оранжевых и желтых, и лампы выглядели, как грибы-лисички. Лампы отражались в зеркалах, и света в зале хватало.

- Это общая гостиная наших келпинок, - сказала директриса.

В зале было не меньше сотни девочек разного возраста. Аннушка догадалась, что это ученицы школы Келпи. Некоторые келпинки сидели за столиками и разговаривали, целая компания лежала на тигриной шкуре перед камином, а одна ученица сидела с ногами в кресле и держала перед собой книгу: из-под книги торчали две голые ноги с красными ногтями, а над книгой мерно двигался справа налево зеленый хохолок. За одним из столов несколько девочек играли в карты, но когда в зал вошла леди Бадб, они даже не попытались их спрятать. В общем, обстановка в зале была самая непринужденная.

При виде леди Бадб некоторые девочки вскочили на ноги, другие остались на своих местах и только подняли головы.

- Добрый вечер, леди Бадб! Посидите с нами!

- А вы зачем вскочили, зайчата? Сидите, отдыхайте. Я вам привела новую подружку. Это Юлианна Мишина из России, из города Санкт-Петербурга. За ужином вы с ней познакомитесь поближе, а сейчас я веду Юлианну в ее комнату. Никто из вас не знает, где сейчас Дара О'Тара?

Девочки переглянулись, зашущукались, кто-то громко хихикнул. Наконец одна белобрысенькая пропищала:

- Леди Бадб, а Дара отправилась в оранжерею воровать персики! Мы ее отговаривали, но она нас не послушалась.

- Ах, какая же у нас Дара озорница, - покачала головой леди Бадб, но Аннушка поняла, что директриса на эту Дару ни капельки не сердится. Леди Бадб провела Аннушку через всю гостиную, открыла дверь между двух зеркал, и они оказались в коридоре, который шел снаружи вокруг всей гостиной. По коридору шли двери, и какие двери!

- Здесь находятся комнаты наших воспитанниц, в каждой живут по две ученицы. Новеньких мы селим к старшим келпинкам, чтобы старшекурсницы их опекали. Комнат много, но перепутать их невозможно, потому что девочки вытворяют с ними все что хотят: они таким образом проявляют свою индивидуальность. Вот здесь, например, живет девочка из Индии, она тоже прибыла сегодня.

Перед белой дверью комнаты индийской девочки находилась сплошная золотая решетка, впрочем, очень красивая, а возле нее стояло чучело или скульптура сидящего леопарда. Но когда они поравнялись с дверью, леопард вдруг повернул к ним голову и широко зевнул, показывая пасть с ослепительными клыками.

- Он... не может напасть на нас?

- Не может, он на цепи.

На всякий случай Аннушка далеко обошла леопарда, держась поближе к леди Бадб. Зверь молча проводил их зелеными глазами, а потом улегся под дверью.

Некоторые из дверей были вполне обыкновенные, только залепленные постерами актеров и певцов. Но были тут и арки, задрапированные дорогими тканями, были узкие стрельчатые проходы, были двери как в старинных замках и двери как в звездолете, а одна зеленая дверь была и вовсе круглая - хоббичья, очень уютная на вид. Аннушке она больше всех понравилась. И вот надо же было такому случиться, что именно к ней и направилась леди Бадб.

- Вот здесь ваша с Дарой О'Тара комната. Я вижу, твои вещи уже принесли.

Действительно, возле дверей стояли чемодан и сумка Аннушки. Леди Бадб что-то прошептала, и круглая дверь гостеприимно распахнулась. Они внесли в нее Аннушкины вещи. Комната была большая, но с низким, косо уходящим к противоположной стене дощатым потолком. В этой стене было круглое окно с частым переплетом в виде паутины: стекла шли по кругу, в центре совсем мелкие, а по краям крупнее, некоторые из стекол были цветные, и от них на каменные плиты пола падали разноцветные блики. Слева от окошка стоял низкий и очень

длинный стол, и чего-чего только на нем не было! Книжки, мягкие игрушки, тарелки с остатками засохшей еды, ваза с наполовину увядшим букетом, ручки и карандаши, какая-то одежда... Не было только порядка. Возле стола стояли два низеньких стула на кривых звериных ножках, спинки у них были в форме кошачьих голов с торчащими ушами, а обиты забавные эти стульчики были коричневым бархатом.

Возле правой стены был камин, сложенный из красных кирпичей, скорее даже не камин, а пристенный очаг, а перед ним на полу лежала шкура бурого медведя с лапами и головой, с маленькими стеклянными глазками. Возле левой стены стояли два старинных резных шкафа, огромных, под самый потолок, со множеством больших и маленьких дверец, а между ними была втиснута трехэтажная деревянная кровать: на нижней была свалена одежда, на втором этаже была аккуратно застеленная постель, а с верхней свешивался край стеганого одеяла из шелковых лоскутков; все три постели имели каждая свой полог - красный, зеленый и желтый. «Светофор какой-то, а не кровать», - подумала Аннушка.

Леди Бадб отворила дверцу в шкафу слева от кровати, и оттуда выглянул кролик. Леди Бадб слегка стукнула кролика по носу и затворила дверцу.

- Я полагаю, это шкаф твоей соседки. Посмотрим, что в другом.

За дверцами другого шкафа ничего не было, кроме пустых полок и отделения с вешалками для одежды.

- Ты можешь занять этот шкаф.

- Спасибо.

- В общем, распаковывайся и располагайся, я не буду тебе мешать. Если Дара не вернется до ужина, тебя отведет в столовую кто-нибудь из воспитанниц. За ужином увидимся. Не скучай, Юлианна!

- Я постараюсь, леди Бадб.

Директриса улыбнулась и скрылась за дверью.

Аннушка подошла к приоткрытому круглому окну, распахнула его и осторожно высунулась наружу, но почти ничего не увидела: как раз напротив окна стоял огромный раскидистый каштан, весь в цвету. Странно, ведь уже почти осень, а этот каштан цветет...

За спиной раздалось какое-то глухое сипение. Аннушка испуганно оглянулась, но сразу же успокоилась: звук шел из больших деревянных резных часов, висевших на стене возле очага. Стрелки показывали семь часов. На часах открылась дверца, и оттуда выскочила кукушка размером с настоящую. Кукушка прокуковала семь раз, а потом вдруг взлетела на крышу часового домика и принялась охорашиваться, поглядывая на Аннушку то одним, то другим любопытным глазом. Аннушка стояла и смотрела на нее до тех пор, пока кукушка не нырнула обратно в свой домик.

Аннушка почувствовала, что проголодалась: когда в самолете ей принесли завтрак, она ничего не могла съесть, кроме одного кекса, а с тех пор прошел уже почти целый день. Правда, она выпила два стакана сока леди Бадб, но его бодрящее действие уже кончилось. Развешивая и раскладывая свои вещи в шкафу, она стала проверять карманы - не завалилась ли в каком-нибудь шоколадка или хотя бы конфетка? Она даже оглядела тарелки на столе, но не обнаружила на них ничего аппетитного.

В комнате стало прохладно. Только тут Аннушка обратила внимание, что не только пол, но и стены в комнате каменные – от них и шел холод. Пришлось открыть чемодан, вытащить и надеть свитер.

Свет за окном стал розовым. Сам собой вдруг вспыхнул огонь в закопченном зеве очага. Аннушка подошла к окну и закрыла его, потом села на медвежью шкуру, поближе к огню и стала ждать, когда за ней придут. Время шло, кукушка прокуковала еще один раз в половине восьмого, а за ней все не шли... Она вспомнила про бабушку и опять принялась плакать. От слез и усталости она сама не заметила, как уснула, положив свою голову на огромную медвежью.

Проснулась Аннушка от стука в окно. Она поглядела в его сторону и ужаснулась: страшная черная рука с неимоверно длинными узловатыми пальцами настойчиво скребла и колотила по стеклу. Ей почему-то сразу вспомнилось мертвое дерево на вершине холма с двумя руками-сучьями.

- Ошкрой окно! Вшуши меня! – приглушенно прозвучал за окном глухой и мрачный голос. – Шейшаш же ошкрой окно!

Сразу начинать кричать и звать на помощь или сначала подойти к окну и взглянуть? – в страхе размышляла Аннушка. Вдруг она завизжит, позовет на помощь, а девочки прибегут и станут над ней смеяться? Нет уж, лучше сначала все выяснить самой. Она глубоко вздохнула, сосчитала до трех и подошла к окну на резиновых от страха ногах.

За окном, держась одной рукой за плющ, висела девчонка. В другой руке у нее была ветка, которой она колотила по стеклу: эту сухую ветку Аннушка и приняла за костлявую черную руку. Во рту девчонка держала веревку – она-то и мешала ей говорить.

- Сейчас, сейчас я открою! – крикнула Аннушка.

Пока она возилась с запором, девчонка бросила свою ветку, выхватила изо рта веревку и начала с такой скоростью и с такой злостью браниться по-английски, что Аннушка почти ничего не поняла, а потому и не обиделась. «Это и есть Дара О'Тара», – догадалась она.

- Давай руку! – сказала Аннушка.

- Держи лучше веревку и тяни понемногу. Да не дергай ты так – на том конце персики!

Дара мигом забралась в комнату и стала помогать Аннушке тянуть веревку: через несколько секунд они вытянули наверх довольно большую корзину, наполненную отборными персиками.

- Ставь корзинку на пол и закрывай скорей окно, я совсем замерзла из-за тебя! Кто тебя просил его закрывать?

- В комнате стало холодно.

- Вздор! Как только в комнате становится холодно, в очаге сам собой загорается огонь.

- Он и загорелся. Но я хотела побережь тепло, не отапливать сад.

- Еще один вздор: сад тоже обогревается. Мы тут, видишь ли, на отоплении не экономим. – Дара плюхнулась на медвежью шкуру перед очагом и хлопнула по ней. – Садись.

На вид Дара была года на два-три старше Аннушки, она была крепкого сложения, жутко рыжая и усыпанная веснушками до самых пяток: Аннушке еще никогда не приходилось видеть, чтобы у человека ноги и руки были настолько покрыты веснушками, что казались загорелыми. Но вблизи было видно, что на свободных от веснушек местах кожа у Дары, как раз наоборот, ослепительно белая.

Дара тоже с минуту оценивающе разглядывала Аннушку, а потом приказала:

- Рассказывай!
- Что рассказывать?
- Кто ты и зачем забралась в Норку?
- Куда?
- Сюда, балда! Это моя комната так называется - Норка. Ну, откуда ты взялась?
- Меня привела сюда леди Бадб и сказала, что я буду жить в этой комнате.
- А меня, значит, спросить не догадались? - Она еще раз оглядела Аннушку. - Ладно, я согласна, чтобы ты жила здесь. Могли подсунуть что-нибудь и похуже. Ты откуда приехала?
- Из России. А ты?
- Я ирландка, настоящая айриш, так что ты у меня во всех смыслах в гостях. Понятно тебе?

Аннушка кивнула - чего ж тут не понять?

- Как тебя зовут?
- Юлианна Мишина. А тебя Дара О'Тара, мне уже сказали.
- Понятно. Акцент у тебя какой-то... непонятный! - Она покрутила головой. - Ты хоть все понимаешь, что я говорю?
- Конечно. Я давно учу английский, у меня только разговорной практики не было.
- Теперь будет, - успокоила ее Дара.

Аннушка не знала и знать не могла, что Ангел Иоанн все ночи после их заговора на острове Пятачок, стоя над ее изголовьем, читал ей вслух «Хроники Нарнии» на английском языке: вот почему она понимала почти все, начиная с объявлений в самолетах и в аэропортах и кончая разговорами с мисс Морген, леди Бадб и Дарой.

Дара была в общем-то девочка как девочка, только одета была странно: на ней были шорты и топик, оставлявшие голым веснушчатый живот, а на ногах были косматые зимние сапоги.

- Как называется город, из которого ты приехала, Юлианна?
- Санкт-Петербург.
- Дурацкое название.

- Почему же дурацкое? - удивилась Аннушка.
- Слишком длинное, его трудно засунуть в лимерик.
- Куда засунуть?
- В лимерик. Это такие ирландские стишки-дразнилки.
- А зачем Санкт-Петербург засовывать в дразнилки?
- Глупая! Чтобы все их запомнили и потом тебя дразнили.
- А зачем тебе нужно, чтобы меня дразнили, Дара?- Затем, что все равно будут. У нас все всех дразнят. Для тебя же лучше, если лимерик про тебя напишу я сама - тогда другие поленятся сочинять. Так что давай какие-нибудь названия покороче.
- А без названий никак нельзя?
- Можно, конечно, но это будет неправильный лимерик. В лимерике, написанном по всем правилам, в первой строчке обязательно должно указываться место жительства героя.

Аннушка задумалась: сказать Даре, что вообще-то она из Пскова, или не говорить? Решила пока оставить Петербург.

- Ладно. У этого города много всяких названий: Питер, бывший Ленинград, град святого Петра...
- Святые у нас тут не в моде, Ленинград слишком длинно, а вот Питер подойдет. Теперь не мешай, я буду сочинять.

Дара задумалась ненадолго, а потом выпалила:

В Норку к Даре девица из Питера заявила и ноги не вытерла.

Почему не сидится этой русской девице на просторах любимого Питера?

- Кажется, я вытирала ноги... Тебя же не было в комнате, когда я пришла; почему ты думаешь, что я их не вытерла?
- Ой, тупица какая! Твои ноги нужны для рифмы, это поэтическая вольность!
- Так ты не хочешь, чтобы я здесь жила?
- С чего ты взяла? - вытаращила глаза Дара.
- Я так поняла из твоего стишка.
- Юлианна! Ты что, вообще шуток не понимаешь или это у тебя с дороги?
- Нет, но я подумала...
- Думать здесь буду в основном я, а ты только слушай меня и не пропадешь. И жилище наше больше комнатой не зови. Запомни, это Норка! Понятно?

Аннушка пожала плечами. И вдруг непонятным образом она мгновенно оказалась опрокинутой

на шкуру носом в медвежий мех, а Дара - верхом на ней.

- Отвечай четко и внятно, - приказала Дара, хмуря широкие рыжие брови и сверкая зелеными глазами. - Понятно тебе, как называется мое жилище?

- Да понятно, понятно, - засмеялась Аннушка и чихнула. - Норка. Как у хоббитов. Только отпусти меня, пожалуйста, мне медвежья шкура в нос лезет. И мне очень нравится твоя Норка, Дара, честное слово!

- Наша Норка, - поправила ее Дара. - А как ты относишься к хоббитам?

- Они мне тоже нравятся. Я читала «Властелина колец» и кино смотрела. Разве хоббиты могут не нравиться?

- Тогда порядок, - Дара оставила Аннушку и побежала к своему шкафу. - Отныне мы обе - хоббиты, а вообще нас теперь трое!

Аннушка хотела спросить, кто у них третий, но не успела. - Я тебе дам мои старые хоббичьи сапоги, - продолжала Дара. - И учти: тем, кто живет в одной комнате, разрешается дружить, чтобы они друг друга не съели.

- Как это - не съели?

- Фигурально. Чтобы не затравили друг дружку насмерть, а то в Келпи никого не останется.

- Неужели все келпинки такие злые?

- Эй, ты в духовную школу поступила или куда?

- Разве Келпи духовная школа?

- Конечно! Нас тут учат общаться с духами, значит, это духовная школа.

- Я думаю, «духовное» означает совсем не это...

- Опять?

- Что «опять»?

- Опять думать вздумала? - Дара обвиняюще уставила на Аннушку не очень чистый указательный палец. - Учти, я ничего не буду тебе рассказывать, если ты будешь над каждым моим словом размышлять.

- Хорошо, хорошо, я не буду сейчас размышлять, я потом все обдумаю. Рассказывай!

- Девчонки у нас злющие, всегда помни об этом. И заруби себе на носу: без настоящей злости колдовству не обучишься.

- Колдовству? Но я в общем-то... - Аннушка хотела сказать, что никакому колдовству она не хочет учиться, но вместо этого спросила: - Дара, а ты тоже злая?

- Конечно, иначе тут не выжить. А дома, когда я жила с моими тремя тетками, я еще злее была.

- А почему ты жила с тетками, а не с родителями?
- Потому что мои родители развелись, как только меня родили. Вот они меня и подкинули на воспитание папочкиным сестрам, старым девам и старым ведьмам. Они с утра до вечера ссорились и грызлись между собой. Когда-то с ними жила еще одна сестра, младшая, но она от них сбежала. И я еле-еле дождалась, когда можно будет поступить в Келпи.
- А твои родители? Они не хотят забрать тебя обратно?
- У них обоих давным-давно другие семьи и другие дети, они и думать забыли, что когда-то у них был общий ребенок. Вот выучусь как следует колдовать и тогда, может быть, захочу с ними встретиться!
- А бывает на свете полезное колдовство, Дара? Белая магия - она, кажется, добрая?
- Запомни, Юлианна, колдовство должно быть полезным и добрым только для того, кто колдует! - важно ответила Дара. - Ну и клиенту, иногда. А всякие эти раскраски - белая, черная, голубая, зеленая магия - это все только маскировка для обыкновенных людей, для быдлов непродвинутых.
- Что ты говоришь, Дара? Разве можно называть обыкновенных людей быдлом? - возмутилась Аннушка.
- Мы называем быдлами людей, лишенных магии. Среди непросвещенных попадаются умные люди, но они все равно быдлы, то есть, ничего не смыслят в магии и колдовстве.
- Я знаю много хороших людей, которые и слышать не хотят ни о каком колдовстве. Моя бабушка, например.
- А она у тебя просвещенная?
- Моя бабушка бывшая учительница.
- Я не об образовании, а о духовности.
- Бабушка высокодуховный человек, она много лет была старостой в нашей церкви.
- В христианской церкви? - Да.
- Христиане - самые заклятые враги колдовства, это из-за них магия веками была в загоне. А насчет духовности запомни: духовность - это общение с духами!
- С какими духами? Духи разные бывают - добрые и злые, Ангелы и демоны.
- Ну кто там их различает! Нужно научиться использовать любых духов.
- А моя бабушка говорит, что нужно уметь различать духов и всячески избегать темных сил.
- Твоя бабушка из быдлов, и в духовных вопросах она не разбирается.
- Очень даже разбирается! - нахмурилась Аннушка.
- Ты со мной спорить хочешь? - Дара зло прищурила зеленые глаза и уставилась на нее.

Аннушка вдруг почувствовала колотье в висках и такую внезапно навалившуюся усталость, что даже мысль о том, чтобы что-то доказывать Даре, спорить с нею, вызвала у нее тошноту. Впрочем, это могло быть и от голода.

- Слушай, а когда у вас ужин? - спросила она, потирая виски. - Леди Бадб сказала, что девочки придут за мной и отведут ужинать.

- Леди Бадб так сказала? Вот шутница! - Злость у Дары уже прошла, и зеленые ее глаза перестали светиться. - Ужин, между прочим, давно прошел. Э, ты чего скисла? Ты голодная, что ли?

- Да. Я весь день почти ничего не ела.

Дара вскочила на ноги и подошла к своему шкафу.

- И что бы ты без меня делала в Келпи, Юлианна? - спросила она, распахивая дверцы. И сама себе ответила: - Пропала бы без меня бедная русская девочка! Но я тебя спасу от голодной смерти: у настоящего хоббита в норке всегда должны быть запасы продовольствия. Иди сюда и принимай!

Дара извлекала из глубин шкафа и передавала Аннушке чипсы, шоколадные батончики, банки с кока-колой, какие-то печенюшки в прозрачных упаковках.

- Хватит нам на ужин?

- Хватит, конечно, хватит! Остановись, Дара!

- Есть еще персики, хотя вообще-то я их для Бильбо украла.

- Бильбо - это твой кролик? - догадалась Аннушка.

- Ну да.

Дара вытащила Бильбо за уши из шкафа и пустила бегать по комнате. Она взяла из корзинки персик и покатила его по полу: Бильбо бросился за персиком, как котенок за клубком, и стал гонять его по комнате.

- Я его тренирую, чтобы он научился бегать быстрее Келпи, - пояснила Дара.

Они разложили припасы прямо на шкуре перед очагом и принялись за еду. За ужином Дара принялась снова просвещать Аннушку насчет порядков в Келпи, но та скоро наелась и начала клевать носом. Бильбо, наигравшись персиком, обгрыз его до косточки и тоже прилег рядом с Аннушкой, уткнувшись ей в живот.

- Смотри-ка, и Бильбо тебя признал, - удовлетворенно сказала Дара. - Э, да ты совсем спишь, Юлианна!

- Я устала. У меня сегодня был такой длин-ный-длинный-длин-н-ный день...

- Лезь на кровать и спи. Твоя постель в середине, моя - наверху. Ты ночью не храпишь?

- Нет.

- Откуда ты знаешь?

- Дома я спала с сестрой, она бы мне об этом сказала.
- А! Ну тогда ладно.
- А где можно принять душ и зубы почистить?
- В конце коридора туалет и душевая. Тут у нас только у самых богатых келпинок свой туалет и душ. Тебя проводить?
- Да, если можно. Одна я пока стесняюсь и боюсь.
- И правильно делаешь. Если девчонки не позвали тебя на ужин, это вовсе не значит, что они совсем о тебе забыли. У нас тут принято шутить над новичками, и шутки эти бывают злобненькие!

Умывание прошло без приключений, и, вернувшись в Норку, девочки тотчас забрались на свои кровати, и каждая задвинула свой полог. Дара попыталась еще поболтать перед сном, но Аннушка уснула почти сразу же.

«Что-то я еще забыла сделать перед сном?» - пыталась она вспомнить, засыпая, но так и не вспомнила.

Ангел Иоанн, сидя одиноко на холме, все ждал и ждал, когда же Аннушка начнет молиться и призовет его в молитве, но так и не дождался. «Ничего, - подумал он, - сегодня был такой длинный день, и столько было у Аннушки горя... Хотя в горе-то и молиться жалобно! Но завтра она обязательно утром помолится».

Бильбо залез в корзинку с персиками, еще немного погрыз, а потом прямо на персиках уснул. В Норке наступила тишина.

Глава 4

Утром Аннушка проснулась и сначала не поняла, где она находится. Она подняла голову и огляделась. Из круглого окошка прямо на середину комнаты падал большой, круглый и разноцветный солнечный зайчик, а в нем на задних лапах сидел коричневый кролик, держа в передних лапах румяный персик. Аннушка вспомнила: это Келпи, она в Норке Дары, а кролика зовут Бильбо. Она улыбнулась и сладко потянулась. Но тут же вспомнила и другое: «Бабушка больна!», - и радость ее сразу потухла.

Она отодвинула полог, высунулась из постели, поглядела вверх - и сразу же получила подушкой по голове! Да не так, как они дрались с Юлькой - почти безболезненно и уж во всяком случае безобидно, а наотмашь, со всей силы, так что она чуть с кровати не свалилась.

- Ой, Дара! За что?
- А ни за что. Это я с тобой здороваюсь.
- Ничего себе «Доброе утро»!
- Привыкай. Мы тут в Келпи телячьих нежностей не разводим. Быстро одевайся и побежали на завтрак! - скомандовала Дара и прыгнула сверху прямо на пол. На ногах у нее уже были

хобби́чы сапоги: то ли она спала прямо в них, то ли обулась прямо на кровати.

- Здорово прыгаешь! - восхитилась Аннушка.

- Я подстраховалась, - объяснила Дара. - Прежде чем спрыгнуть, прочла короткий антитравматический заговор.

- Научишь?

- Нет, конечно!

- Почему? - удивилась Аннушка.

- Юлианна, запомни: никогда и никого не учи тому, что знаешь сама! От этого твоя сила будет уменьшаться.

- Какая сила? - не поняла Аннушка.

- Магическая.

- Да нет у меня никакой магической силы, Дара! Что за глупости?

- Пока у тебя есть только задатки, иначе бы тебя сюда не приняли. Но в Келпи для того и поступают, чтобы эти задатки развивать. Кто за тебя поручился?

- Не понимаю...

- Кто тебя в Келпи устроил?

- Моя мачеха.

- Она у тебя ведьма?

- Что-то такое в ней есть. Но сама она называет себя экстрасенсом.

- Маскировочка, - понимающе кивнула Дара. - Экстрасенсы, целители, прорицатели, профессора оккультных наук - все это просто ведьмы и колдуны, и в сиде мы их так и зовем. Нам тут притворяться незачем.

- А что значит «в сиде» ?

- В сиде значит внутри холма. Такой холм, как наш, в котором живут маги и волшебные обитатели, называется «сидом». Все магло знает нашу школу как сид Келпи.

- Магло ?

- Да. Человечество делится на два рода - магло и быдло. Про быдло мы с тобой вчера говорили, а магло - это лучшая, передовая часть человечества, владеющая магией. Вам это все объяснит миссис Балор на уроках людоведения.

- А как понять «внутри холма» ?

- Вот глупая! Тебя сюда на машине привезли?

- На машине.

- А машина куда въехала?
- В гараж...
- А гараж где находится?
- Верно, в холме... Я думала, что школа находится за холмом, что мы его насквозь проехали.
- Ничего подобного - все внутри!
- Да нет, ты меня разыгрываешь! А как же сад?
- И сад внутри сада.
- А солнце?
- Оно светит сквозь стеклянную Башню фоморов. Она так устроена, что над нашим садом солнце всегда стоит в зените.
- А небо?
- Небо мы тоже видим сквозь стекло.

Аннушка подбежала к окну, распахнула круглую раму и высунулась наружу. Утренний воздух был свеж, в саду пели птицы, деревья шелестели на легком ветерке, а небо, голубое и чистое, и в самом деле было видно сквозь едва заметные грани стеклянной пирамиды. И, как это ни странно, оно от этого казалось только ярче, синее.

- А дождик тут у вас бывает?
- Бывает. Когда леди Бадб сердится, бывает не только дождь, но и настоящая буря.
- Интересно!..
- Нет, когда леди Бадб начинает бушевать, это совсем не интересно, а страшно. Хорошо, что сердится она редко.
- Она не строгая?
- Совсем нет. В нашей школе ученицам дана полная свобода. Знаешь, как мы учителей-быдликков изводим! Ого-го! И ничего, нам все сходит. По-настоящему леди Бадб сердится только тогда, когда кто-нибудь против магии выступает. В прошлом году одна греческая девочка вдруг посреди учебного года решила бросить школу. Она заявила, что православная девочка не должна заниматься колдовством. Ух, как леди Бадб бушевала, половину деревьев в саду бурей поломала!
- А девочка?
- Она хотела уехать домой или перейти в обыкновенную школу здесь, в Ирландии. Я про нее лимерик сочинила:

Как одна ученица из Греции Все решала, куда б это деться ей?

Мы сказали куда, но совсем не туда унесло ученицу из Греции.

- Леди Бадб ее наказала?

- Еще как! Отправила кататься на Келпи. Аннушка вспомнила очаровательную белую лошадку и подумала, что леди Бадб просто потрясающе добра, если провинившуюся ученицу в наказание отправила кататься на лошадке. Может быть, греческая девочка не умела ездить верхом, испугалась или упала пару раз, но все равно, разве это наказание? Она хотела спросить, осталась ли гречанка после этого в Келпи, но Дара ее заторопила.

- Вот тебе мои старые хоббичьи сапожки: надевай и никогда не снимай, и все будут знать, что ты из моей Норки.

- Ты что, сама их больше не носишь?

- Нет, они мне малы стали.

Аннушка взяла протянутые Дарой мохнатые сапожки и вдруг вспомнила, как в начале лета Юлька тоже подарила ей мохнатые тапочки со щенячьими мордашками. Взяла она их с собой или забыла положить, когда вчера утром собиралась в дорогу?

- Ты чего задумалась?

- Сестру вспомнила, - сказала Аннушка, вздохнула и вытерла набежавшие на глаза слезы.

- Она у тебя что, очень вредная?

- Нет, она хорошая, веселая и добрая.

- Так чего же ты плачешь?!

- Соскучилась...

- Глупости! Вот я ни капельки не скучаю по своей семье.

- Семьи разные бывают, - тихо сказала Аннушка. Она подумала, какая она, в сущности, счастливая девочка: у нее есть папа, бабушка и Юленька... Но вслух сказала другое: - Как ты думаешь, Дара, а что мне сверху надеть?

- Да хоть ничего! У нас этому значения не придают.

Сама Дара была в полосатом зелено-желтом купальнике, что в сочетании с мохнатыми коричневыми сапожками производило забавное впечатление.

- Я лучше надену джинсы и майку, - сказала Аннушка.

- Надевай и пошли скорей в Каминный зал, есть ужасно хочется!

- Погоди, я еще не готова, я даже не умывалась еще.

- Охота тебе время тратить на ерунду! Потом сходим к озеру и выкупаемся.

- А зубы почистить?

- Предрассудок! Съешь яблоко за завтраком - зубы и очистятся.

- Что-то я еще должна утром сделать...

- Ничего не должна! Кровати боуги застелют, и комнату они уберут. Пошли. Все уже завтракают!

- Ладно, идем.

И все-таки Аннушка смутно чувствовала, что утро началось как-то неправильно, пропущено что-то важное и нужное.

Ангел Иоанн ходил взад и вперед по плоской верхушке холма, поглядывая на сид Келпи: когда же наконец, прозвучат ясные слова Аннушкиной молитвы и можно будет выхватить меч и смело идти к своей любимой отроковице – и ни один бес не посмеет встать у него на дороге!

Сид проснулся. Из вершины стеклянной Башни фоморов, словно ядовитый дым из заводской трубы, валили клубы зловещих испарений, людям невидимые, Ангелу противные, демонам приятные. А демонов в сиде битком набито, и местных, и явившихся в сид вместе с новыми ученицами. Иоанна, впрочем, никто не задевал – бесы делали вид, что не видят одинокого Ангела на соседнем холме. Только Келпи иногда поворачивала голову в его сторону и внимательно, изучающе на него смотрела.

Аннушка первой вышла из Норки через круглую дверь и остановилась в испуге.

За дверью стояла четверка невероятно крупных, по колено Аннушке, серых покемонов.

До приезда в Петербург Аннушка о покемонах, игрушечных карманных монстрах, слыхом не слыхала: до ее псковской школы это поветрие не дошло. Но зато у Киры она увидела полную коллекцию этих модных монстров и еще тогда разгадала их природу: «Это же бесы, девочки!». Но Кира и Юлька ее высмеяли и назвали провинциалкой. Хорошо еще, что Юлька этим жутковатым хобби не заразилась, потому что Аннушка ни за что на свете не согласилась бы спать в одной комнате даже с игрушечными бесами.

Покемоны были все одинаковые – серые, а может быть, просто пыльные, на толстых коротких ногах; морды у них заканчивались небольшими хоботками, сзади свисали до пола гребенчатые хвосты, а верхние лапы кончались гибкими длинными пальцами, по шести на каждой; на спинах у монстров были сложены короткие кожистые крылья, а головы были остроконечные. Покемоны стояли по двое справа и слева от двери.

А еще в коридоре стояла деревянная коляска-тележка, нагруженная ведрами, щетками, швабрами, рулонами бумажных полотенец, банками и бутылками с яркими наклейками. Сзади к коляске был привязан веревкой большой пылесос на колесиках.

Вдруг покемоны поклонились девочкам, сняв при этом серые колпаки с круглых безволосых голов.

- Ой, они живые! – Аннушка в испуге ухватилась за Дару.

- Не бойся, это боуги. Они пришли делать уборку. Давайте топайте, серые рыцари совка и метелки! Да на столе приберитесь как следует!

Покемоны-боуги полезли в дверь, толкая перед собой и перетаскивая через полуовальный порог тележку с пылесосом на буксире.

Поддав последнему боугу под зад мохнатым сапогом, Дара затворила дверь и что-то пошептала в замочную скважину.

- Это я заклятье на дверь наложила, чтобы без нас никто в Норку не влез, - пояснила она Юльке. - Я тебе потом его скажу, чтобы ты тоже могла входить в Норку.

- А как же эти... боуги выйдут? Они ведь не останутся в Норке насовсем?

- На них запираательные заклятья учениц не действуют.

- А кто они вообще такие?

- Фэйри

.

- А кто такие фэйри?

- Фэйри - это неорганики, живущие в сидах.

- А неорганики - это кто?

- Ты не знаешь, кто такие неорганики?

- Дара, я ведь всего второй день в Келпи!

- Правильно воспитанные ведьмочки такие вещи знают с пеленок Ладно, пошли - по дороге расскажу. Боуги вообще-то страшно вредные фэйри. Когда-то они были крупными, гораздо выше людей, сильными и грозными, но потом быдлики перестали в них верить, не стали больше их почитать, и они понемногу измельчали. В них иногда еще верят дети, которым рассказывают сказки, и поэтому боуги любят селиться там, где много детей. Теперь они даже колдовать толком разучились и способны только к работе по обслуживанию: готовят, убирают, помогают преподавателям на уроках. Леди Бадб любит на примере боугов учить, как важно все время привлекать внимание быдликов к магии, подогревать их интерес к волшебству: без подпитки человеческим вниманием неорганики и даже маги хиреют и вырождаются.

Дара только забыла или не захотела добавить, что боуги, как и все «неорганики», - это обыкновенные бесы, только изрядно измельчавшие за века христианства.

- А почему ты сказала, что боуги вредные? - спросила Аннушка.

- Да потому что они шпионят за келпинками, все вынюхивают и выслеживают, а потом доносят преподавателям.

Девочки, беседуя, вошли в гостиную. В ней не было ни души.

- Видишь! Все уже завтракают в Каминном зале, - проворчала Дара.

Они подошли к лифту, и Дара нажала нужную кнопку. Зал, в который они вышли, когда лифт остановился, был огромен, две его длинные стены изгибались дугами, а две другие, короткие, были прямыми. Окон в зале не было, зато по обеим длинным стенам шли ряды высоких каминов, и в каждом пылал огонь. Перед каминами и между ними стояли столики, и за многими уже сидели и завтракали девочки. Тут были ученицы возраста Аннушки, были и постарше, а кое-где сидели уже почти взрослые девушки. Столиков в зале было много, и келпинки сидели за ними по двое и поодиночке. Некоторые были одеты просто в джинсы,

шортики, маечки, а на других были пестрые экзотические наряды. Были тут девочки всех оттенков кожи, даже одна чернокожая, с большим пухлым ртом и высокой копной курчавых волос.

В противоположных концах зала, возле прямых его стен стояли два длинных стола. Один был заставлен закусками и напитками, а за вторым завтракали преподаватели. Почти все они были женщины, только с краю сидел, низко наклонясь к столу, старик в широкой зеленой одежде и в низко надвинутом капюшоне. Из-под капюшона виднелся только крючковатый нос, а под ним – седые усы и борода.

Когда Дара и Аннушка появились в зале, келпинки взглянули на них и начали переговариваться между собой и, как показалось Аннушке, хихикать.

- Давай зайдем столик подальше от всех, – предложила она, оробев.

- Не бойся, Юлианна, со мной тебя никто не тронет!

Не обращая внимания ни на кого в зале, Дара подвела Аннушку к длинному столу с едой, взяла с краю два подноса и один сунула ей.

- Запасайся!

Обе начали выбирать еду на завтрак. Стопки тарелок громоздились на столе между блюдами, рядом с кувшинами сока стояли подносы с бокалами и кружками. Аннушка удивилась: на столе в основном были лакомства, которые обычно подаются на подростковых пати, но не одобряются взрослыми, – чипсы, кока-кола и пепси, сникерсы, соленые орешки и палочки, пирожные, шоколад и жвачка; и только в самом конце стола стояли подносы с дымящимися сосисками, блюда с колбасой и сыром, миски с мюсли, кукурузными хлопьями, хлеб, масло, фрукты, йогурты и молоко. Оглядев стол, Аннушка направилась именно туда.

Дара фыркнула:

- Ты что, собираешься завтракать, как примерная девочка?

- Я вчера так наелась сладостей, что сегодня мне хочется обыкновенной овсянки или хлопьев.

- Ну смотри, тебе жевать!

Сама Дара набрала на поднос орехов, фруктов и целую гору сосисок.

- Ты станешь есть на завтрак сосиски? – в свою очередь удивилась Аннушка.

- Угу. Мы, хоббиты, как известно, любим плотно позавтракать. А что не съем сама, то отнесу Бильбо и Келпи.

- Неужели твой кролик ест сосиски? – Для Бильбо – фрукты, а сосиски любит Келпи.

- Ты шутишь? Лошади не едят мясо!

- А Келпи ест. Пойдешь со мной и сама увидишь. Ты тоже захвати что-нибудь для нее.

Аннушка послушно поставила на свой поднос еще одну тарелку и положила на нее несколько ломтиков ветчины, хотя подозревала, что Дара ее просто разыгрывает. Может, после вчерашнего ужина она хочет держать в Норке побольше серьезной еды?

- Бери какао! - кивнула Дара на поднос, уставленный перевернутыми кружками.

Аннушка взяла кружку, перевернула - и обнаружила в ней горячее какао.

- Как это? - удивилась она.

- Как-как! - передразнила ее Дара. - Маленькое хозяйственное заклинание, чтобы какао не остывало.

Они еще взяли по стакану сока, и Дара повела Аннушку к пустому столику перед одним из каминов. Ну и странные же каминные залы в этом Каминном зале! Аннушка заглянула в узкое жерло и чуть не выронила поднос: в глубине камина, объятая языками огня, стояла привязанная к столбу женщина. Над топкой, освещаемая мятущимися языками пламени, горела надпись медными буквами «Брайди О Тул».

- Ведьма Брайди О'Тул из Айги! - весело сказала Дара, переставляя завтрак с подноса на столик. - Не бойся, Юлианна, она не живая. Это статуя ведьмы, которую быддики сожгли на костре.

- За что ее сожгли?

- Да ни за что, просто из тупой зависти. Она держала кондитерскую и помогала горожанкам избавляться от надоевших мужей.

- Как она им помогла?

- Она пекла для них пирожки с отравой. Эти дуры сначала поизбавлялись от своих мужей, а потом вдруг раскаялись, признались сами и Брайди, бедняжку, заложили. Про нее есть лимерик:

Ведьма Брайди О'Тул из Айги дам учила, как печь пироги.

Но в костер залетела и слегка подгорела кулинарка О'Тул из Айги.

Аннушка поежилась, косясь на камин.

- Это тоже ты сочинила?

- Угу, еще на первом курсе; говорят, я лучше всех в Келпи сочиняю лимерики. А вон в том камине горит Анжела Лабарт из Франции, дальше - Анна Шлуттенбауэр из Германии, за ними горит леди Кер из Шотландии, а вон там полыхает горбатая старушка Элизабет Пленахерин из Австрии, - и добавила почему-то с гордостью: - ей было семьдесят лет, когда ее возвели на костер!

- Ужас какой! - Аннушка отвернулась от страшных каминов и принялась оглядывать зал. - Как-то странно сидеть за столом и есть, когда вокруг тебя горят люди, хоть и не настоящие.

- Предрассудки! - фыркнула Дара. - У вас дома что, новости по телевизору за ужином не смотрят?

- За ужином? - Аннушка хотела сказать, что бабушка предпочитает новости узнавать из газет, а телевизор они включают изредка, чтобы смотреть специальные передачи - православные, про путешествия и животных, изредка какой-нибудь хороший фильм. Но тут она вспомнила, что представляет в Келпи не Аннушку из Пскова, а Юльку с Крестовского острова, и

поправилась:

- Да, у нас включают телевизор в столовой сразу перед тем как сесть за стол.
- И что, у вас в России не показывают в новостях трупы, раненых, кровь и всякое такое?
- Показывают, конечно.
- А когда ты смотришь, как выносят, например, носилки с убитыми и ранеными после теракта, у тебя что, аппетит портится?
- Я такое стараюсь не смотреть. Но я понимаю, о чем ты, Дара. Да, и у нас люди спокойно жуют, глядя на горящие машины, взрывы, на раненых и на трупы.
- Вот-вот. А это, между прочим, документальные кадры – там-то настоящие трупы, а не статуи, как вот эта – она кивнула на ровным пламенем горевшую Брайди О'Тул.
- Да, ты права, Дара. Получается жуткая вещь: телезрители ужинают, глядя на только что убитых и раненых. Но если бы они так делали в жизни, их бы назвали жуткими злодеями! Я тут чего-то не понимаю...
- Чего ты опять не понимаешь?
- Если убийство людей пропущено через экран, так что же, оно как бы и за убийство уже не считается? Можно глядеть на труп и чесать пятку, гладить кошку или жевать пирожок...
- Тебе на уроке людоведства миссис Балор объяснит, почему новости показывают именно в то время, когда люди обычно ужинают.
- Потому, что зрители в это время дома?
- Не-ет! Это для того, чтобы люди вместе с едой легче переваривали всякие злодеяния и непотребства. Между прочим, там, на телевидении, полно наших работает. А ты ешь давай! Чего ты глаза на меня таращишь?

Аннушка опустила глаза в тарелку и начала есть кукурузные хлопья, а Дара принялась за сосиски. Только они занялись едой, как по залу пронесся шум. Аннушка оглянулась на дверь и увидела, как в зал величаво вплыла девочка удивительной красоты. У нее были огромные черносливые глаза и смуглое личико с капризно изогнутыми пухлыми губами. Золотистое платье плотно облегалo ее стройную фигурку, а с одного плеча падало легкими складками расшитое золотыми нитями и жемчужинками зеленое покрывало – индийское сари.

- Прибыла наша индийская принцесса, – фыркнула Дара. – Красотка, ничего не скажешь, но тупица редкостная. Хотя и не без магических способностей, – и она громко объявила на весь зал:

Появляется Лала из Дели:

как принцессу ее разодели.

Но в учебном процессе не помогут принцессе жемчуга и наряды из Дели.

Девчонки за столами громко и оскорбительно захохотали. Но горделивая Лала даже не повернула свою гладко причесанную головку, будто не слышала ни глумливого лимерика

Дары, ни издевательского смеха келпинок. С невозмутимым видом она принялась накладывать на свой поднос пирожные с кремом и взбитыми сливками. Набрав их не меньше дюжины, она пошла от стола и, проходя мимо столика Дары и Аннушки, вдруг наступила на подол своего длинного сари, чуть не упала, неловко взмахнула рукой с подносом – и все пирожные полетели прямо в лицо Дары! Но Дара словно того и ждала; она отразила летящую в нее эскадрилью пирожных своим подносом – и вмиг лицо и наряд гордой индийской красавицы оказались сплошь заляпанными кремом нежнейших цветов. Принцесса опустилась на пол и громко заревела, стирая с личика крем краем сари. Девчонки в зале покатывались со смеху. Аннушка закусила губу от жалости и возмущения. Принцесса вскочила, отшвырнула загремевший поднос и убежала.

Из какого-то угла словно мыши выскочили боуги и принялись убирать остатки пирожных и вытирать заляпанный паркет.

- Вот так-то, – сказала Дара. – Пускай завтракает одна в своем Тадж-Махале.

- Она обиделась...

- Конечно!

- Это ты потому, что она так вырядилась?

- Да нет! Это нормальный наряд для Лалы, она ведь и в самом деле индийская принцесса.

- Ее не любят в школе?

- Здесь никто никого не любит, сколько раз тебе повторять? Все мы тут соперницы и конкурентки. Любовь – это для быдликов. Запомни: кто любит людей, тот не правит людьми.

Аннушка подумала, что сид Келпи – место суровое и не слишком приятное...

После завтрака они с Дарой вернулись в Норку.

Боуги-покемоны успели за это время застелить кровати, вычистить ящик Бильбо, прибрать комнату и уйти, унеся с собой весь мусор и грязную посуду.

Девочки накормили Бильбо фруктами. Потом Дара посадила его в корзинку, вручила Аннушке тарелки с угощением для Келпи, и они отправились кормить лошадку.

Через пустую гостиную девочки прошли в лифт. Только теперь Аннушка обратила внимание на то, что в лифте были две доски с кнопками – красная и черная. Дара показала на черную:

- Вот смотри, тут обозначены учебный и спальный этажи, библиотека, спортивный зал, бассейн и сад. Ты можешь нажать любую кнопку и ехать куда захочешь – никто не остановит. А вот эта доска особая, – она показала на красную доску. – Чтобы ею пользоваться, нужно знать специальный разрешительный код. Такой есть не у всех келпинок, а только у тех, кто уже допущен к занятиям на курсе БП.

- Что такое БП?

- Большой План. И больше не спрашивай, потому что все равно тебе никто ничего не скажет, пока ты сама не дорастешь до курса БП. Сначала ты должна пройти полный курс людоведения, а потом уже начнешь изучать Большой План. И где увидишь буквы БП, туда не суйся, а то

угодишь под какое-нибудь страшное запретительное заклятье. БП - это главная тайна сйда Келпи. Вообще, в сиде есть много мест, куда новичкам хода нет. На балкон, например, ты можешь выходить только со мной.

- Почему?

- Потому что я умею пользоваться туманным заклинанием. Вот мы с тобой выйдем на балкон, но если кто-то из окрестных жителей случайно пройдет мимо нашего сйда, он увидит только маленькое облачко на склоне холма.

- А для чего такая маскировка, Дара?

- Быдлики не должны знать, что сид обитаем.

Дара нажала одну из кнопок на красной доске. Внутри кнопки зажегся свет, а сверху из потолка раздался голос, что-то спросивший на непонятном языке. Дара ответила, и кабина лифта двинулась с места.

- Ты на каком языке сейчас говорила? - спросила Аннушка

- На гэльском. Это древний ирландский язык. Тебе придется его учить, потому что все наши заклинания составлены на гэльском.

Кабина остановилась. Девочки вышли из лифта и оказались в узком коридоре, кончавшемся стеклянной дверью. Дара потащила Аннушку за руку к двери, повернула ручку, и они вышли на маленький узкий балкончик с высоким каменным парапетом.

- Какой отсюда вид! - воскликнула Аннушка в восторге. Прямо под балконом зеленый скат холма спускался к берегу голубого озера, сверкавшего солнечными бликами. Из озера вытекала река, по берегам заросшая зелеными, уже начавшими желтеть, кустами.

- Ничего видок, - согласилась Дара и стала что-то бормотать, поводя руками над парапетом. Аннушка заметила, что воздух вокруг балкона стал волнистым, как это бывает над костром. - Теперь для посторонних мы невидимы. - Потом она громко закричала: - Келпи! Келпи! Сюда!

Аннушка не заметила, откуда появилась лошадка, но она неслась косящим бегом по склону прямо к их балкону. Остановившись под ним, она кокетливо выгнула шею и склонила головку.

- Привет, Келпи! - Дара за уши вытащила Бильбо из корзинки и посадила его на парапет. Кролик мелко дрожал, видно, боялся высоты. - Келпи, погляди-ка сюда! Бильбо принес тебе угощение! - И Дара стала кидать вниз сосиски. Келпи ловко хватала их по одной на лету белыми зубами и глотала, не жуя. - Теперь ты позови ее, чтобы она знала твой голос тоже.

- Келпи, лошадка, лови! - крикнула Аннушка и бросила вниз кусок ветчины.

Келпи поймала его, проглотила и благодарно заржала звонким голосом.

- Ну вот, теперь она будет знать тебя по голосу. Только ты все равно никогда близко к ней не подходи.

- Почему?

- Это очень опасно. Ты же видишь, Келпи у нас плотоядная.

- То есть?
- Она питается мясом.
- Послушай, Дара, - Аннушка поставила на парапет тарелку с оставшейся ветчиной, - вчера мисс Морген привезла в клетке кроликов и выпустила их на волю, а Келпи поскакала за ними. Я думала, это такая игра. Она гналась за ними, чтобы их поймать и сожрать, да?
- Конечно. Кролики были каштановые, как мой Бильбо?
- Да.
- Любимая порода Келпи. Я для того и тренирую Бильбо, чтобы он, если вдруг окажется на воле, смог от Келпи убежать.
- Знаешь, мне больше не хочется кормить эту плотоядную лошадь. Если хочешь, можешь отдать ей остальную ветчину.
- Сантименты, - фыркнула Дара и стала бросать вниз ломтики ветчины. - Вообще-то я кормлю ее не просто так. Но это мой большой секрет.
- Подумаешь, секрет! Ты это делаешь для того, чтобы она твоего Бильбо не трогала.
- Может, и так, - и Дара снова усадила Бильбо в корзинку.
- Дара, а много в Ирландии таких сидов, как Келпи?
- Сидов хватает, но не во всех живут фэйри, а школ колдовства вообще пока очень мало. А у вас в России есть школы для колдунов и ведьм?
- Всяких взрослых курсов, я слышала, хватает. А для девочек и мальчиков вроде пока нет.
- А колдуны и ведьмы есть?
- Говорят, есть.
- Но если никто не воспитывает и не учит маленьких ведьмочек, то откуда у вас большие ведьмы берутся?
- Сами вырастают, наверно.
- Да, такое возможно, - кивнула Дара. - Ведьмы-самородки. Я слышала, что русские очень талантливый народ. Всё, Келпи, всё! До завтра! - Она помахала Келпи рукой и повернулась к Аннушке: - Ну, а теперь мы можем идти купаться!

Тарелки из-под сосисок и колбасы оставили на балконе - боуги уберут! - и отнесли Бильбо в комнату. Там Дара пустила его гонять персики по комнате, Аннушка взяла полотенце и купальник, и они на лифте отправились вниз, к озеру-бассейну.

Озеро было окружено нешироким песчаным пляжем. Вода в нем была чистая и прозрачная, на дне были ясно видны разноцветные раковины и пестрые камешки. Кое-где пляж прерывался небольшими заливчиками, заросшими тростником; Дара показала Аннушке папирус и сахарный тростник. Еще один небольшой залив был сплошь покрыт листьями и цветами лилий, а в центре его над водой покачивались сказочно прекрасные розовые цветы лотоса.

На пляже и в воде было уже полно келпинок. Посреди озера возвышался каменный островок в виде кита, из головы которого в высоту бил мощный фонтан; резвящиеся ученицы доплывали до кита, карабкались на его горбатую спину со стороны хвоста, сидели под фонтаном, а потом скатывались по крутым гладким бокам и плюхались в воду.

Возле противоположного берега в озере торчала скала, а из нее выходили две трубы, оканчивающиеся медными драконьими головами: из разинутых пастей в озеро двумя мощными струями лилась вода, причем над головой одного дракона стояло облако пара. Дара объяснила, что по этим труба вода в бассейн поступает из наружного озера, но только одна труба идет прямо в бассейн, а вторая проходит через логово огнедышащего дракона Диамата и там нагревается до нужной температуры.

- Поэтому у нас тут круглый год теплая вода! - похвасталась Дара.

В озере плавали не только девчонки келпинки, но еще и маленькие русалочки, похожие на кукол с рыбьими хвостами: у них были круглые голубые глаза и перламутровая чешуя на хвосте, а все остальное тело было зеленое. Говорить они не умели, только пищали и таращили глаза, но с ними можно было играть в воде. Как только какая-нибудь из девчонок входила в озеро, русалочки бросались к ней целой стайкой и старались утащить под воду. Келпинки визжали, отбивались и, ухватив русалочек за хвосты, выбрасывали их на песок. Оказавшись на берегу, те становились беспомощными и ползком, извиваясь длинными хвостами по песку, спешили к воде. Весь пляж был испещрен канавками, оставленными русалочками.

Аннушка русалок остерегалась и потому не заходила на большую глубину, а плескалась у берега.

- Ты что, плавать не умеешь? - спросила ее Дара, успевшая уже переплыть озеро и вернуться обратно, ловко ускользая от озорных русалок.

- Конечно, умею! Просто я русалок боюсь.

- Нашла кого бояться! Если они всерьез попытаются кого-нибудь из девчонок утопить, их тут же бросят на корм Келпи, и они это хорошо знают. Не бойся, они только играют!

- Но они такие скользкие и холодные, бр-р!

- А ты подплыви к горячей трубе - возле нее они теплые. Если какая-нибудь станет тебя всерьез доставать, схвати ее, раскрути за хвост и брось прямо в трубу - она тут же и сварится!

- Совсем сварится?

- Ну да! Они довольно нежные создания. И ужасно глупые. Все русалки любят по ночам выплывать по холодной трубе в наружное озеро, а когда возвращаются, обязательно несколько штук заплывают в трубу, которая идет через котельную, и в ней свариваются насмерть.

- Ой, бедняжки!

- Угу, жуткие дуры. Хорошо еще, что они такие плодовитые, а то бы их в сиде давно не осталось.

- А как они плодятся?

- Икру мечут.

- Понятно... Сколько у вас тут стрекоз!

Над озером носились стайки крупных пестрых насекомых с полупрозрачными сверкающими крылышками разных цветов.

- Разуй глаза! - фыркнула Дара. - Это не стрекозы, это феи!

- Феи? Настоящие?!

- Ну да, самые настоящие феи, только мелкие, выродившиеся. С ними произошло то же, что с боугами.

- Какие они красивые...

- Сейчас я словлю для тебя пару феечек, и ты увидишь вблизи, какие они красотки.

- Ой, не надо, пусть себе летают!

- Брось, их поймать совсем нетрудно! Тебе же хочется их разглядеть как следует?

Не дожидаясь ответа, Дара схватила полотенце и побежала по песчаному берегу к зарослям папируса, над которыми роилась веселая стайка феечек. Она ринулась прямо в стаю, размахивая полотенцем, и Аннушка ахнула, увидев, как несколько прелестных летающих существ, сбитые полотенцем, упали на песок. Дара наклонилась и собрала их в полотенце.

- Вот, теперь ты сможешь разглядеть их как следует. Эти сразу не улетят - у них крылья помялись.

- Зачем же ты так? Ведь жалко...

Но когда Дара положила перед Аннушкой полотенце и развернула его, всю ее жалость как рукой сняло.

Феечки и вправду были похожи на крошечных крылатых Шеншин с пышными прическами. Вот только вблизи эти голенькие женщины-крошки оказались все как одна жирные, с волосатыми кривыми ногами и злобными усатыми мордочками; их черные глаза сверкали гневом, а пышные прически при ближайшем рассмотрении оказались похожи на клочья свалявшейся пакли. И в отличие от русалочек, пахнувших рыбой, но вполне чистых, феечки были ужасно грязные, и пахло от них почему-то лесными клопами. Они барахтались на полотенце, салились, расправляли свои помятые крылья и одна за другой подпрыгивали и взлетали. Одна феечка никак не могла вытащить из-под себя помятое крыло.

Аннушка хотела ей помочь, но Дара ее остановила.

- Не вздумай до нее дотрагиваться! Она может укусить, и ранка обязательно загноится - они же никогда зубы не чистят!- Они что, тоже плотоядные?

- Насекомоядные.

Как бы подтверждая Дарины слова, феечка зашипела и оскалила на Аннушку крохотные, как у летучей мыши, иглообразные коричневатые зубки.

Дара потрясла край полотенца: феечка перевернулась, выправила помятое крыло, что-то угрожающе прошипела и полетела догонять свою стаю.

- А пошли поиграем с русалками? - предложила Дара.

Но Аннушке не хотелось ни играть с русалками, ни любоваться феечками. Она улеглась на песке, чтобы позагорать. Одна, без Дары - и зря.

Она бездумно полеживала на бережку, греясь на теплом подземном солнышке, следила за играющими в воде русалками и келпинками, за порхающими над водой феечками - издали они снова казались прелестными и невинными созданиями. Вдруг что-то холодное поползло у нее по ногам. Она решила, что это одна из выброшенных на берег русалок, взбрыкнула ногами и обернулась. Ужас! Через ее ноги переползала огромная белая змея! Даже не змея, а что-то вроде гигантской глисты. Аннушка выдернула из-под нее ноги и завопила:

- Дара! Дара, где ты? На меня змея напала!

И услышала в ответ смех и визг девчонок. Она отскочила к воде, оглянулась и все поняла: страшную глисту тянула на веревочке улыбающаяся во весь рот здоровенная девица с белыми волосами, а еще три девчонки шли сзади и смеялись над ней, Аннушкой.

Подбежала Дара.

- Ты чего вопишь? Что случилось?

- Они протащили у меня по ногам вон ту белую глисту!

- А, вирм! Чего ты струсила? Вирмы совсем не опасные.

- Что это такое, Дара?

- Да просто пещерный червь, только очень древний.

- Мерзость какая!

- И вовсе нет! Вирмы очень полезные, они всякую дохлятину в сиде подбирают, очищают наши мусорные баки, канализацию и ров с ламиями. Если бы не они, мы бы тут в собственном дерьме утонули. А чего эта Карин к тебе прицепилась?

- Кто?

- Ну, эта белобрысая дылда, Карин Свенсон из Швеции.

- Не знаю...

- Противная девчонка и бесталанная. Ее из Блакуллы за неуспеваемость выгнали, а добренькая леди Бадб ее подобрала на наше горе.

- Что за Блакулла такая?

- Шведская школа ведьм.

- Понятно... А почему леди Бадб берет учениц, которых выгнали из других школ? Из-за денег?

- Нет, тут высшая политика: это делается в интересах Большого Плана.

Опять этот таинственный Большой План, да ну его! Аннушка снова вошла в воду и хорошенько

вымыла ноги, оттирая их песком. Но когда они с Дарой уходили с пляжа, вслед ей кто-то крикнул:

- От этой новенькой русской так воняет вирмом, как будто она всю ночь школьные туалеты мыла!

Это было ужасно несправедливо, потому что, оглянувшись, Аннушка поняла, что сказала это та самая Карин Свенсон, которая протащила вирма у нее по ногам. Услышала ее слова и Дара.

- А ну-ка быстро беги к лифту! - шепнула она Аннушке, а сама подбоченилась, повернулась к обидчице и закричала:

- Эй ты, Карин Свенсон! От тебя самой воняет вирмом, потому что вирмы тебя водят гулять на поводке!

Келпинки, всего лишь минуту назад смеявшиеся над Аннушкой, теперь захохотали над Карин Свенсон. Та отшвырнула от себя веревку, на которой она тащила вирма, подобрала под ногами камень и со всей силы запустила им в Дару. Но Дара была начеку: от камня она увернулась, бросилась к вредной шведке, подпрыгнула с разбега и ударила ее обеими ногами в живот. Удар одетых в мохнатые сапоги ног был, видимо, силен, потому что Карин сложилась вдвое и рухнула на песок. Аннушка все это видела, стоя уже у дверей лифта. Дара уселась на Карин верхом и быстро-быстро нанесла несколько сильных шлепков по ее торчащей кверху толстой попе, потом вскочила и бросилась догонять Аннушку. За нею с воплями бросились сама Карин и целая стая келпинок, но Аннушка с Дарой успели вскочить в лифт и нажать кнопку. Разъяренная Карин обогнала всех и сунулась было за ними в уже закрывающиеся двери, но Дара ударом ладони в лицо выпихнула ее обратно. Аннушка успела заметить, как из носа шведки хлынули две струйки крови, - и двери лифта сомкнулись. Аннушку трясло: она еще ни разу за всю свою жизнь не видела, чтобы между собой дрались девочки, да еще с таким ожесточением!

- Славно провели утречко! - сказала Дара, вытирая руки о голый живот. - А теперь я покажу тебе нашу библиотеку.

Библиотека оказалась на том же этаже, что и учебные классы. Сразу за дверью было что-то вроде прихожей, разгороженной на две части барьером, а за ним дремал в кресле библиотекарь. Аннушка узнала в нем старика, завтракавшего за учительским столом. Сейчас капюшон его зеленого балахона был откинут, кудрявые седые волосы и борода были целиком на виду, и казалось, будто старик накинул на голову и плечи баранью шкуру мехом наружу.

Дара представила ему Аннушку.

- Новенькая мышка-малышка? Откуда?

- Из России.

- Не слышал...

Аннушка обомлела. Но старик тут же поправился:

- Э-э, не обижайся, мышка, я вспомнил, вспомнил! Это страна на востоке, которую викинги называют Гардарика. Значит, теперь уже и оттуда доплывают корабли до Эрин? Мир становится все более тесным. Любопытно, любопытно... Проходите, мышки, выбирайте книжки! - И старик снова опустил седую голову на грудь и задремал.

- Это профессор Финегас, - шепнула Дара. - Ты на него не обижайся, его мало интересует современность. Зато о магии прошлых веков он знает всё - классный препод!

- А сам он кто?

- Финегас-то? А просто зажившийся друид
! Бери тележку и пошли!

В углу рядком стояли небольшие деревянные тележки наподобие садовых. Они взяли одну и отправились в библиотечные залы за книгами.

Залы шли один за другим и были заставлены высокими темными шкапами, доверху забитыми книгами. Посередине каждого зала стоял длинный стол с лампами под зелеными колпаками в два ряда, кое-где за столами, углубившись в чтение, сидели воспитанницы.

- Зубрилы! - громко и презрительно сказала Дара. - Настоящим талантам это ни к чему.

Походя она поддала ногой по стулу, на котором сидела одна из «зубрил». Та подняла белокурую, всю в пушистых локонах головку и задумчиво уставилась на Дару большими голубыми глазами. Тотчас волосы на голове Дары поднялись, разошлись на тонкие пряди и начали сами собой завязываться в узлы и заплетаться в тонкие косички.

- Но-но! - закричала Дара, хватаясь за голову. - Прекрати это сейчас же, Джулия Борджиа!

- А ты не лезь! - ответила та, но глаза опустила. Однако волосы Дары так и остались торчать во все стороны. Дара ощупала голову, ухмыльнулась и крикнула.

- Спасибо, Борджиа: я давно мечтала о такой прическе!

- Носи на здоровье, - кивнула Джулия Борджиа. А когда Аннушка с Дарой уже были в дверях следующего зала, крикнула вдогонку: - Ты только вошек не забудь вывести, Дара О'Тара!

Дара тотчас развернулась и бросилась к обидчице. Но она не стала ее бить и даже не вцепилась ей в локоны: она сунула ее головой в развернутую книгу и затрясла над нею своими рыжими патлами. Совершенно обалдевшая Аннушка увидела, как с головы Дары на волосы Джульетты и на развернутую книгу градом посыпались крупные жирные насекомые.

- Сдаюсь, О'Тара! - завопила Джулия. - Я сейчас их уберу!

- Убирай, - легко согласилась Дара. - Но прическу оставь.

- О'кей, о'кей, только не тряси больше - они меня щекочат!

Она закрыла глаза и начала что-то бормотать. Тотчас в обеих так внезапно завшивевших головках что-то затрещало, защелкало - это лопались населявшие их насекомые. Через минуту треск прекратился, и только на плечах девочек да на ковре возле них валялись мелкие белые хлопья, похожие на перхоть. Сейчас же из-за шкафа вышли два боуга с маленьким, размером с термос пылесосом и принялись чистить ковер.

- Отличная девчонка эта Борджиа, - сказала Дара, когда они шли по следующему залу. - Порода сказывается!

- Порода?

- Ну да. Семь веков злодейств и магии - это тебе не раз чихнуть! Конечно, ее род не такой знатный, как мой, но тоже ничего...

- А какой у тебя род?

- Я королевского рода, - с нарочитой скромностью произнесла Дара. - Об этом свидетельствует мое имя: Тара - так называлась древняя столица верховных королей Ирландии.

- Не может быть! - только и сказала Аннушка.

- Впрочем, мы побочная ветвь, - тут же добавила Дара небрежно. - Сейчас я возьму книги для себя, а потом мы отправимся за учебниками.

Она двинулась в боковой проход между шкафами, над которым на черной доске были начертаны золотом две крупные буквы - Б и П. «Большой План», - догадалась Аннушка и двинулась было за Дарой, но та ее остановила.

- Тебе сюда нельзя. Погуляй пока по залам, посмотри библиотеку.

- Ладно. А ко мне никто из девочек не станет приставать?

- Ты скажи, что пожалуешься Даре.

- Ладно, скажу, - ответила Аннушка, подумав, что лучше просто постарается ни с кем из келпинок не связываться.

- Я тебя потом разыщу! - крикнула Дара, обернувшись, и скрылась в проходе.

Аннушка осталась одна. Вперед она идти остереглась, вернулась немного назад и стала разглядывать корешки книг за дверцами шкафов. Она скользила глазами по названиям книг: «Агриппа. Оккультная философия», «Гермес Трисмегист. Мемуары», «Лунные карты», «Карты Таро», «Большая книга Тота», «Колесо Сан-сары», «Ледбитер. Ясновидение», «Папиус. Магия», «Каббала», «Человек и его тела», «Прошлые жизни и здоровье», «Танец жизни и живота», «Теория и практика сотворения миров», «Безупречность и stalking», «Зудящие кудры», «Магия ногтей». Попался шкаф, где стояли книги с более-менее понятными названиями: «Домашняя магия», «Колдовство и огородничество», «Магия любви», «Кулинарная магия». Она вспомнила, что подобные книги продавали на уличных книжных прилавках в Петербурге: «Как улучшить фигуру с помощью магии», «Любовная магия, или сто самых сильных приворотов и отворотов». Когда Аннушка впервые их увидела прямо на улице, она очень удивилась, но Юлька сказала, что у них в лицее девочки такие книжки приносят на уроки и обмениваются ими.

Она увидела ярко освещенный боковой проход и заглянула туда: посередине небольшого круглого зала на высоком каменном постаменте лежала огромная книга в кованом железном переплете. Она была прикована к постаменту цепью с висячим замком. Аннушка вошла в зал и осторожно приблизилась к удивительной книге. Она с трудом прочла выдавленное на верхней крышке название - «Некрономикон». Что-то таинственное и зловещее было в этой посаженной на цепь книге, и Аннушка решила поскорей покинуть зал.

Она шла вдоль шкафов, читая надписи - те, которые были написаны по-английски, и вдруг в шкафу с надписью «Целительство» Аннушке бросилась в глаза крупная надпись на корешке - «Исцеление рака». Она подошла и стала внимательно читать другие надписи на корешках: «Целительные силы», «Магическое искусство врачевания», «Колдовство и здоровье»,

«Колдовство против рака», «Знахарские рецепты», «Шаманские рецепты», «Йога и здоровье», «Учебник целителя». Аннушка подергала бронзовую ручку на дверце, но шкаф был заперт. Она не заметила, как к ней подошла Дара, катя перед собой тележку, наполовину заполненную книгами.

- Я готова. Теперь пойдём за твоими учебниками.

- Дара, а почему в этом шкафу стоят книги по медицине? Ее что, тоже изучают в Келпи?

- Конечно, иначе зачем бы держать тут весь этот хлам? Но это магическая медицина, и тебя это не касается: ты, надеюсь, не собираешься изучать целительство?

- А можно?

- Фу, скука какая - быдлик лечить! Тебе еще никто не объяснил, какая у нас учебная программа?

- Нет.

- Тогда слушай. Есть предметы общеобразовательные, которые в ходу даже у быдлик: английский язык и литература, история, математика, физика, химия, биология. Хочешь не хочешь, а проходить их надо. В Келпи они называются «внешними дисциплинами», и все училки по этим предметам из быдла, мы их так и зовем - «училки-быдлилки». Сама понимаешь, на их уроках мы особо не напрягаемся. Они здесь только для того, чтобы нам могли выдать сверх магических дипломов еще и обычные свидетельства об окончании школы. В общем, внешние предметы можно и не учить, училки-быдлилки все равно выставят хорошие оценки, иначе их самих выставят из сйда. Зато магические предметы надо изучать как следует, иначе выставят тебя.

- Какие же это предметы? - спросила Аннушка.

- На твоём первом курсе это теоретическая и практическая магия, история магии, людоведение, гэльский язык и криптозоология. Потом к ним прибавятся психоуправление и другие предметы, необходимые для будущих ведьм. А есть еще факультативные предметы: шаманство, друидизм, дарвинизм, вудуизм, атеизм, прорицательство и целительство. За время обучения рекомендуется по очереди ознакомиться со всеми факультативными предметами, чтобы потом легче можно было выбрать курс специализации - последний курс в Келпи.

- Я уже выбрала, - быстро сказала Аннушка. - Я хочу изучать целительство.

- И очень глупо. Но если ты такая дура, можешь хоть завтра записаться к мисс Морген на курс целительства.

- Да, обязательно запишусь.

- Учти, она на свой курс допускает только двух-трех первокурсниц и отбирает очень строго.

- Я ей скажу, что мне нравится именно целительство.

- Ладно, записывайся, - разрешила Дара.

В другом зале они взяли учебники для Аннушки и отвезли в Норку полную тележку книг. Потом они обедали в Каминном зале, где было занято уже больше половины столиков -

келпинки съезжались в сид после каникул. Теперь Аннушка никого не боялась, она знала, что Дара защитит ее от любой обидчицы. Правда, ей совсем не хотелось, чтобы новая подружка из-за нее опять кому-нибудь разбила нос, и поэтому она старалась ни на кого даже не смотреть, чтобы не привлекать внимания раздражительных келпинок.

После обеда вернулись в Норку и раскладывали учебники, а потом прогуливали в саду Бильбо и кормили его розовыми и жасминовыми лепестками. Дара совершенно серьезно утверждала, что от этих «пищевых добавок» его помет превратится в ароматные шарики, и потом их можно будет обменивать у прочих келпинок на разные другие полезные вещи.

- Я их высушу и назову «Ароматические шарики Бильбо». Стану их предлагать дурам со старших курсов как экзотическую редкость. Тогда за Бильбо совсем не надо будет убирать!

Аннушка не поняла, почему это беспокоит Дару, ведь убирала за кроликом боуги! Она посмеивалась над экспериментами Дары, но прилежно помогала ей собирать лепестки роз и жасмина. Настроение у Аннушки поднялось. Теперь она решила, что это была большая удача – попасть в Келпи: она станет изучать целительство и будет лечить бабушку магическими средствами. Согласится ли бабушка на подобное лечение, об этом она не задумывалась.

А вот Ангел Иоанн совсем загрустил. Несколько раз он облетел невидимый, но прочный купол над сидом Келпи, беспредельно раздражая этим демона Комм Круаха, притворявшегося мертвым деревом на вершине холма. Он попытался заглянуть внутрь сила через прозрачную пирамиду, но ничего не увидел, кроме зловеще клубящейся тьмы. Но, даже не видя Аннушку, он чувствовал, что она не молится и не помнит о нем, своем Ангеле Хранителе. «Околдовали девочку!» – сокрушался Ангел. Потом он снова уселся на соседнем холме и приготовился ждать. Не будут же держать Аннушку взаперти, выйдет она когда-нибудь из холма – уж тогда он к ней пробьется и попробует ее спасти.

Уже далеко за полдень случилось хоть что-то хорошее. На дороге к сиду появилась вереница необычайно длинных белых автомобилей, и над ними летела целая стая Ангелов! Иоанн встал и приветственно замахал руками и крыльями.

Но не один он заметил приближающиеся небесные силы. Кромм Круах поднял к небу корявые руки и закричал громовым голосом:

- Прочь! Прочь отсюда, светлые! Здесь наша крепость, наша территория, вон отсюда!

Раскрылись потайные ворота, автомобили въехали в подземный гараж, а прилетевшие Ангелы покружились над сидом, потолкались в невидимую заградительную стену и затем, естественно, полетели на холм к Иоанну.

- Благослови, брат!

- Благословите и вы, братие! Откуда вы?

- Из королевства Нафтания. Это маленькая арабская страна.

- Христианская страна?

- Нафтанская церковь – одна из древнейших Православных Церквей в мире. А ты здешний?

- Нет, я из России.

- О-о! Каким же ветром тебя занесло так далеко, брат?

- Недобрым ветром. Злая мачеха хотела отправить в Келпи учиться глупенькую падчерицу, а вместо нее сюда приехала ее умная и благочестивая сестра. - И Ангел Иоанн обстоятельно изложил нафтанским Ангелам повесть о сестрах-близнецах.

В свою очередь нафтанцы поведали ему свою, не менее грустную историю: престарелый король Нафтании, чуя приближение смерти, отослал свою любимую дочь, принцессу Ясмин, учиться за границу, чтобы уберечь ее от лишнего горя. Один из его приближенных оказался тайным колдуном из Магриба: коварный магрибинец и внушил старенькому королю выбрать самую дорогую закрытую школу в Европе - школу Келпи.

- А почему вас так много?

- Мы - Ангелы свиты и вместе со свитой вернемся в Нафтанию. Здесь останется только Ангел принцессы Ясменник и два Ангела Хранителя служанок Ясмин.

- Четверо Ангелов - это уже сила, - сказал довольный Иоанн, - а то я уже два дня тут один как перст.

- Не задевают тебя бесы?

- Пока нет. Но глаз с меня не спускают. - И Ангел Иоанн рассказал им все, что ему удалось понять, наблюдая за сидом Келпи.

Вечером подъехали остальные ученицы, и в Каминном зале состоялся торжественный ужин в честь начала нового учебного года. Учительский стол и все столики в зале были заняты, стол с закусками и едой ломился от праздничных блюд, играла музыка, а на столиках горели черные свечи. Леди Бадб восседала в центре учительского стола, очень красивая в вечернем платье вишневого шелка. На Даре было короткое зеленое платье, все в золотых блесках, как в чешуе; Аннушка надела свое голубое пикейное платьице, а на ногах у обеих были все те же мохнатые сапожки. На хоббичьей обуви настояла Дара, заявив, что они должны всегда придерживаться своего собственного стиля. Зато свою прическу она менять не стала - так и пошла на торжество с уймой торчащих во все стороны рыжих косиц.

Когда все угостились вволю, леди Бадб встала, взяла в руку стоявший возле ее прибора медный колокольчик и позвонила. В зале наступила торжественная тишина.

- Дорогие наши келпинки, я приветствую вас в Келпи и поздравляю с началом нового учебного года. Я поздравляю всех наших преподавателей: мою главную помощницу, школьного врача и преподавательницу факультативного курса целительства доктора Сирону Морген...

Мисс Морген встала, скромно улыбнулась и слегка поклонилась.

- Я поздравляю и приветствую доктора магических наук, профессора Морриган.

Резко поднялась высокая горбоносая женщина в иссиня-черном шелковом платье, с гладкими и блестящими, явно крашеными черными волосами, стянутыми в узелок; она вытянула жилистую шею из лежавшего у нее на плечах боа из черных перьев и обвела зал блестящими ярко-желтыми глазами. Гордо кивнув залу, она снова села, втянула голову в перья и прикрыла пронзительные глаза сморщенными пергаментными веками. Аннушке почему-то сразу вспомнилась облезлая ворона, сидевшая на дубе у подножия холма Келпи - уж очень похожа на нее была эта старая профессорша.

- Поздравляю и приветствую преподавателя истории магии, нашего библиотекаря Финегаса. Историк и библиотекарь улыбнулся в усы и помахал келпинкам рукой.

- Преподавательницу практической магии мисс МакДональд...

Белокурая девушка в серебряном платье поднялась и ласково улыбнулась келпинкам.

- Преподавательницу гэльского языка и герметики Бекфолу Син...

Рыжеволосая красавица в струящемся зелено-голубом платье привстала и слегка наклонила голову.

- Преподавательницу криптозоологии мисс Туйренн...

А вот мисс Туйренн красавицей не была. Ну разве что на взгляд какого-нибудь собачника-кинолога: ее щеки складками свисали по бокам поджатого рта и короткого широкого носа, ну точь-в-точь как у бульдога. Она была в желтом шелковом балахоне с вышитым черным драконом на груди. Неуклюже поднявшись, она трижды быстро поклонилась - леди Бадб, учителям и келпинкам.

- Преподавательницу людоведения и противохристианской обороны миссис Этлин Балор...

С места поднялась и равнодушно оглядела зал, никому не поклонившись и не улыбнувшись, высокая женщина с неподвижным бледным лицом и длинными серебряными волосами. У нее были холодные глаза серо-голубого цвета и уши, по-звериному удлинненные и заостренные на концах.

Аннушка слушала, как леди Бадб громко называет преподавателей и предметы, и сокрушалась: наверно, она все-таки плохо понимала английский, потому что почти все перечисляемые науки были ей незнакомы. Ну что, например, может означать «противохристианская оборона»? Чушь какая-то... Наверно, ей это просто послышалось.

Леди Бадб называла преподавательниц одну за другой, пока не перечислила всех сидевших от нее по правую руку. Потом она повернулась к сидевшим слева.

- Ну и преподавателей внешних дисциплин поздравляю тоже, - леди Бадб небрежно кивнула им всем сразу. Те дружно встали и поклонились, но аплодисментов не дождались.

А леди Бадб продолжала:

- Я поздравляю и приветствую нашего дорогого дракона Диамата, сына Тиамат, согревающего и охраняющего нас.

Из всех каминов зала полыхнуло пламя и запахло горячей золой.

- Я поздравляю наших незаметных, но незаменимых маленьких помощников боугов!

При этих словах по залу пронесся шелест, и Аннушка почувствовала, как у нее по коленкам, над мохнатыми сапогами, прошел ледяной сквознячок, но на свет боуги не вышли.

- Я поздравляю и приветствую лепрехунов, бвбахов, клюйрехунов, киллмолиссов и всех прочих тружеников наших мастерских, погребов, и кухонь, а также наших дорогих садовников-гномов. Спасибо за верную службу, маленький народец!

Снизу донесся внезапно возникший, а затем так же сразу стихший гул, будто под полом зала прошел поезд метрополитена.

Голос леди Бадб вдруг поднялся и приобрел звучность трубы:

- Я особо поздравляю верных Хранителей сида - нашу любимицу Келпи и великого Кромм Круаха. Слава тебе, лошадка Келпи! Слава тебе, Наклонившийся с Холма, тебе и твоим фоморам!

В ответ откуда-то сверху прозвучал раскат грома, а следом раздалось отдаленное звонкое ржание.

- Я поздравляю и представляю всем наших новых учениц - «айриш» Алисон О'Брайен, Мэри О'Кейси, Кэтлин Монтегю и Милли Милн, Юлианну Мишину из России, Филиду Стэнли с острова Мэн и соперницу нашей Лалы Лакшминараяны, арабскую принцессу Ясмин, дочь короля Нафтании. Встань, Ясмин, покажись всем!

Из-за столика подняла высокая фигурка, закутанная в белое покрывало. Принцесса стояла, опустив голову, и никто не видел ее лица.

- Ясмин, покажи личико, - ласково приказала леди Бадб.

Девочка громко, так что все услышали, вздохнула и отвела покрывало от лица. Все ахнули - вот это была красавица! А когда принцесса подняла глаза, то по залу пронесся стон зависти: глаза были не просто красивы, а сказочно прекрасны - большие, миндалевидные и зеленые, а ресницы - будто крылья черной бабочки.

- Тут без магии не обошлось, у девчонок-быдличек такой красоты не бывает! - громко шепнул кто-то. - Сразу видно настоящую ведьму!

- Ты можешь сесть, Ясмин, - разрешила леди Бадб.

- А с кем она будет жить в одной комнате, леди Бадб? - спросил кто-то из старшекласниц.

- По просьбе короля Нафтании принцесса Ясмин будет жить в отдельных апартаментах со своими служанками.

- Ого! Не слабо! - пронесся по залу завистливый шепот.

- Надо будет этой красотке личико-то подправить, - негромко сказала сидевшая за соседним столиком Милли Милн.

Старшекурсницы поглядели на нее одобрительно: эта девочка уже освоилась в Келпи.

- Ишь какая злобная очаровашка! - похвалила ее Дара.

- Заткнулась бы ты, Милли Милн, - шикнула на Милли ее соседка Кэтлин Монтегю, - а то тебя от зависти уже всю перекосило.

- Тоже очаровательная злюка, - одобрила Дара и эту девочку. - Отличные у тебя сокурсницы подобралась, Юлианна!

Аннушка только вздохнула: ей-то с ними учиться!

Леди Бадб, между тем, продолжала речь:

- Милые мои девочки, вы не просто вошли внутрь волшебного сида Келпи, вы вошли в новую, увлекательную и удивительную жизнь, о которой мечтают почти все дети мира. Я надеюсь, что вы легко приживетесь в сиде, овладеете магическими познаниями, повысите свой духовный потенциал и внесете вклад в наше общее великое дело – исполнение Большого Плана. Старшие келпинки уже знают, а младшим еще только предстоит узнать, что это за великий План, которому суждено перевернуть мир. Скажу лишь, что сиду Келпи принадлежит в нем особая роль, а значит, наш сид участвует в изменении истории человечества. Слава Большому Плану!

- Слава, слава, слава! – трижды прокричали учителя и келпинки.

- А теперь мы можем отпустить наших преподавателей внешних дисциплин и немного повеселиться в узком кругу, – закончила свою речь леди Бадб.

Училки-быдлилки побросали салфетки, поднялись из-за стола и поспешно удалились из зала. Вслед им летели смешки и хлебные шарики.

Леди Бадб вышла на пустую середину зала и подняла руки.

- А теперь танцуем все! – И она громко хлопнула в ладоши.

Музыка, смолкшая на время произнесения торжественной речи, загромыкала с новой силой, келпинки сорвались со своих мест, схватились за руки и понеслись в бешеном хороводе. Преподавательницы тоже вошли в круг и закружились в танце вокруг раскачивающейся на месте леди Бадб. Куда-то незаметно исчез Финегас.

- Кончай жевать! Бежим скорей, Юлианна! – скомандовала Дара и побежала к танцующим. Но Аннушка осталась сидеть за столиком.

Камины начали ритмически полыхать, освещая зал разноцветными сполохами, музыка становилась все громче и быстрее, танцующие келпинки принялись визжать и завывать, тряся растрепанными головами. Аннушка с недоумением и страхом смотрела на внезапно взбесившихся учениц.

- Прости, ты не знаешь, как отсюда попасть на спальный этаж?

Она подняла голову: возле ее столика стояла принцесса Ясмин.

- Я хочу пойти к себе, но не знаю дороги.

- Пошли вместе, – сказала Аннушка, вставая, – кажется, я помню, как добраться до нашей гостиной.

Краем зала они прошли к лифту, стараясь держаться в тени, поближе к стенам. В кабине лифта Аннушка не сразу разобралась с кнопками: сперва они вышли не на том этаже и оказались в пустой гостиной учителей, но в конце концов попали куда надо.

В гостиной учениц было пусто, только два боуга возились возле потухшего камина. Они покосились на девочек, но с места не двинулись.

Аннушка с принцессой через гостиную прошли в коридор, куда выходили двери всех комнат воспитанниц. Но в коридоре было темно, обе не знали, как зажечь свет, и путь им освещала

только предусмотрительно оставленная открытой дверь гостиной. Они прошли мимо двери Лалы, и леопард равнодушно проводил их светящимися в полутьме глазами.

- Спасибо, ты меня очень выручила, - сказала принцесса, останавливаясь перед одной из дверей. - Я живу здесь. Это ничего, что я увела тебя с вечера?

- Я и сама хотела уйти, но стеснялась.

- Я пригласила бы тебя в гости, но мои служанки еще только разбирают вещи, в комнатах полный кавардак. В другой раз, хорошо?

- Давай в другой раз, - согласилась Аннушка.

- Спокойной ночи и спасибо тебе.

- Не за что! Спокойной ночи, Ясмин.

Принцесса скрылась за дверью, и Аннушка со всех ног побежала к Норке. Вот наконец знакомая круглая дверка. Только тут Аннушка вспомнила, что у нее нет ключа от двери, да и сама дверь заговорена Дарой!

Но на ее счастье круглая дверка оказалась приоткрытой: боуги как раз выволакивали через порог большой пакет с мусором.

Аннушка пропустила их и нырнула в Норку.

Она приготовилась ко сну, надела ночную рубашку и долго сидела на кровати, скрестив ноги. Издалека до нее доносилось настырное и монотонное «бух-бум, бух-бум» - это в Каминном зале продолжалось веселье. Аннушка смутно чувствовала, что должна что-то еще сделать перед сном, что-то очень важное и нужное. Она сидела на кровати и напряженно думала. Но, так и не вспомнив, легла, укрылась одеялом и засунула голову под подушку, чтобы не слышать надоедного буханья.

Глава 5

Утром Аннушка проснулась, слезла со своей кровати и увидела Дару спящей на полу Норки: она лежала на шкуре перед камином, обняв медвежью голову, в изрядно помятом зеленом платье, с которого осыпалась половина золотой чешуи, и почему-то в одном сапоге.

- Дара, Дара! - позвала Аннушка. Дара открыла глаза и села.

- Чего ты меня будишь? - сварливо спросила она. - Я не выспалась, я только недавно до Норки добралась.

- А где ты была всю ночь?

- Где, где! На шабаше! - мрачно ответила Дара.

«Ну да, все дискотеки похожи на шабаш», - подумала Аннушка.

- А чего ты такая мрачная, Дара? - спросила она участливо.

- Чего, чего! Сапог я свой потеряла, вот чего!
- Не расстраивайся, найдется твой сапог - куда он денется?
- Куда, куда! Боуги сожгут, вот куда!
- Зачем же они станут жечь твой сапог?
- А они все сжигают, что находят не на своем месте, им это одно удовольствие. - Дара постучала сапогом по столу: - Эй вы, мелочь серая зловредная, а ну-ка живо сюда!

Откуда-то, то ли из-за шкафов, то ли из-под кровати, выскочили два боуга.

- Возьмите этот сапог и сейчас же отнесите его к лепрехунам, пусть сошьют второй точно такой же. Скажите, что заказ срочный, оплата двойная.

Боуги подняли сапог и понесли его на плечах как бревно.

- Понимаешь, мне нельзя ходить по дому босиком - у меня такой гейс.
- Это что, болезнь такая - гейс?
- Нет. Гейс - это заклятье. Его на меня мои вредные тетки наложили. Я любила бегать по саду и по дому босиком, а они ворчали, что я грязь на ногах таскаю в комнаты. Вот они и наложили на меня такое заклятье: если я пройду босиком по дому, у меня пальцы на ногах будут расти криво. Это и есть гейс. И запасной пары сапог у меня теперь тоже нет, я ее тебе, дура, отдала...
- Почему же это я дура? - обиделась Аннушка.
- Да не ты дура, а я - зачем отдала тебе свои сапоги?
- Так возьми обратно! Я ведь их у тебя не просила...
- Да не обижайся ты! Это я так, для поддержания дурного настроения. Эти сапоги мне уже год как малы, носи на здоровье!
- Ну, спасибо, Дара... А ты можешь пока взять мои тапочки. Они, кстати, тоже лохматые, - Аннушка подала Даре свои «щенячьи тапочки». - Я их так хорошо разносила, что, может, они и тебе подойдут.

- Симпатичная обувка, - одобрительно сказала Дара и даже заулыбалась, разглядывая собачьи мордашки.

- Это первый подарок моей сестры, - проникновенно сказала Аннушка.

Тапочки на Дару налезли. Она обулась, переделалась, смягчилась и даже пообещала проводить Аннушку на первый урок:

- А то ты сама не найдешь, запутаешься в наших этажах и переходах.
- Да уж, у вас тут легко запутаться...
- У тебя какой первый урок?

- Левитация. Слушай, Дар, а что это значит - левитация?

- Это любимая наука профессора Морриган. Вот она тебе все и объяснит. Пошли завтракать, есть ужасно хочется.

- Погоди, я что-то забыла сделать...

- Да что ты за копуша такая? А ну, встали и пошли!

Дара сдержала слово и после завтрака проводила Аннушку до самых дверей кабинета профессора Морриган. Но там она ее и оставила.

- Ты зайди за мной после урока! - попросила Аннушка.

- Если время будет, зайду! - бросила на бегу Дара.

Аннушка робко вошла в класс. Профессор Морриган уже сидела за учительским столом. На ее плечах возлежало все то же боа из черных перьев, делавшее ее похожей не то на мрачного грифа, не то на гордую ворону. Она повернулась к Аннушке и произнесла сипловатым голосом:

- Опоздание после бала, Юлианна? На первый раз прощается. Занимай свободное место.

Семь небольших столов стояли свободным полукругом напротив учительского; за шестью сидели ученицы, а одно место у стены было свободно - его Аннушка и заняла.

- Хорошо, девицы, начнем урок. Кто мне скажет, что такое левитация?

Подняла руку Милли Милн.

- Пожалуйста, Милли,

- Левитация - это полет магов.

- Ответ неполный. Левитация - это полет магов без помощи технических приспособлений, то есть ракет, самолетов, вертолетов, планеров, дирижаблей, воздушных шаров и дельтапланов. Полет с помощью магических приспособлений и волшебных животных также относится к области левитации. Вот о них мы и поговорим для начала. Вы сейчас по очереди расскажете мне и другим девицам, какие магические средства используются для полетов в ваших семьях. Алисон О'Брайен?

- Моя бабушка, когда хочет навестить своих ирландских подруг, летит к ним запросто на метле, а вот на большие расстояния она предпочитает летать на быдловских самолетах и ездить поездами. Говорит, что силы у нее уже не те, да и метла поизносилась.

К удивлению Аннушки в классе никто не засмеялся. Впрочем, Аннушке шутка тоже не показалась удачной: разве можно говорить такое о собственной бабушке?

- Мэри О'Кейси?

- У нас в имении есть небольшой аэродром с ангаром, и в нем стоит голубой спортивный самолетик. Мы летаем на нем куда хотим, на любые расстояния, даже через Атлантику.

Почему-то этот ответ одноклассницам показался смешным.

- Мэри, милочка, ты не поняла вопроса или невнимательно меня слушала, - с улыбкой сказала профессорша. - Я спросила, какие МАГИЧЕСКИЕ средства используются в ваших семьях для полетов, а ты мне рассказываешь про спортивный самолет!

- У нашего самолета нет никакого двигателя, он пустой внутри и сделан из шелка, натянутого на китовый ус. А когда мы на нем летим, быдлики внизу думают, что это обычный спортивный самолет.

- Ах вот как! Остроумно! И откуда же вы взяли это летающее чудо?

- Его смастерил и заколдовал мой дедушка.

- Передай мои поздравления твоему дедушке, Мэри. А что у вас, Милли Милн?

- У нас в конюшне уже несколько веков живет грифон.

- Прекрасное животное!

- Ничего... Только жрет здорово, полсотни банок собачьего корма в день на него уходит.

- Ну, на то он и грифон. Кэтлин Монтэгю?

- Мы летаем на маленьком огнедышащем драконе, профессор.

- Дракон-саламандр?

- Да, профессор.

- Замечательная разновидность! Тепло на нем, должно быть, летать?

- Даже слишком, когда он как следует разогреется в полете. Зимой это даже хорошо, но летом, в жару, немного неприятно.

- Понимаю, - кивнула профессорша. - Многие династические семьи магов используют для полетов магических животных - драконов, гиппогрифов и грифонов. А на чем ты прилетела сюда со своего острова Мэн, Филида?

- Мой прапрадедушка привез с французской войны сапоги-сороходы. В них можно бегать по земле и летать по воздуху.

- Твой прапрадедушка был офицер?

- Нет, он был мародер! - гордо сказала Филида. - Сначала он хотел их продать, но когда понял, что за сапоги попали ему в руки, то начал их использовать по назначению - стал курьером в штабе Наполеона и даже получил орден. Потом он разобрался, что к чему, стал немножко приколдовывать и к концу жизни бросил войну и стал настоящим магом. От него и пошла наша династия.

- Чудесная семейная история. Ну, Юлианна Мишина, а на чем у вас в России летают ведьмы?

Аннушка, улыбаясь, слушала, как девочки и профессор наперебой фантазируют, разыгрывая какую-то волшебную сказку, и тоже решила не ударить в грязь лицом.

- Да кто как умеет, профессор. Баба-яга, например, летает в ступе с помелом.

- Замечательно! Обратите внимание, девицы, бабушка Юлианны использует для полетов два магических летательных приспособления сразу: летающую ступу – очень древний и надежный левитационный аппарат, и помело – обычную летательную метлу. Вообще-то говоря, это несколько громоздкое и трудно управляемое полетное сооружение и, должно быть, подготовка к полету занимает у русских колдуний немалое время. Но зато летают они быстро и с комфортом. Как говорится, русские медленно запрягают, но быстро ездят. Передай привет твоей бабушке, Юлианна!

- Спасибо, передам...

Аннушка хотела уточнить, что сказочная баба-яга вовсе не приходится ей бабушкой, а ее настоящая бабушка учительница-пенсионерка, но постеснялась: а вдруг профессор Морриган и келпинки подумают, что она не понимает шуток? Однако веселое настроение ее куда-то улетучилось.

- Так... А на чем летают в твоей семье, Ясмин? – профессор Морриган выжидательно поглядела на принцессу, скромно сидевшую за своим столиком.

- Каждый из моих четырнадцати братьев имеет свой самолет, – тихо сказала Ясмин.

- Самолеты эти, надо полагать, волшебные, как в семье О'Кейси?

- Нет, обыкновенные самолеты, как у всех людей, – сказала Ясмин,

Девчонки глумливо захихикали, однако не без зависти. Профессорша улыбнулась.

- А я полагала, что в вашей семье все летают на коврах-самолетах, как это принято на Востоке, – никуда не спеша, полеживая на подушках, попивая шербет. Шербет – это такой восточный лимонад, девицы. Что ты молчишь, Ясмин? Как там у вас с коврами?

- Во дворце моего отца много ковров...

- Летающих?

- Нет, лежащих и висящих.

Девчонки просто давились от смеха, потешаясь над незадачливой принцессой.

- А маги у вас в роду есть?

- Нет.

- Прекратите этот глумливый смех, келпинки! Девочка из неблагополучной семьи, разве над этим можно смеяться? Эта героическая крошка мужественно решила перебраться из быдла в магло, честь и хвала ей за это! Между прочим, Ясмин не первая ученица в истории Келпи, положившая основание новой колдовской династии. И не забывайте, между прочим, что она принцесса! А это значит, что при наличии даже небольших способностей она сможет – конечно, под руководством более опытных магов – сосредоточить в своих руках огромную власть, держать с помощью магического террора в страхе и трепете свою страну и даже влиять на мировую политику. Вы еще станете гордиться, что учились с Ясмин на одном курсе!

Но келпинки недружелюбно молчали. Профессорша оглядела их, усмехнулась и сказала уже другим, будничным голосом:

- Ладно, пока оставим это. Итак, девицы, мы с вами рассмотрели некоторые случаи левитации с помощью магических приспособлений и волшебных животных. Для краткости мы их называем «полетными средствами». Кто знает, зачем ведьмам, колдунам и прочим магам нужны полетные средства? Вот, например, драконы, грифоны, гиппогрифы: уход за ними сложен, а живой корм стоит дорого, ведь далеко не каждого грифона удастся посадить на собачьи консервы. Или сапоги-скороходы: их надо вовремя сдавать в ремонт лепрехунам, а лепрехуны порой несговорчивы и к тому же не везде водятся. Почему же маги используют полетные средства, а не летают с помощью собственной магии?

Келпинки задумались.

- Может быть, из лени? - неуверенно спросила Алисой О'Брайен.

- А может, у некоторых из них мало собственной магической силы, вот и приходится летать в чужих сапогах? - предположила Милли Милн, и тут же ей в голову полетел толстый учебник левитации, метко брошенный Филадельфией Стэнли. Милли едва успела уклониться, и книга грохнулась в проход между столами.

- Алисой О'Брайен неправа, а Милли Милн права, но не совсем. Подними свою книгу, Филадельфия. А ты, Милли, впредь остерегись вслух сомневаться в магической силе родственников присутствующих. Полетными средствами маги пользуются не столько по слабости, сколько из соображений энергетической экономии: они таким образом используют магическую силу предшественников, владевших до них этими полетными средствами, или силу магических животных. Так они берегут собственную колдовскую энергию. С некоторыми полетными средствами вы познакомитесь на уроках практической магии, а на уроке криптозоологии вас познакомят с летающими животными, и вы попробуете их приручить. Я же научу вас пользоваться классическим полетным средством ведьм - метлой. Но сейчас я вам продемонстрирую, как летают высшие маги, полностью овладевшие левитацией. Это будет полет без вспомогательных средств. Прошу внимания!

И под восхищенные охи и ахи келпинок профессор Морриган раскинула руки и плавно поднялась к потолку, затем, придерживая юбку, приняла горизонтальное положение, сделала круг вокруг большой кованой люстры и так же плавно спустилась на место. В полете она еще сильнее напоминала большую черную птицу.

- Вот это, девицы, и есть собственно левитация, то есть магия самой высшей пробы, - скромно сказала она под восторженные крики и аплодисменты келпинок.

Аннушка сидела с открытым ртом и пыталась сообразить, куда же это она попала по милости Юльки, и что же такое Келпи - цирковая школа или школа колдовства? Но ведь колдовства не бывает, это все знают, а чтобы папа согласился отправить Юльку в цирковую школу - в это как-то совсем не верилось!

Урок левитации продолжался.

- Заклинание, позволяющее на время нейтрализовать земное притяжение, звучит так, - профессорша четко произнесла невероятно длинное заклинание на незнакомом Аннушке языке. - На каком языке составлено заклинание, кто знает?

Подняли руки все «айриш».

- Кэтлин?

- На гэльском, профессор!

- Совершенно верно, на гэльском языке. Это язык кельтов, язык древних героев и друидов. Кто такие друиды, Юлианна?

- Я не знаю, профессор. В обычной русской школе мы этого не проходили.

- Перед тем как записывать тебя в Келпи, мисс Кребс могла бы с тобой немного позаниматься. Садись. Милли Милн?

- Друиды - это наши предки, профессор. Древние кельтские жрецы, колдуны и ведьмы.

- Правильно, Милли. Это наши предки, и мы ими гордимся. Все они говорили и творили заклинания по-гэльски. Гэльскому языку вас начнет обучать моя коллега Бекфола Син, но позднее. А сейчас мы с вами начнем изучать более простое заклинание левитации, которое вам пригодится при полетах на метле. По традиции, уже на первом курсе каждая келпинка мастерит и заговаривает свою собственную полетную метлу. Вот скоро зарядят дожди, подуют осенние ветры, начнут облетать листья, и мы с вами пойдем на берег реки собирать прутья для метел. Но полетное заклинание мы начнем учить заранее. В нем двести восемнадцать строк, их надо будет выучить наизусть и научиться произносить с большой скоростью, без запинок и без ошибок, иначе можно залететь черт знает куда. Сейчас я напишу на доске первые строчки заклинания, а вы их спишете. Что ты хочешь спросить, Алисон?

- А когда мы начнем летать?

- Не раньше, чем вы свяжете свои метлы и выучите заклинание, так что советую не отвлекаться и начинать его учить. Записывать заклинание мы будем с помощью алфавита Огама.

И дальше началось то, чего так не любила Аннушка в школе, - обыкновенная зубрежка. Профессор Морриган писала - они переписывали, профессорша четко и ясно произносила вслух гэльские слова - они их повторяли. В конце концов у Аннушки в глазах зарябило от черточек и точек, сидевших в ряд на линейках вроде нотных, - так изображались гэльские буквы. В ушах у нее уже гудело от повторяемых хором непонятных слов, когда раздался долгий и мелодичный звук.

- Ну, вот и наш келпинский гонг, - сказала профессорша, кладя мел на край доски. - Перемена, девицы! К завтрашнему дню потрудитесь выучить первые десять строк заклинания, но не вздумайте произносить их вслух в мое отсутствие - это крайне опасно! Следующий урок у вас теория магии, которую ведет леди Бадб. Если она спросит, как прошел ваш первый урок в Келпи, можете сказать ей, что я всеми вами довольна, кроме... - она задумчиво поглядела на принцессу Ясмин. - Впрочем, скажите, что профессор Морриган довольна всеми. Урок окончен. Возьмите ваши учебники и ступайте в гостиную. Леди Бадб придет туда за вами и ответит в свой класс.

Минут пятнадцать первокурсницы отдыхали в гостиной, обсуждая урок левитации. Аннушка в разговоры не вступала, она просто сидела в кресле и отдыхала от зубрежки.

Снова прозвучал гонг, и не успел еще звук замереть, как в гостиную вошла леди Бадб.

- Добрый день, милочки! Отдохнули после бала? Ну, ступайте за мной.

Класс теории магии находился на втором этаже, рядом с кабинетом леди Бадб. Класс был

небольшой и заставленный шкафами. Леди Бадб велела им сразу сесть за столы.

- Как вы понимаете, милочки, мой предмет - главный предмет изучения в Келпи, - начала леди Бадб, усевшись в кресло с высокой спинкой, похожее на трон. - Бесплезно учиться летать, если вы не знаете, куда и зачем вам лететь. Вот и начнем с главного. Что есть магия? Магия есть сила, движущая эволюцию человека в нужном направлении. Адепты магии в целом называются магами и подразделяются на категории. Мы, сиды, относимся к высшей, ведьмы и колдуны - к средней, а к низшей категории относятся ворожеи, знахари, гадалки, шаманы и вообще все адепты этномагии. Сообщество магов всех категорий, как вы наверняка уже знаете, называется «магло», а вся прочая человеческая масса - «быдло». Отдельные представители быдла зовутся быдлами. Мы, продвинутые и просвещенные счастливчики, чаще зовем их ласково и снисходительно... Как мы их зовем, Кэтлин Монтегю?

- Быдликами, леди Бадб.

- Совершенно верно, лапочка. Но, как вы понимаете, быдликами заниматься мы на уроках теории магии не станем. Об их ограниченности вы достаточно узнаете на уроках людоведения, а об их врожденной агрессивности по отношению к магам - на уроках истории магии, когда будете изучать период инквизиции. Мы же с вами начнем сегодня долгий разговор о духах. Итак - духи. Их научное наименование - неорганики. Неорганики бывают высшие и низшие. Низших неоргаников мы, ведьмы и колдуны кельтского происхождения, называем «фэйри». Кто относится к фэйри, милочки?

- Бвбахи и дулаханы!

- Лепрехуны и клюйрехуны!

- Поки и брауни!

- Киллмолиссы!

- Русалки!

- Боуги!

- Гномы!

- Фоморы!

- Наклонившийся с Холма!

- Наша Келпи!

- Стоп, стоп! Три ошибки подряд, и какие ошибки! Наклонившийся с Холма, а правильнее, Кромм Круах, его дружина фоморов и наша обожаемая лошадка Келпи вовсе не фэйри. Келпи, Кромм Круах и его фоморы - наша охрана, и все они - высшие неорганики. На них издревле возложена особая миссия беречь сид Келпи. Так что советую, будьте с ними весьма почтительны и чрезвычайно осторожны.

- Леди Бадб, а вы знаете, сколько лет Келпи охраняет наш сид? - спросила Филида Стэнли.

- Около тысячи лет, я думаю. Сюда она пришла в десятом веке из Шотландии, сопровождая и оберегая в странствиях наших шотландских беженцев. Кстати, котик Брауни пришел с нею,

они уже тогда были неразлучными друзьями.

- Ой, какая восхитительная история! - восторженно пропищала Мэри О'Кейси.

- Да, милочка, наша школа имеет традиции, - благосклонно улыбнулась ей леди Бадб. - Но вернемся к нашим фэйри, большим и маленьким. Конечно, все они тоже духи, лишённые плоти. Обыкновенным людям видеть фэйри не дано, если они сами того не пожелают.

- Почему же мы их видим? - спросила Филида.

- А потому, что мы находимся в сиде. Духовная атмосфера в сиде Келпи и его окрестностях настолько высокая и напряжённая, что фэйри видны здесь и невооружённым глазом. Отношения с фэйри совсем не просты и требуют специального обучения. Этому будет посвящён курс низшей неорганики. А мы с вами перейдем сразу к высшей неорганике. Насколько маги выше быдлов, настолько высшие неорганики совершеннее и могущественнее магов и даже фэйри. Поэтому мы, ведьмы, стараемся завязать с ними отношения и гордимся тем, что высшие неорганики охотно сотрудничают с нами: они нами руководят и помогают нам, если мы признаем их абсолютное духовное превосходство и оказываем им уважение и послушание. Ведьмы и колдуны вступают в союз с высшими неорганиками пожизненно и послежизненно. Неорганики щедры: они исполняют все наши желания, о которых мы сообщаем им посредством заклинаний, ритуалов, письменных договоров и других знаков. Сотрудничество высших неоргаников с магами возможно потому, что они очень расположены к людям определенной категории и охотно идут на контакт с ними. Но такой контакт - процесс сложный, требующий сосредоточенности и тренировки, и этим вы будете заниматься на уроках практической магии. А мы с вами будем стараться понять и постичь глубинную сущность магии...

Аннушке слушать все это сначала было жутковато, потом скучновато, а к концу урока она с тоски уже просто клевала носом. Тут, к счастью, опять запел-загудел гонг, и леди Бадб проводила всех в Каминный зал на обед.

Аннушка заняла знакомый столик, а вскоре подошла и Дара.

- Ну, как прошли первые уроки? - спросила она. - Понравилось тебе на занятиях?

- Понравилась левитация. Профессор Морриган летала вокруг люстры. Правда-правда, летала! Теория магии мне понравилась меньше.

- Да ты что, это же главный предмет в школе! - Дара поглядела на нее укоризненно.

- Ну, это же был только первый урок леди Бадб, может, я еще просто не разобралась. Но профессор Морриган в самом деле летала, ты представляешь?

- Да я сколько раз видела! Кстати, учти, что чистая левитация - это не для всех. Даже первые ученицы выпускного курса умеют подниматься в воздух на метр и передвигаться в таком положении еще на метр в обе стороны. А вот скоро она вас будет учить летать на метле - вот это класс, это тебе понравится! И для порядочной ведьмы метлы вполне достаточно.

- Я бы хотела обойтись без метлы...

- И не вздумай! Что это за полет - метр вверх, метр вправо-влево? С этим только в цирке выступать. Знаешь, если строго разобраться, то ведьмы, колдуны и прочие маги своей силой вообще мало что могут - за них в основном духи работают.

- Как это?

- Очень просто. Колдунья вызывает духов, и духи ее поднимают на воздух. Это только со стороны кажется, что она сама по воздуху носится. И на метле или на ковре магов тоже носят духи. Главное тут - правильно построить с этими духами отношения. Так что изучай теорию и практику магии, а то вылетишь с треском из школы Келпи и пойдешь на корм лошадке Келпи.

Аннушка опустила ложку и уставилась на Дару.

- Шутка. Давай ешь. Большая перемена всего только час, а надо успеть погулять в саду и выкупаться.

Но погулять подружкам не удалось - их подвели лепрехуны. Войдя в Норку, Дара бросилась к столу, на котором лежали мохнатые сапожки.

- Молодцы лепрехунчики, быстро справились с работой! - Она схватила сапог и стала примерять его. И тут же завопила: - Идиоты! Неумехи! Сапожники!

- Что случилось, Дара?

- Нет, ты только посмотри: оба сапога - левые! Они мне сшили второй сапог тоже левый, уроды подземные!

- Ой, правда! Как же ты будешь в них ходить?

- А никак! Пошли к лепрехунам ругаться. Заодно посмотришь на них и познакомишься. Ну, я им покажу, как издеваться над старшекурсницей!

Дара снова надела Аннушкины тапочки, и они отправились на лифте вниз, в подвальные мастерские Келпи.

В узкий подземный коридор, шедший по кругу, как и все келпинские коридоры, выходило множество дверей, и над каждой был подвешен ремесленный знак; здесь были ножницы, кружка, свеча, шляпа, бутылка - словом, все, что изготовлялось за дверьми мастерских. Над сапожной мастерской висел, конечно, сапог. Дара толкнула дверь, заблямкал колокольчик, и они вошли.

Посередине пещеры лепрехунов стоял низкий стол, на котором лежали кусочки разноцветной кожи; маленькие бородатые человечки бегали по столу и большими ножами выкраивали из кожи заготовки для обуви. Вдоль стен стояли укрепленные на каменном полу колодки и станки для сшивания кожи, похожие на швейные машинки. За теми и другими тоже трудились лепрехуны.

Дара подошла к столу и с размаху швырнула на него, прямо на середину, два левых сапога.

- Где старший сапожник? - грозно спросила она.

К ней подошел невысокий, всего по пояс Даре, но полный достоинства мастер-лепрехун не в сером, как все, а в красном колпачке, украшенном эмблемой цеха - золотым сапожком.

- Слушаю вас, ученица Дара. Что случилось?

- Почему вы не выполнили мой заказ? Я просила сшить мне второй сапог: это значит - правый, а не второй левый!

- В самом деле. Кто принес заказ?

- Мои боуги.

- Кто принимал заказ?

- Я, мастер!

К ним подскочил и остановился в почтительной позе лепрехун-подмастерье, на вид не старше тридцати лет, с короткой бородкой.

- Какой заказ сделали боуги?

- Срочно сшить точно такой же второй сапог.

- Ну?

- Мы и сшили ТОЧНО ТАКОЙ ЖЕ ВТОРОЙ САПОГ, мастер. То есть второй левый сапог, ведь правый уже не был бы ТОЧНО ТАКИМ ЖЕ.

Хохот лепрехунов заполнил сапожную пещеру.

Мастер развел руками:

- Не сердитесь на моих озорников, уважаемая Дара: они молоды, и у них так мало развлечений!

- Ладно, чего уж... А когда вы теперь сошьете мне второй... Нет, когда вы сошьете мне правильный сапог?

- Ну, проказники, когда будет готов новый заказ?

- Он готов, мастер

Подмастерье нырнул под стол, вылез из-под него и выставил на стол правый хоббичий сапожок. Лепрехуны опять дружно засмеялись и даже захлопали в ладоши, видя изумление Дары.

- Так зачем же вы все это устроили?

- Этот розыгрыш? - спросил подмастерье. - А чтобы посмеяться...

Дара взяла новый сапожок, а старым запустила в подмастерье. Но тот без труда увернулся и поймал сапог на лету.

- Нам нужна вторая пара таких же сапог для моей подружки.

- На кого записать заказ?

- Ученица Юлианна Мишина из России, - представилась Аннушка, улыбаясь забавным человечкам.

Лепрехуны усадили ее на низенькую табуреточку и обмерили обе ее ноги.

- Заказ будет готов сегодня вечером. Придете за ним сами?

- Нам некогда. Принесите к нашей Норке и отдайте боугам.
- А плата, уважаемые?
- Плату можете получить прямо сейчас, я плачу за обеих. Несите ваши иголки! Надеюсь, они у вас одноразовые?
- Конечно! С вас четыре капли за четыре сапога.
- Три! Один сапог вы сшили неправильный.
- Он точно такой, какой вы заказали, а два сапога все равно пара, даже если это и неподходящая пара. Плата за пару сапог - две капли. Итого, с вас причитается четыре капли за две пары.
- Да ладно, берите уж, кровопийцы!

Старший мастер удалился и через минуту вернулся, неся в обеих руках поднос, на котором стояла большая фарфоровая миска с нарисованным на боку кустиком земляники, наполненная водой. Рядом с миской лежала запакованная медицинская игла.

- Хоть бы палец спиртом или йодом протерли сначала, - проворчала Дара.
- Мы не любим примесей, - возразил лепрехун. - Но если вы не знаете противомикробного заговора, то я могу сам его для вас прочесть.
- Без ваших заговоров обойдусь. Вы мне такого наговорите, что палец потом отсохнет.
- С капризными клиентами такое иногда случается, - усмехнулся лепрехун и распаковал иглу. Дара подставила палец, лепрехун уколол его иглой миску с водой четыре капли крови - по одной за каждый сапог. Остальные лепрехуны глядели на них с пристальным вниманием, прекратив свою работу и облизываясь тонкими длинными языками.

Девочки вышли за дверь.

За их спиной тотчас послышалось довольное урчание и повизгивание.

- А на первый взгляд они такие симпатичные, - грустно сказала Аннушка.
- Сапоги?
- Нет, лепрехуны.
- А, ты об этом! Все фэйри кровушку любят, тут уж ничего не поделаешь. Ну все, поехали наверх, в классы - вот-вот в гонг ударят.

У Аннушки следующим уроком была практическая магия, и опять Дара отвела ее на занятия.

Класс практической магии был похож на большой музейный зал, изогнутый, как все помещения в Келпи: одна стена окнами выходила в сад, а более длинная глухая стена была сплошь заставлена высокими шкафами. Некоторые из них имели стеклянные дверцы, другие были закрыты наглухо, а несколько шкафов были заперты на большие висячие замки, и Аннушке послышалось, что за наглухо запертыми дверцами этих шкафов кто-то или что-то возится и скребется. Первокурсницы уселись за столы и стали ждать. Аннушка принялась

разглядывать вещи в ближайшем шкафу. Она увидела на полке две одинаковые бархатные шапочки с меховой оторочкой, а перед ними картонные этикетки: на одной стояло «Шапка-невидимка», а на другой – «Шапка-невредимка». Аннушка пожала плечами и подумала: «Игрушки...».

Мисс МакДональд вошла в класс, позевывая и моргая глазами, вокруг которых заметно размазалась золотая краска: она явно спала до обеда, проспала обед и, похоже, даже еще не умывалась сегодня.

- Привет, малютки! Выспались?

- Да, спасибо, мисс МакДональд.

- А я - нет. Поэтому займемся сегодня самой простой магией - бытовой, в просторечии именуемой сглазом или порчей. Объяснять я вам ничего не буду - голова болит, а показать кое-что смогу. Но сначала вы мне сами скажите, какой порчей вы охотнее всего пользуетесь, когда ссоритесь?

Первокурсницы молчали, а потом Мэри О'Кейси подняла руку.

- Мы тебя слушаем, Мэри.

- Мне дома запрещали колдовать до тех пор, пока я не попаду в Келпи. Если в школе меня кто-то обижал, я жаловалась бабушке, и та все за меня устраивала.

- Каким образом она все устраивала?

- Я приносила какую-нибудь вещь обидчика, бабушка с нею что-то делала, а я потом подкладывала эту вещь обратно. У девочек появлялись прыщи, а у мальчишек бородавки.

- Ну и чем кончилось дело? Надо полагать, одноклассники научились тебя уважать?

- Нет, они не успели. Они только заметили, что у них пропадают вещи, выследили меня и объявили воровкой. Родителям пришлось забрать меня из школы и пообещать директору, что они отведут меня к детскому психиатру. Вместо этого они отвезли меня в Келпи.

Девчонки захихикали.

- Значит, ты, еще не научившись толком колдовать, уже успела за колдовство пострадать? Совсем как наши мученицы в Каминном зале!

- Надо в ее честь камин построить! - предложила Кэтлин Монтегю.

- В туалете! - ехидно добавила Милли Милн.

Мисс МакДональд вдруг побледнела, а точнее сказать - позеленела.

- Простите... - пробормотала она и, прикрыв рот ладонью, опрометью бросилась к маленькой дверце между двух шкафов.

Девчонки тотчас заулыбались, зашептались, захихикали.

- Хватила училка лишнего на шабаше!.. Еле-еле до туалета добежала!

- Она с ученицами выпускного курса до самого утра шабашилась!

- МакДональдша летала по залу в обнимку с бутылкой!

Через несколько минут мисс МакДональд вышла из туалета и твердым шагом процокала на своих высоченных каблуках к столу.

- Так... Сплетничаем о преподавателях? В таком случае сглазы мы оставим на потом, а сейчас займемся аллотриофагией. Кто знает, что это такое?

Класс не знал и притих в тревожном ожидании.

- Аллотриофагия - это порча, заключающаяся в изрыгании жертвой скверных предметов. Юлианна Мишина, будь добра, достань вон из того шкафа семь тазов и раздай их ученицам.

Аннушка подошла к шкафу, открыла дверцы и увидела, что он набит медной посудой - котлами, чайниками, чашами, чашками и чашечками. И тазами.

- Возьми самые большие, какие найдешь, - мстительным голосом сказала мисс МакДональд.

Келпинки настороженно и испуганно молчали. Аннушка отсчитала семь тазов, с трудом вытащила их и расставила на столах. Последний таз она поставила на свой стол и села на место.

- Вы, крошки, посмели изрыгнуть хулу на свою преподавательницу. Сейчас вы начнете изрыгать не слова, а предметы, адекватные вашим дурным словам и мыслям. И только посмейте мне запачкать пол в классе! - Мисс МакДональд закрыла глаза и стала бормотать заклинания. Потом она широко распахнула глаза, в упор взглянула на Алисон и сказала сладким и гадким голосом: - Алисон О'Брайен, можешь начинать, дорогая!

Бедная Алисон багрово покраснела, приоткрыла рот, издала какой-то квакающий звук и высунула кончик языка. Потом она открыла рот еще шире, и тут все увидели, что это вовсе не язык, а пучок каких-то шевелящихся розовых отростков. Алисон захрипела, наклонилась над тазом, и из ее рта в таз гроздьями посыпались живые черви.

- Мисс МакДональд, у Алисон глисты! - восторженно закричала Кэтлин Монтегю. - Ой, как противно!

- Твоя очередь, Монтегю! - скомандовала мисс МакДональд, протянув в сторону Кэтлин тонкий палец с облупившимся золотым лаком.

Кэтлин открыла рот, и у нее изо рта показалась небольшая треугольная змеиная головка с высунутым раздвоенным язычком. Кэтлин выпучила глаза и скосила их на выползающую у нее изо рта пеструю гадюку. Она хотела схватить ее рукой, но гадюка сунулась головой навстречу, и Кэтлин испуганно отдернула руку.

- Не трогай ее, Кэтлин, детка: она может ужалить, - ласково остерегла ее мисс МакДональд. - Ага, вот еще одна показалась! Какая куколка! Подставь поближе тазик, Кэтлин, чтобы змейки не расплозились по классу. Кто следующий? Мэри О'Кейси? Пожалуйста, Мэри.

Мэри зажала рот двумя руками и поглядела на мисс Морген упрямо и сердито: она решила ни за что на свете не показывать, что там у нее во рту.

- Ты так любишь мышей, Мэри? - притворно удивилась мисс МакДональд.

- А-а-а! - закричала Мэри, как оказалось, страшно боявшаяся мышей, и вскочила на стол, ногой задев и сбросив на пол свой таз. Мыши серыми мячиками падали из ее рта на стол, подскакивали, прыгали на пол и разбегались в разные стороны.

- Милли Милн, помоги, пожалуйста, Мэри, подай ей тазик, - спокойно приказала мисс МакДональд. Милли бросилась исполнять приказ, испуганно косясь на преподавательницу. А та продолжала: - Потом сядь на свое место и покажи нам, чем полна ты сама. Живые тритончики - какая прелесть!

Милли, рыдая, принялась отрывывать в таз одного за другим черных с желтыми пятнами гребенчатых тритонов.

- Так, а теперь очередь нашей принцессы. Чем же нас осчастливит восточная красавица?

Ясмин большими испуганными глазами смотрела на мисс МакДональд, хлопала длинными ресницами - и больше ничего не происходило.

- Встань, Ясмин! Открой рот! - нахмурившись, приказала мисс Морген.

Ясмин приоткрыла рот, но там ничего не было, кроме ослепительно белых и ровных зубов.

- Значит, ты ничего дурного обо мне не сказала и даже не подумала, когда твои соученицы прохаживались тут на мой счет?

- Нет... - тихо сказала Ясмин.

- Впрочем, чего и ждать от быдлички, - презрительно фыркнула мисс МакДональд. - Садись! Юлианна Мишина, что у тебя?

Аннушка знать не знала, что там делала мисс МакДональд на шабаше, но она осудила ее за другое. «Какая же она, оказывается, злая ведьма, хоть и красавица!» - подумала она сразу, как только Алисой начала извергать из себя червей, и потом она повторяла про себя: «Ведьма! Злая ведьма!» - всякий раз, когда видела, как страдают одноклассницы. Она решила, что не будет смотреть, что там из нее ползет, и наклонилась над тазом, широк открыв рот и крепко зажмурив глаза. Что-то холодное вырвалось у нее из горла и упало в таз, по пути больно оцарапав ей язык. «Это, наверно, скорпионы!» - в ужасе подумала Аннушка, но глаз не открыла. Она отрыгнула это холодное и колючее еще раз, еще и еще раз...

- Какой сюрприз! У Юлианны Мишиной для меня оказались сплошные комплименты! - услышала она вдруг удивленный голос мисс МакДональд.

Аннушка осторожно открыла один глаз и скосила его в таз - в нем лежали четыре наполовину распустившиеся красные розы. Она с облегчением вздохнула и подумала, что все-таки мисс МакДональд - ничего, и тут же розоизвержение само собой прекратилось. Только оцарапанный язык немного побаливал.

Мисс МакДональд подошла к ней и взяла из таза розы.

- Спасибо, милая, - сказала она и погладила Аннушку по голове. Аннушка съежилась под ее рукой.

Филида Стэнли сидела ни жива, ни мертва, надеясь, что общая кара ее обойдет. Не обошла.

- Филида, - ласково проговорила мисс МакДональд, - нехорошо таить злобу в себе. Наклонись над тазиком, деточка!

Филида со стоном склонилась над тазом, и вот у нее-то изо рта посыпались громадные, глянцево-коричневые скорпионы! Они со стуком падали в медный таз, пытаясь на лету ужалить несчастную Филиду.

Мисс МакДональд с минуту полюбовалась ими, а потом скомандовала:

- Всем прекратить извержение! Я полагаю, дорогие, теперь вы все хорошо усвоили, что такое аллотриофагия? Можете оставить все как есть - боуги уберут. Урок окончен!

И она гордо удалилась из класса, неся перед собой красные розы.

Келпинки почему-то все как одна с ненавистью уставились на Аннушку и на Ясмин.

- Подлизы!

- Тихони!

- Выскочки!

- Задавалы!

Только одна Алисон догадалась спросить:

- Юлианна, а что ты сказала про мисс МакДональд? Почему это у тебя одной вместо всяких гадостей изо рта розы сыпались? Ну-ка, признавайся!

- Я ничего про нее не говорила, а когда с вами началась эта самая аллотриофагия, я все время думала, какая мисс МакДональд злющая ведьма.

- Смотрите-ка, русская, а догадалась! - завистливо сказала Алисон и собиралась такой же гордой походкой, как мисс МакДональд, выйти из класса, но тут ее скрючило снова, и она бегом вернулась к своему тазу, чтобы в муках извергнуть в него последнего, особенно жирного и длинного червяка. Остальные келпинки, уже полностью освободившиеся от своего пакостного содержимого, дружно над нею захохотали.

Следующим и последним уроком в этот день была история магии, которую вел библиотекарь Финегас. Он явился в класс, толкая перед собой нагруженную книгами тележку, одетый все в тот же потрепанный зеленый балахон, но сегодня на его седой кудлатой голове красовалась большая зеленая шляпа с помятыми краями и заткнутой за ленту веткой рябины с кистями рубиновых ягод. Впрочем, шляпу он тут же, войдя в класс, снял и забросил в угол. Дежурный боуг подхватил ее, нахлобучил на себя и так понес к вешалке, стоявшей в углу класса. Келпинки захихикали: это было очень смешно - движущаяся шляпа, а под нею толстые серые лапы. На ходу боуг отщипнул несколько ягод рябины. Финегас, не оглядываясь, негромко, но строго сказал:

- Малыш, тебе вовсе не идет эта шляпа. И оставь в покое мою рябину!

- Ого! - сказала громким шепотом Мэри О Кейси. - Он что, сквозь голову видит, что у него сзади делается?

- Он также видит сквозь стены и сквозь время, мышка, - проворчал Финегас, выкладывая на стол книги из тележки. - Например, могу тебе сообщить, Мэри, что сейчас в твоей комнате боуги догрызают забытую тобой на столе половину шоколадки. Учти, боуги очень любят шоколад, его надо прятать от них подальше.

- Спасибо, господин Финегас, я после уроков их накажу.

- Любопытно, как же ты их накажешь?

- Отстегаю серебряной цепочкой. Боуги боятся серебра как огня.

Аннушка удивилась, но не тому, что боуги боятся серебра, а тому, что леди Бадб разрешила Мэри оставить серебряную цепочку. А вот с нее сняли! А на цепочке было... Камушек? Бусинка? Аннушка так и не смогла вспомнить, что она носила на той цепочке, мысленно махнула рукой и стала слушать дальше.

- Да, серебро оставляет на теле фэйри долго не заживающие раны, - сказал Финегас. - Стоит ли так жестоко наказывать их за кусочек шоколада?

- Стоит! Пусть не трогают мои сласти!

- Гм. Ты настоящая ведьма, Мэри О'Кейси.

- Спасибо, господин Финегас, - и Мэри О'Кейси гордо поглядела на одноклассниц.

- Но все-таки, мышка, я не советую тебе обижать боугов. Они хоть и мелкие фэйри, но очень мстительные.

- Господин Финегас, не называйте меня мышкой! - простила Мэри.

- Почему?

Келпинки мгновенно развеселились и закричали наперебой:

- Она сегодня объелась мышками!

- Ее мышами тошнило!

- Наша Мэри доверху мышами набита!

- Она мышей не ловит на уроках практической магии!

- Тихо! - прикрикнул Финегас на расшумевшихся девчонок. - Хватит о боугах, шоколаде и мышах! Поговорим-ка лучше о магии. Поскольку сегодня у нас первый урок, мы устроим день занятий наоборот: вы будете задавать мне вопросы, а я на них отвечать. Кто хочет спросить меня что-нибудь по истории магии?

- Господин Финегас, а почему это в нашем ирландском сиде так много шотландцев? - спросила Мэри.

- Ты имеешь в виду мисс МакДональд? Келпинки захихикали.

- И ее тоже, - опасно проговорила Мэри.

- Многим шотландским магам и фэйри пришлось бежать от преследований христианской Церкви в Шотландии. Церковь предала их анафеме, они стали хиреть и болеть. Они узнали, что в Ирландии в этом смысле обстановка более благоприятная, и решили переселиться в наши края. Их сопровождала лошадка Келпи. Они нашли наш сид, поселились в нем и обрели покой и счастье. Вот я вам прочту, что писал о разнице отношений к фэйри в Шотландии и Ирландии наш великий ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс. - Финегас порылся в своей тележке, извлек небольшую книжку и прочел: «Шотландцы утратили доброе расположение к фэйри. Если вас интересуют истории об их добрых и забавных проделках, вам нужно ехать в Ирландию, а за историями страшными добро пожаловать к шотландцам». Что вас еще интересует, мышки-малышки?

Филида подняла руку и спросила:

- Господин Финегас, вот в нашем Каминном зале горят ведьмы. Почему инквизиция так свирепо преследовала колдунов и ведьм?

- Потому что им так было нужно.

- А зачем это было нужно быдлам?

- Инквизиция была нужна не быдлу, а маглу. Маги с помощью инквизиции сводили счеты между собой и подпитывались энергией друг друга. Вот послушайте, что пишет об этом один из основателей инквизиции. - Финегас отыскал нужную книгу, раскрыл ее и прочел: «Истинная история инквизиции, сочинение мага Синклициуса Великолепного. Вступление. Христиане до сих пор разводят руками, не понимая, как могла их святая и полная богоугодных добродетелей церковь породить инквизицию, которая была чрезвычайно жестокой и противоречила заветам Священного Писания. Разгадка этого парадокса лежит гораздо выше религиозного мировоззрения. Являясь в настоящий момент единственным представителем этой грозной организации, автор считает необходимым донести до заинтересованных лиц правду о названной организации, главным образом ввиду того обстоятельства, что происходящие в сегодняшнем мире процессы в достаточной мере способствуют ее скорейшему возрождению. Автор был одним из тех, кто задумал и основал инквизицию, и занимал в ней видное место.

Инквизиция как организация в составе христианской католической церкви была учреждена на собрании адептов Ордена Хранителей Смерти в Италии в конце XII века. Обстановка того времени вынуждала их пойти на крайние меры: христианская церковь распространилась повсеместно по Европе, и Орден Хранителей Смерти был близок к уничтожению. В такой обстановке была задумана и создана инквизиция как социально-исследовательский институт и исполнительный орган Ордена. Основными целями этой организации были следующие: расширение Ордена Хранителей Смерти путем зачисления в него прошедших через пытки и уцелевших стихийных колдунов и ведьм, дискредитация христианской церкви, но главное - энергетическая подпитка Ордена. Инквизиция лежала вне тривиальных представлений о добре и зле, вне любых человеческих категорий и понятий. Предвзятое мнение по отношению к инквизиции сложилось в недалеких умах простецов или быдлов, неспособных видеть развитие мировых процессов. Посвящение, получаемое колдунами-быдлами и ведьмами-быдличками в подземных тюрьмах, нельзя было назвать приятным, однако своей основной цели оно служило: ищущий настоящей магической власти проходил через все необходимые стадии Смерти и получал новый уровень развития, если оставался жив. Тех же, кто сгорел на кострах инквизиции, - а никакое великое дело не обходится без жертв - весь магический мир почитает как мучеников за идею». - Финегас захлопнул книгу и бросил ее в тележку. - Пример такого почитания мучеников за магию - наш Каминный зал. Ну, с инквизицией в общих чертах, я

думаю, пока все ясно? На уроке людоведения вы будете изучать это подробнее.

- Господин Финегас, расскажите, пожалуйста, о ведьмах, которые горят в Каминном зале! - попросила Алисон.

- С удовольствием!

И почти весь урок Финегас читал им из разных книг истории о ведьмах, сожженных на инквизиторских кострах. Когда он закончил, руку подняла Филида Стэнли.

- Господин Финегас, можно еще один вопрос? - спросила она.

- Да, пожалуйста, любопытная мышка.

- А сейчас существует Орден Смерти?

- Существует. Скажу больше: усиление стихии Смерти на нашей планете должно было наступить на переломе тысячелетий и уже наступило. Подтверждением тому служат войны, революции, эпидемии и стихийные бедствия, новые болезни и новые пороки в среде быдла. В этом проявляется направленная деятельность магических орденов, и в первую очередь Ордена Смерти. С усилением стихии Смерти некоторым образом связан и Большой План...

В этот момент зазвучал гонг, оповещающий об окончании уроков.

- Все, мышки. Спасибо за интересные вопросы. Теперь я должен спешить в библиотеку. Сейчас туда придут за книгами мышки со старших курсов и не застанут на месте старого Финегаса. Непорядок! - подобрав в углу и нахлобучив на голову зеленую шляпу, с которой дежурный боуг все-таки исхитрился ошипать почти все ягоды, Финегас заспешил со своей тележкой вон из класса. Этим уроком и закончился первый день Аннушкиной учебы в Келпи.

Вечером она долго не могла уснуть и расспрашивала Дару о преподавательницах.

- Дара, а сколько лет Финегасу?

- Откуда я знаю? Я думаю, он и сам не помнит.

- Он старше профессорши Морриган?

- Не знаю. Морриганша вообще-то не такая уж старая, она не старше леди Бадб.

- Ты шутишь? Леди Бадб еще совсем молодая!

- Как же, молодая! Да если хочешь знать, все три мои тетки, старые ведьмы, у нее учились, когда были девчонками.

- Не может быть! Она выглядит только чуть-чуть старше, чем мисс Морген или мисс МакДональд.

- Как хочет, так и выглядит. В сидах кто не хочет стареть, тот и не стареет.

- А почему же тогда профессор Морриган и Финегас выглядят, как настоящие старик со старухой?

- Да ну тебя, как хотят, так и выглядят! Они выше того, чтобы постоянно поддерживать себя в

молодой форме: они считают, что в облике стариков они получают больше уважения от окружающих.

- Морриган похожа на большую ворону, - задумчиво произнесла Аннушка.

- Ничего удивительного: она очень любит оборачиваться вороной.

- Ты шутишь?

- Сама когда-нибудь увидишь. Спи! Аннушка прекратила расспросы, но уснуть еще долго не могла, раздумывая, куда же это она попала, что за странности такие все время вокруг нее происходят. Лежала она, переживала, размышляла, а вот о вечерней молитве так и не вспомнила.

Глава 6

Келпи отдыхали в субботу, а последний день школьной недели, пятница, был посвящен внешним урокам. Аннушка была этому очень рада, потому что за неделю очень утомилась от всех этих магических дисциплин, особенно от людоведения. Людоведка миссис Этлин Балор, которую келпинки за глаза звали, конечно, «людоедкой», с таким невыносимым презрением говорила о «быдле», то есть об обыкновенных людях, что Аннушке часто хотелось просто встать и уйти с урока. Она надеялась хоть в пятницу отдохнуть, и так оно и вышло.

В пятницу первым уроком у первокурсниц была математика, вела ее какая-то перепуганная толстушка в толстых роговых очках по имени мисс Бармбрейк, невесть как угодившая на работу в Келпи. Вторым был урок английского языка, и пожилая преподавательница миссис Плумбери объясняла келпинкам такие простые правила английской грамматики, которые даже Аннушка хорошо знала. Кроме Аннушки, только принцесса Ясмин решала обыкновенные уравнения с нормальными неизвестными и писала диктант на уроке миссис Плумбери; остальные келпинки переговаривались, листали журналы, заучивали первое заклинание левитации, красили ногти на руках и ногах, вставали и выходили из класса, а потом снова приходили и садились на место, даже не извинившись, и вообще делали что хотели. Бедные училки-быдлички боялись даже поглядеть в их сторону, чтобы нечаянно не сделать им замечание.

Третьим уроком была английская литература. Преподавала ее молодая леди, похожая на Мэри Поппинс из детской книжки, а звали ее мисс Дживс. Она принесла на урок толстую папку из красной кожи и объявила:

- Дорогие ведьмочки, мне удалось раздобыть для вас нечто потрясающее - копию рукописи одной изумительной книги. Мы будем читать ее вслух: первую главу прочту я, потом вы станете читать по очереди, а закончив читать эту замечательную книгу, мы все вместе ее обсудим...

- Вот еще! - фыркнула Милли Милн. - И не дождетесь, миссис Дживс! Сами читайте свою замечательную книгу.

- Можете читать ее нашим зубрилкам Юлианне и Ясмин, они уже приготовились слушать, - заявила Филида Стэнли и демонстративно выложила на стол большой журнал мод.

- Если кому-то в Келпи хочется читать быдловские книжки, он мог бы делать это в специальном зале нашей библиотеки, - высокомерно заметила Кэтлин Монтегю. - Лично я туда никогда не заглядываю.

- А ты вообще редко в книги заглядываешь - это опасно для твоих мозговых извилин, - съехидничала Алисон О'Брайен.

- Не беспокойся, Алисон, у меня достаточно крепкие извилины, - высокомерно ответила Кэтлин.

- Угу, особенно левая, - любезно согласилась Алисон.

- Я буду слушать, мисс Дживс, - сказала Ясмин, чтобы прекратить перепалку.

- И я тоже! - поддержала ее Аннущка, сложила руки на столе перед собой и приняла вид прилежный и внимательный. Ей было жаль молодую учительницу.

- Можете читать этим двум недотепам, мисс Дживс, только, пожалуйста, не слишком громко, - снизошла Филида Стэнли.

- Чтобы не мешать остальным заниматься делом, - пояснила Кэтлин.

А Мэри и Милли промолчали. Но не потому, что собирались слушать книгу, а потому что уже занялись игрой в трик-трак. Сдвинув свои столики, они как раз разложили доску, расставили шашки и приготовились бросать кости.

- Как хотите, мои дорогие, - без малейшего видимого огорчения сказала мисс Дживс и открыла папку. - «Дневник юной ведьмы», - прочла она.

- Вау! - завопили келпинки. - Мы тоже будем слушать, мисс Дживс! Читайте для всех!

Были забыты и журналы, и трик-трак, и косметика - все сидели и, затаив дыхание, весь урок слушали о приключениях маленькой ведьмы. На первых страницах своего дневника двенадцатилетняя девочка-сирота Эби Финн жаловалась, как трудно ей приходится в пансионе, куда она попала после смерти родителей. Эби не любит никто из воспитателей, она не дружит ни с кем из воспитанниц. Она считает, что весь мир настроен против нее и в своем дневнике описывает всех окружающих как подлых и злобных недоумков. Однажды она получает письмо от своей бабушки из Корнуолла, которая приглашает ее приехать к ней на каникулы. В Корнуолле сразу же выясняется, что бабушка Эби - ведьма, и она пригласила ее в гости для того, чтобы передать ей свое колдовское мастерство. Для Эби наступает новая счастливая жизнь. Каждый день будущая ведьма записывает свои разговоры с бабушкой и уроки колдовства, а также случившиеся с ней на каникулах необычайные происшествия, связанные с магией.

Когда ударил гонг, девочки завопили и стали упрашивать мисс Дживс почитать еще чуточку.

- Так, значит, вам понравилась книга? Что ж, меня это радует. Мы продолжим чтение ровно через неделю в это же самое время, - сказала мисс Дживс.

- А вы не могли бы оставить нам книгу, мисс Дживс? - попросила Милли. - Мы будем по вечерам читать ее вслух в нашей гостиной.

- Это невозможно, дорогие. Но скоро каждая из вас сможет приобрести свой экземпляр

«Дневника юной ведьмы». Книга уже готовится в печать. Она выйдет в начале следующего года и будет иметь сногшибательный успех. Знаменитый композитор случайно увидит у своей дочери эту книгу, заглянет в нее, увлечется и напишет мюзикл. Потом известный режиссер, обладатель нескольких Оскаров, поставит по ней фильм. Исполнительница главной роли, я пока не назову ее имени, тоже получит Оскара. При получении этой престижной премии она признается, что по ходу съемок у нее неожиданно открылся магический дар и она собирается продолжить образование в школе ведьм, – рассказывая это, мисс Дживс аккуратно складывала листы рукописи обратно в папку.

- Мисс Дживс, а откуда вы все это знаете, вы же никакая не пророчица? – подозрительно спросила Филида Стэнли.

Мисс Дживс ничуть не обиделась.

- Видишь ли, Филида, я имею честь состоять консультантом в транснациональной корпорации по продвижению «Дневника юной ведьмы». То, что я вам поведала по секрету, это не предвидение будущего, а информация о том, что запланировано нашей группой для обеспечения небывалого успеха книги. Мы этот успех не прогнозируем – мы его планируем.

- Мисс Дживс, а вдруг обычные дети не станут читать эту книгу? – спросила Аннушка.

- Ну, это вряд ли! – засмеялась мисс Дживс. – Вы не представляете, какие миллионы вложены в раскручивание этой книжки. Детей, которые не станут ее читать, будут дразнить свои же одноклассники. Книга будет печататься с продолжением, и в скором будущем школьницы будут соревноваться между собой, кто быстрее соберет все выпуски «Дневника». А родители станут послушно их покупать, чтобы отпрыски не сочли их отсталыми. В магазинах появятся куклы Эби, дети станут носить майки с ее портретами. Уже совсем скоро Эби начнет завоевывать мир. Все, крошки, чао!

- Уау! – завопили разочарованные девочки, но мисс Дживс уже скрылась за дверь вместе с драгоценной рукописью.

Потом был перерыв, и все, как обычно, пошли в Каминный зал на обед.

- Ну, как прошли внешние уроки? – спросила Дара, подсаживаясь к Аннушке за их столик. – Здорово изводили училок-быдлилок?

- Еще как! На первых двух уроках занимались по-настоящему только мы с Ясмин. Но на последнем, это была английская литература, порядок был полный, и все слушали учительницу.

- Порядок на внешнем уроке? Такого в Келпи не бывает!

- А вот в нашем классе было.

- Чем же вы занимались?

- Мисс Дживс читала нам вслух книжку про маленькую ведьму.

- Интересную?

- Если честно – не очень. Эта ведьма Эби еще совсем маленькая, а уже такая злоющая, прямо слова никто не скажи. Она мстительная, какая-то нервная и жутко гордая.

- Очень реалистичная книжка: настоящая маленькая ведьма такой и должна быть. Правильно говорит профессор Морриган, эта новенькая преподавательница подает надежды.

- Ну, не знаю... - протянула Аннушка.

После обеда было еще два урока. Географию вела старушка миссис Смит, которую опять никто не слушал, кроме Аннушки и Ясмин, а после географии была история Ирландии. Вела историю молодая преподавательница мисс Гвинн, по виду совсем свеженькая выпускница университета. И опять Аннушке и Ясмин было интересно, а другим - нет, и даже все «айриш» урок дружно игнорировали. Когда прозвучал колокол и класс был отпущен, келпинки так и вылетели за дверь. Остались только принцесса, Аннушка и сама мисс Гвинн.

- Вы что, девочки? - спросила она испуганно. - Почему вы не идете отдыхать?

- А разве вы не дадите нам домашнее задание?

- Домашнее задание? А, ну да... Прочтите первую главу из учебника, а если будет желание, загляните и во вторую. На следующем уроке, если захотите, можете поднять руки и ответить. До свидания! - И мисс Гвинн торопливо свернула в трубку карту Ирландии, запихала в сумку учебник и быстро удалилась.

Ясмин с сожалением поглядела вслед учительнице, вздохнула и стала складывать книги в рюкзак.

- Тебе тоже понравился урок истории, Ясмин? - спросила Аннушка.

- Да. И урок математики, и английский, - ответила принцесса и снова села за свой стол, будто приглашая Аннушку не торопиться покидать класс. - Честно говоря, мне только «Дневник юной ведьмы» не понравился. И так вокруг целый день ведьмы крутятся, еще и читать про них... А вообще, если не считать урока мисс Дживс, мне даже жалко, что этот единственный нормальный школьный день так быстро закончился.

- Тебе не нравятся уроки колдовства, Ясмин?

- А зачем они мне? Я вовсе не собираюсь становиться ведьмой, я просто хотела получить достойное европейское образование.

- Разве у вас в стране плохие школы?

- Не знаю. Я никогда в школу не ходила.

Мы с сестрами учились дома, и все учителя жили вместе с нами во дворце. Но я выросла, и отец решил отправить меня учиться за границу, как это принято в наших высокопоставленных семьях.

- А почему для тебя выбрали Келпи?

- Потому что это была самая дорогая школа из списка, который отцу доставили из Европы. Самая дорогая и самая закрытая. Ему так посоветовал один из его советников, магрибинец. Я подозреваю, что этот советник и сам колдун.

- Вот как... Понятно. Ну, пошли, а то сейчас, наверно, боуги придут убирать класс: смотри, как намусорили девочки!

- Да, пора идти...

Аннушка видела, что Ясмин медлит, будто не хочет уходить из класса. Или?.. Да, решила Аннушка, ей одиноко, этой красавице-принцессе.

- А пошли купаться, Ясмин? - предложила она.

- Пойдем! Мне совсем не хочется сидеть одной в своих комнатах. Только я должна зайти к себе за купальником.

- Знаешь, тут почти все девчонки купаются голыми, как в бане. В Келпи ведь нет мужчин, а Финегас не в счет - он из библиотеки выходит только на уроки.

- Да, я знаю. Но у нас так не принято, и я не привыкла.

- Ладно, пошли к тебе. Твои служанки не будут против?

- Да что ты! Они все для меня делают, стараются меня развлекать и баловать, только мне с ними ужасно скучно. Боюсь, они уже ждут меня, чтобы проводить домой с уроков.

Они вышли за дверь класса, и тут их действительно поджидали две закутанные в покрывала женские фигуры. Обе служанки поклонились, одна пошла впереди, а другая замыкала шествие. И ни одна из них не произнесла ни слова.

- Вот так они всегда, - пожаловалась Ясмин. - Дома я на это внимания не обращала, нас ведь много у отца, и нам было весело. А тут я прямо с ума схожу от скуки.

- Они что, всегда молчат?

- Ну да. Они так воспитаны. Они болтают только между собой, когда думают, что я их не слышу. Мне вообще здесь ужасно тоскливо...

- Так ты точно не хочешь стать колдуньей?

- Конечно, нет! Королевская дочь - и вдруг какая-то колдунья. У нас колдовством промышляют нищие старики и старухи на базарах. Я уйду из этой школы, как только смогу. Жаль, что нельзя это сделать прямо сейчас.

- Почему нельзя?

- Мой отец-король тяжело болен, и я не хочу его огорчать. Он уверен, что хорошо позаботился о моем будущем, послав меня в Келпи. Пусть он думает, что я здесь счастлива и всем довольна. У него и так забот выше короны...

- Я тебя понимаю. Мне тоже тут не нравится, но нельзя огорчать папу и бабушку. А главное - мою сестру.

- У тебя одна сестра?

- Да, она у меня одна-единственная.

- Понятно... Вот мы и пришли. Проходи, пожалуйста!

Апартаменты принцессы внутри были похожи на восточный дворец: повсюду ковры, яркие

пестрые занавеси, диваны с круглыми валиками, золотая и серебряная посуда на низеньких столиках. Тут же шныряли боуги, которых служанки гоняли, словно надоедливых котов. Купальник, совсем простенький, черный, закрытый, был служанками торжественно вынесен и вручен принцессе вместе с купальным халатом и двумя пляжными полотенцами. Девочки отправились купаться уже без служанок.

Они наплавались, вволю попрыгали и покатались со спины фонтанного кита, а потом улеглись на песке. И тут они продолжили разговор по душам.

- Твое имя Ясмин значит «жасмин», такой душистый цветок, да?

- Да.

- Можно я так и буду тебя звать - Жасмин? Ты не обидишься?

- Мне это будет приятно. А твое имя что значит?

- А мое имя значит, что я очень люблю мою сестру! Вообще-то меня зовут Анна, но у меня есть сестра-близнец Юлия, и вот наш папа придумал нас обеих звать Юлианнами, чтобы не путаться, где у него Юлия, а где Анна. Я решила в Келпи зваться Юлианной, как будто моя сестра все время со мной. Ты чего смеешься, Жасмин?

- У меня пять сестер, и я всех их очень люблю: вот я и представила себе, как будет звучать мое имя, если присоединить к нему имена всех моих младших сестричек!

- А ты в семье старшая?

- Да. У меня есть еще четырнадцать братьев, и они все тоже младшие.

- Так много детей! У твоего отца, наверно, гарем?

- Нет, по нашей вере нельзя иметь больше одной жены. Мой отец женился довольно поздно, ведь он был младшим принцем. Но зато наша мать рожала каждый год, пока не умерла при родах моей самой младшей сестренки.

- Твой отец, наверно, тоже всех детей путает, хоть они и не близнецы?

- У него как раз три старших сына - близнецы. Отец из-за этого страшно переживает.

- Потому что путает их?

- Нет, потому что никак не может выбрать среди них наследного принца.

- Ну, это же так просто: кто-то ведь старше остальных хоть на минуточку! Неужели никто не запомнил, кто из принцев родился первым?

- Нет. Когда они родились, мой отец сам еще не был наследным принцем, так что не имело значения, кто из близнецов шестого королевского сына родился первым. А потом у нас была гражданская война, все старшие братья отца погибли, и он неожиданно стал королем. Вот тут-то и возникла проблема престолонаследия.

- Жуткая история!

- Еще бы! Отец боится, что когда он умрет, в стране опять начнутся беспорядки с

наследованием, дворцовые перевороты, а может быть, даже гражданская война. Еще бы – три законных наследных принца и еще одиннадцать возможных претендентов! А страна у нас хоть и богатая, но маленькая: еще одна гражданская война – и победителю нечем будет править, в стране останутся только король и нефть...

Ясмин печально глядела на озеро, в котором плескались келпинки и русалки. Над ними стремительно носились стайки фей, норовя на лету дернуть купающихся девчонок за мокрые волосы, а те сбивали их водой.

- Жасмин, а ты уже выбрала факультативный предмет? – спросила Аннуншка.

- Нет. Я же ничего в этих колдовских дисциплинах не понимаю. А это обязательно – выбирать?

- Дара, моя подружка по комнате, говорит, что обязательно.

- А ты сама выбрала?

- Да. Я буду изучать целительство.

- Медицину? Есть такой факультативный предмет?

- Целительство – это не совсем медицина. Это, знаешь, всякие древние способы врачевания. Они, кстати, сейчас снова входят в моду.

- И на этих уроках действительно можно будет научиться лечить людей?

- Я видела учебники целительства. Если верить названиям, получается, что с помощью альтернативной медицины можно запросто лечить самые страшные болезни – рак, например. Говорят, у моей бабушки рак. Вот я и хочу изучить целительство, чтобы вылечить ее.

- Знаешь, Юлианна, я подозреваю, что у моего отца тоже какая-то страшная болезнь. Его все лечат, лечат, приглашают врачей со всего мира, а лучше ему не становится. Пожалуй, я тоже запишусь на целительство.

- Здорово! Будем вместе учиться лечить людей с помощью альтернативной медицины. Я так рада! Мы хоть чему-то полезному в этой подозрительной школе научимся, а то все заклинания да заговоры, будто мы заговорщики какие-нибудь...

- Я тоже очень рада, Юлианна. Я с первого дня чувствовала себя такой одинокой в Келпи, что мне все время хотелось отсюда бежать.

- Убежать отсюда невозможно.

- Это я уже поняла. Для того нас и вводили в сид с завязанными глазами. Но мои служанки мне рассказали обо всем, что видели: им-то ведь никто глаза не завязывал, они же несли мои чемоданы.

- Ой, Жасмин, расскажешь, что они там видели?

- Да пожалуйста! Сначала был лабиринт...

- Это я помню. Через лабиринт я шла с открытыми глазами, мне их завязали как раз в конце лабиринта.

- Да? А мне надели повязку еще в гараже. Служанки говорят, что в коридорах лабиринта им мерещились всякие страшные вещи, какие-то тени преследовали их. Но служанок никто не тронул, потому что их вели боуги. В конце лабиринта железная дверь.

- А что за нею?

- За нею каменный ров, а в нем полно раскаленных углей и горячего пепла. Над этим рвом проложен железный мост. Когда мои служанки по нему проходили, они видели, как из пещеры в стене рва высунулась голова огромного дракона. Он поглядел на них и зевнул - они жутко перепугались! Они говорят, что пасть у него была как огромный камин с пылающими углями.

- Понятно. Это дракон, который отапливает Келпи. Его зовут Диамат, сын Тиамат. А дальше что было?

- А дальше был еще один ров, но уже с водой, и там плавали огромные белые змеи. Это были ламии. У ламий на змеиных телах женские головы, но они слепые: наверно, потому, что живут в темноте. Служанки говорят, что боуги отгоняли их светом карманных фонариков, пока они переходили через мост. Ламии боятся света и к мосту не приближались, только издали разевали рты и шипели.

- Да, я помню, как мы шли по мосту через водяной ров - там было сыро и кто-то плескался и пыхтел в воде.

- Вот это они и были, ламии.

- В общем, получается, что мы тут заперты, в этом холме, да нас еще сторожат всякие страшилища!

- Может, они нас не сторожат, а охраняют?

- Это одно и то же. Некоторые папины друзья тоже вот так живут: заборы как кремлевская стена, железные ворота с окошками, телеэкран над входом. Прямо как будто сами себя в тюрьму засадили! Жуть, правда?

- Не знаю, я к такому дома привыкла, наш дворец тоже охраняется. А ты что, и вправду хотела бы отсюда выйти? - Ясмин с интересом поглядела на Аннушку.

- Не знаю. Мне вообще-то не нравится, что меня держат взаперти и сторожат. Но придется терпеть до каникул. Вот на каникулах... - Аннушка хотела сказать, что на каникулах они с Юлькой смогут снова разменяться, но вспомнила про бабушку и нахмурилась. - Знаешь, мне все-таки надо пройти курс целительства. Но сколько же тут, в Келпи, страшного и непонятного!

- Да, все это очень похоже на затянувшийся Хэллоуин

.

- А ты когда-нибудь видела настоящий Хэллоуин?

- Да, видела. Мы с братьями как-то попали в Европу как раз во время этого праздника.

- И что, это весело?

- Нет, что в нем может быть веселого? Это же праздник нечистой силы.

- Интересно, а в Келпи Хэллоуин справляют?

- Наверняка справляют, уж очень место подходящее.

Неожиданно над ними раздался голос Дары, и в голосе этом прозвучал металл:

- В Келпи, к твоему сведению, принцесса нафталиновая, справляют Самхэйн, а не Хэллоуин. Хэллоуин - это для быдликов вроде тебя. Ну, ты долго намерена тут прохлаждаться, Юлианна? Пошли в Норку: там боуги наши сапоги принесли. А еще мне срочно нужно с тобой посоветоваться по одному важному делу.

Аннушка не стала спорить и поднялась. Она видела, что Дара ревнует ее к Ясмин и злится. Это Аннушку огорчило: Дара была с первого дня так добра к ней...

- Пока, Ясмин! За ужином увидимся! - сказала она погрузневшей Ясмин и послушно пошла за Дарой. И все же она была довольна, что теперь в Келпи у нее появились уже две подружки.

- Какое у тебя важное дело? - спросила Аннушка, когда они с Дарой пришли в Норку.

- Важное дело?.. Ах, да! Я хотела с тобой посоветоваться, какую ленточку мне лучше подвязать Бильбо - красную или зеленую?

Аннушка вспомнила, как точно так же спрашивала у нее Юлька: какого цвета бантик прикрепить к волосам - розовый или желтенький? Она улыбнулась, но к глазам подступили слезы... Юлька тогда еще с каким-то другом советовалась, и тот будто бы предложил выбрать желтый. «Кто же это был, ведь не Юрик же?» - не могла вспомнить Аннушка. Но она посоветовала Даре:

- Привяжи Бильбо желтенькую ленточку: это будет и красиво, и заметно на коричневом фоне.

- Умница, Юлианна, у тебя такой хороший вкус! Я так и сделаю.

Дара до самого ужина возилась с Бильбо, поминутно обращаясь к Аннушке:

- Погляди, разве он не лапушка? Разве он не котик?

- Какой же он котик - он кролик! - смеялась Аннушка. - Хоть и похож на коричневого котяру мисс Морген.

- А вот как раз котяра мисс Морген вовсе не кот, а брауни.

- Ну да, я знаю: кот по имени Брауни.

- Не-а. Он брауни, который любит на людях принимать вид кота. Брауни - это домовый. Мисс Морген привезла его из Шотландии.

- Да, Финегас что-то такое говорил... Но твой-то Бильбо, надеюсь, настоящий кролик или тоже какой-нибудь притворяшка?

- Бильбо, к сожалению, самый обыкновенный кролик. Я его спасла в тот день, когда меня в первый раз привезли в Келпи. Бильбо приехал со мной в одной машине: его привезли в клетке вместе с другими кроликами на корм Келпи. Когда кроликов выпустили и Келпи бросилась их ловить, глупый маленький Бильбо с перепугу прыгнул прямо ко мне на руки. Разве можно было отдать его на съедение? Я спрятала его под куртку, и Келпи его не заметила. Потом леди Бадб

разрешила мне его оставить: она сказала, что Бильбо еще пригодится в Келпи.

- Зачем же ты кормишь эту злобную Келпи сосисками, если она чуть не сожрала твоего Бильбо?

- Не понимаешь?

- Нет.

- Это я ее задабриваю, чтобы она больше никогда не вздумала охотиться на Бильбо.

- Ты что, собираешься выходить из сида на прогулку с Бильбо?

- Конечно, не собираюсь! Но мало ли что...

- Послушай, Дара, а что, наши келпинки так и сидят взаперти в этом холме до самых каникул?

- С чего ты взяла? Нет, мы иногда выходим из сида. Во время Хэллоуина, например, мы всегда ездим в ближайший городок на праздник. Знаешь, как там весело! Мы гуляем по ярмарке, участвуем в процессии ряженых, пристаем к прохожим, а вечером жжем костры вместе с горожанами. Только по-ихнему это Хэллоуин, а по-нашему - Самхэйн.

- Подожди-ка. Значит, получается, я тоже могу выйти из сида?

- Ну да, вместе со всеми.

- А одна могу?

- Зачем это тебе? - удивилась Дара.

- Ну... окрестностями полюбоваться.

- Тут нет никаких окрестностей, одна голая природа кругом. Вот ракиты начнут облетать, и профессор Морриган поведет первокурсниц на берег за прутьями для метел. Правда, не знаю, захочется ли тебе тогда любоваться окрестностями!

- А что, разве это так трудно - резать прутья?

- Еще как! Потому-то у каждой ведьмы обычно бывает только одна полетная метла. Ну, пока учишься, конечно, изведешь две-три учебные метлы, но настоящую полноценную метлу обычно удается смастерить только под конец учебы.

- Неужели так трудно сделать обыкновенную метлу? Подумаешь, изобретение всех времен и народов!

- Это ты правильно заметила, Юлианна,

- Дара зажала Бильбо между колен и задумчиво разглаживала желтый бантик у него на шее.

- Подумать только, у всех народов во все времена были метлы, а ведьмы и колдуны умели их использовать для полетов.

- А у тебя есть своя полетная метла, Дара?

- Конечно, есть. В шкафу на вешалке висит.
- Дашь прокатиться?
- Не-а.
- Почему?
- Настоящая ведьма никому не доверяет свою метлу.
- Понятно...
- Пошли ужинать.
- Пойдем.

За ужином Дара то и дело косилась в сторону одиноко сидящей за своим столом Ясмин.

- Не нравится мне эта твоя принцесса, - наконец призналась она.
- Почему это?
- Скучная какая-то, неинтересная. Вот послушай:

Дева из королевства Нафтания и глупа, и скучна, как литания

.

Знать, король Нафталин не сумел дать ей, блин, надлежащего воспитания.

Аннушка помолчала, потом спросила:

- Что такое «литания»?
- Понятия не имею, но знаю: что-то очень занудное.

Аннушка опять замолчала.

- Тебе не очень нравится мой лимерик? - жалобно спросила Дара.
- Совсем не нравится, - сказала Аннушка, встала и пошла к лифту.

Ракиты начали облетать в октябре. К этому времени первокурсницы уже научились разбирать на прутики и снова собирать учебную модель полетной метлы. Труднее всего было учить заклинания в стихах, с которыми положено резать прутья для метел, причем на гэльском языке. На последнем уроке была проверка усвоенных знаний.

- Мэри О'Кейси, почему каждая уважающая себя ведьма должна собственноручно изготовить для себя полетную метлу? - спросила профессор Морриган.- Это для того, профессор, чтобы на ней не могли летать посторонние. Собственноручно сделанная метла слушается только свою хозяйку. Плоха та ведьма, которая летает на чужой метле!

- Правильно, Мэри: не на свою метлу не садись! Следующий вопрос, девицы. Почему каждый прут надо выбрать и срезать по отдельности, прочитав перед тем Первое заклинание метлы? Казалось бы, можно нарезать прутья как попало, даже купить их на рынке, а уже потом

прочесть заклинания над всеми сразу. Кэтлин Монтегю, прошу!

- Заклинание читается над каждым отдельным прутом для того, чтобы увеличить силу тяги, профессор.

- Отлично, Кэтлин. Сколько должно быть прутьев в хвостовом оперении обычной метлы, Юлианна Мишина?

- Шестьдесят шесть, профессор.

- Хорошо, Юлианна. Милли Милн, прочти нам, пожалуйста, Первое заклинание метлы.

Милли Милн встала, закрыла глаза и заголосила торжественно и заунывно:

О, подруга красная Ракита, не качайся предо мной сердито, не дрожи, как робкая Осина
Уступи мне, о Ракита, сына!

Ждет его завидная судьбина:

станет сын твой быстрым и летучим, будет он, перегоняя тучи, с ветерком летать по
поднебесью, распевая радостную песню; примут его в крепкие объятья новые ракитовые
братья.

Отпускаешь ты со мной сыночка?

Ну и ладно, ну и славно, ну и точка.

- Сколько раз каждая из вас должна повторить эту первую песнь, Алисон ОБрайен?

- Шестьдесят шесть раз, профессор!

- Это в теории, а на практике получается гораздо больше. Помните, девицы, что бракованных прутьев я не приму, так что советую заготовить их с запасом. В общем, хочу предупредить вас, что времени на срезку прутьев у первокурсниц уходит много и справиться с этим сложным делом за одно воскресенье мало кому удается.

«Вот и хорошо, - подумала Аннушка, - хоть погляжу как следует, что там на воле делается».

В субботу все первокурсницы отдыхали и готовились к походу. В воскресенье утром, когда все другие ученицы пошли завтракать в Каминный зал, у первокурсниц завтрака не было, а, наоборот, был объявлен строжайший пост, нельзя было выпить даже глоток воды. Сразу после первого гонга профессор Морриган собрала первокурсниц в гостиной. На одном из столов лежало семь серых холщовых комбинезонов и столько же изрядно потрепанных брезентовых курток, а под столом стояло семь пар цветных резиновых сапог, тоже не слишком новых, некоторые даже с заплатками из резины другого цвета. На маленьком столике лежало семь складных ножей и семь крупных брошек, выточенных из белой кости: брошки изображали лошадку Келпи. Все они были пожелтевшие и потрескавшиеся от старости.

- Слушайте меня внимательно, девицы! Приколите эти брошки-значки на куртки и следите за тем, чтобы они были на виду, когда вы встретитесь с Келпи. Со мной она вас не тронет, но никому из вас не советую встречаться с Келпи один на один без опознавательного знака.

Когда позевывающие первокурсницы натянули комбинезоны и сапоги, надели куртки и приколотили к ним значки, профессорша велела всем следовать за ней. На лифте они спустились

в сад и через него пошли к выходу. Когда подошли к железным дверям, профессор Морриган достала из сумки семь платков и приказала келпинкам самим завязать себе глаза и построиться цепочкой, положив руку на плечо впереди идущей ученицы: во второй руке каждая несла сумку для прутьев. Первой, держась за руку профессорши, шла ее любимица Милли Милн, замыкала шествие Аннушка, а перед нею шла Ясмин. Они миновали логово дракона Диамата, потом перешли ров с чудищами-ламиями. Сдвинуть повязку, чтобы подглядеть, Аннушка не могла, ведь у нее обе руки были заняты, но прислушивалась она старательно. И услышала скрежет гари под когтями дракона, его вздох, от которого на них пахнуло жаром, а когда проходили по мосту через ров, она услышала не только плеск и пыхтение ламий, но и явственный шепот:

- С-с-семеро вкус-с-сных, с-сочных де-виц-ц-ц... Закус-с-сить бы...

- Прочь! - негромко сказала профессор Морриган, и шепот затих, а плеск удалился.

Потом в полной тишине прошли лабиринт. Лязгнула еще одна дверь, и келпинкам было велено снять повязки и убрать их в сумки: теперь они уже были в гараже. Они прошли мимо машин и автобуса и остановились перед дверью с надписью «Выход». Профессор Морриган достала из сумки пластиковую карточку и сунула ее в едва заметную щель в камне: обе половинки двери разошлись в стороны и выход из сида Келпи открылся. Они вышли из холма, и двери за ними тотчас снова сомкнулись, став незаметными на каменистом склоне.

Только оказавшись на воле, Аннушка поняла, что воздух в сида какой-то неправильный, а солнечный свет - ненастоящий. Она даже задохнулась слегка на прохладном и влажном озерном ветерке, а глазам стало больно от света, хотя как раз в эти минуты солнце пряталось за облаками.

Хрустя гравием дороги, к ним подбежала Келпи.

- Келпи! Привет, Келпи! - радостно закричали келпинки и замахали руками.

Профессор достала из сумки пакет с сырыми бифштексами и по одному стала бросать их лошадке: та ловила их на лету и заглатывала.

- Тут все свои, Келпи, - сказала Морриган, - можешь не беспокоиться. А бифштексов больше нет - отправляйся ловить голубей и кроликов!

Профессорша повела первокурсниц по дороге в обход озера. Они дошли до вытекавшей из озера речки и пошли по берегу. Сначала поток был узким, быстрым и пенистым, но потом холмы начали снижаться, и он превратился в широкую и спокойную реку. Шли долго, часа два, не меньше, и в конце концов дошли до сплошных зарослей ракитника.

- Теперь внимание, девицы! - сказала профессор. - Отсюда мы начнем расходиться. Помните правило: никто не имеет права слышать заклинания других учениц. Вы должны разойтись так далеко, чтобы даже голоса друг друга не слышать.

- А почему, профессор? - спросила Филида Стэнли. - Мы ведь все читаем один и тот же текст.

- Если сокурсница услышит ваше заклинание, она сможет в будущем воспользоваться вашей метлой. Помните, каждый отдельный прутик метлы должен подчиняться только вашему голосу! Ясно, Филида?

- Ясно. А можно я начну резать прямо здесь?

- Пожалуйста. Ни метлы тебе, ни прутика, Филида!

- К черту, профессор, – вежливо ответила Филида.

- И помни, Филида: с одного куста – только один прут! А мы все пойдем дальше и найдем правильное место для нашей Милли. Филида, не начинай работу, пока не перестанешь слышать мой оклик!

- Я поняла, профессор.

Филида осталась, а остальные пошли дальше по тропинке вдоль раakitника. Отойдя на порядочное расстояние, профессор Морриган остановилась и позвала:

- Филида Стэнли! Ты слышишь меня?

- Слы-шу-у! – раздался приглушенный расстоянием голос Филиды.

- Значит, нам надо идти дальше. Все заклинание Милли на таком расстоянии, конечно, не услышит, но зато услышит раакита. У растений очень тонкий слух, и они недаром шепчутся с ветром. Лучше всего отойти подальше: неожиданный ветерок может донести сюда отдельные слова, раакитовые прутья их усвоят, и в результате метла Милли будет иногда исполнять команды, которые Филида отдаст своей метле. Это особенно неудобно во время совместных полетов – в бою и на шабаше, например. Вперед, девицы!

Отошли еще примерно с полкилометра, и профессор снова громко окликнула Филиду. На этот раз ответом ей было молчание.

- Прекрасно. Здесь мы оставим Милли, а сами пойдем дальше.

Когда все келпинки, кроме Аннущки и Ясмин, получили свои места в раакитнике, Аннущка уже спотыкалась от усталости. И вот настала очередь Ясмин.

- Профессор, а можно мы с Юлианной будем резать прутья вдвоем? Мы доверяем друг другу. Правда, Юлианна?

- Конечно, правда! – Аннущка обрадовалась и с надеждой поглядела на профессоршу. – Можно, профессор?

- Ни в коем случае! – резко сказала профессор Морриган. – Учитесь исполнять магические правила безукоризненно и скрупулезно. Сегодня в мире и без вас полно ведьм-недоучек, целителей-коновалов, предсказателей-пустословов и не знающих математики астрологов. Еще куда ни шло, если ведьма-недоучка вредит своему клиенту, но ведь она и самой себе повредить может! А еще запомните, Юлианна и Ясмин: ведьмы не дружат – ведьмы сотрудничают. Изредка. Такое сотрудничество продолжается лишь до тех пор, пока одна другую, как говорится, «за метлу не дернет». А это рано или поздно случается, таков уж наш колдовской характер. В общем, Ясмин остается здесь и готовится работать, а мы с тобой, Юлианна, идем дальше. – И профессор Морриган решительным шагом двинулась вперед.

Усталая и недовольная Аннущка поплелась за нею. Пришлось тащиться еще с километр, пока профессорша наконец остановилась, сложила руки рупором и принялась звать Ясмин.

- Не отвечает. Ну вот, можешь начинать работу, Юлианна. Я прилечу за тобой, когда пора будет возвращаться в Келпи. Ни метлы, ни прутика!

- К черту! - с запинкой произнесла Аннушка. Она слышала, что все келпинки именно так отвечали на пожелание преподавательницы, но все-таки ужасно неловко было посылать к черту пожилую женщину, да еще профессора.

- Почему ты мне так невежливо отвечаешь, Юлианна Мишина? Ты разве не знаешь, что должна сказать: «К черту, профессор»?

Аннушка послала Морриган к черту еще раз, но уже с добавлением академического звания.

Она подошла к ближайшему кусту ракиты и стала выбирать прут. Нашла подходящий и оглянулась на профессора Морриган, чтобы спросить, правильно ли она выбрала первый прут. Но на дороге уже никого не было, только большая черная ворона летела в сторону Келпи, взмахивая растрепанными на ветру крыльями.

Глава 7

В воскресенье после литургии отец Василий, священник православной церкви в Дублине, сказал своей жене, матушке Елене:

- Матушка, не хочешь ли проехаться со мной на дачу?

- Что ты такое говоришь, отец Василий, мне же завтра с утра на работу! Да и что ты там забыл, на даче-то?

- А я, если честно сказать, и сам не знаю, что я там забыл. Но чудится мне, что оставил я на даче что-то очень важное, даже ночью несколько раз просыпался с мыслью: «Надо ехать на дачу». В алтарь сегодня вошел, а помысел не отступает: на дачу ехать надо!

Не иначе Ангел Хранитель на ухо шепчет.

А между прочим, так оно и было. Ангел Василиус стоял рядом с батюшкой в алтаре и нашептывал ему: «Срочно поезжай на дачу, отец Василий!» Ангелу свыше было приказано посетить вместе со своим подопечным район колдовской школы Келпи. Ангелы Хранители двух православных девочек, по недоразумению попавших в школу ведьм, просят о помощи - так было сказано Ангелу.

- Ну и поезжай с Богом, отец, коли чувствуешь, что надо. Андрюшу вон возьми с собой для компании, - сказала матушка. - Он уж уши наострил, и в глазах рыбки прыгают. Хочешь, Андрюшенька, съездить на последнюю осеннюю рыбалку?

- Хочу, конечно! Пап, мне правда можно с тобой? - спросил Андрюша.

- Можно. Собирайся.

- И на лодке порыбачить отпустишь?

- Конечно, отпущу - что за рыбалка без лодки?

Матушка приготовила им в дорогу бутерброды, и отец с сыном отправились на дачу.

За ними следом, естественно, полетели их Ангелы Хранители, Василиус и Андреус.

Андрюша - четвертый, младший ребенок в семье отца Василия, трое старших были девочки; а это, между прочим, совсем не просто - быть единственным младшим братом трех сестер сразу. Пока Андрюша был маленький, сестры помогали маме нянчить младшенького и наперегонки его баловали, а когда он подрос - так же наперегонки принялись его воспитывать. Конечно, это неплохо, когда тебе, еще неграмотному, три школьницы наперебой предлагают почитать то сказку, то детские стишки, а пошел в школу - всегда готовы помочь с уроками. Но уж очень надоедали ему сестрицы с хорошими манерами: не вытирай грязные руки о рубашку, не держи их в карманах! А когда карманы свободны от рук, их все равно почему-то нельзя набивать разными полезными вещами. До того сестрицы допекали его своим воспитанием, что он, как только подрос, старался больше времени проводить не с ними, а с отцом, помогая ему в храме и по хозяйству. А еще у Андрюши была крохотная, но своя комната, где он в одиночестве что-то мастерил, читал, и сестрам не разрешалось входить к нему без стука.

Маленькая церковь Святого Патрика стояла в тесном старом центре Дублина; дома для священника при ней не было, поэтому отец Василий снимал квартиру в многоквартирном доме на окраине - так было дешевле для прихода. Поблизости от их дома совсем не было зелени, а вся семья любила природу, и потому отец Василий подкопил денег, взял в банке ссуду и купил дачу. А поскольку денег удалось собрать немного, и дача была по деньгам: внизу кухня и спальня родителей, и две комнатки наверху под крышей. Комнату побольше занимали сестры, а самую маленькую, почти чуланчик со скошенным потолком - Андрюша. Это ничего, что комнатка была маленькая, зато отдельная! К тому же, живя на даче, он почти все свое время проводил в лесу или на реке. У него даже лодка была почти своя, с отцом на двоих. Называлась она «Апостол Андрей», так и было написано белой краской по синему борту, а на корме развевался андреевский флаг - косой синий крест на белом поле.

Приехали на дачу, и отец Василий сразу же обнаружил, зачем ему надо было сюда ехать: в комнате под крышей, где летом жили дочери, перед отъездом позабыли закрыть окно; ветром окно распахнуло, в светелку налетели осы и устроили себе гнездо в углу под потолком.

- У нас тут нелегальные дачники на зиму обосновались, - сказал он сыну. - Придется их выдворять!

- Я помогу тебе, папа?

- Ни в коем случае! Я стану бояться, что они тебя покусают, и сам что-нибудь не так сделаю. Ты, Андрей, отправляйся рыбачить, а с осами я сам разберусь.

Андрюша пошел в садик добывать червей. В тенистом сыром углу под невысокой каменной оградой лежали рядком три старые доски от рухнувшего курятника, и какие же под этими черными досками водились замечательные червяки! Набрав в стеклянную банку с дырчатой крышкой десятка три червей и присыпав их землей, Андрюша завинтил крышку и сунул банку в сумку. Потом собрал удочки, весла, сложил в рюкзак пакет с бутербродами, бутылку сока, пару огурцов, книжку сказок и отправился на речку.

Минут сорок он греб вдоль берега вверх по течению, миновал сначала свою деревню, затем соседний городок, и вот уже по берегам потянулись пастбища, поля, рощицы. Тогда он пересек речку и причалил к противоположному берегу, заросшему тростником и раkitником. По всему берегу, одна за другой, стояли старые корявые ивы, уже наполовину облетевшие. Здесь у него было заветное местечко, где почти всегда был неплохой улов. Он направил «Апостола Андрея» к толстой, наполовину обломившейся иве: верхняя часть ствола когда-то свалилась вниз, да так и осталась лежать у корней родного дерева. Андрюша причалил к старой иве, привязал лодку за свисающий в воду корень, выпрыгнул на берег и вынес удочки и рюкзак. Он быстренько

насадил червей на крючки, закинул все три удочки в воду и воткнул их в мягкую черную землю на расстоянии нескольких шагов друг от друга. После этого он уселся на обломок ствола, раскрыл книгу и принялся читать. Он не боялся упустить добычу, если клюнет рыбка: на этот случай у него к верхнему концу каждой удочки был привязан колокольчик. Книжку для чтения на рыбалке он взял старую, читанную-перечитанную – «Золотую книгу сказок». Выбрал сказку «Замарашка», французский вариант «Золушки», и углубился в чтение. Обычно мальчики в его возрасте – а ему уже исполнилось двенадцать – предпочитают другие книги, чаще всего фэнтези и детективы или исторические книги о знаменитых полководцах и битвах, а вот Андрюша все еще любил сказки: что ж вы хотите – младший брат трех сестер! Читая, он сравнивал Замарашку с Золушкой, вспоминал старинный кинофильм из их домашней видеотеки, и русская Золушка из фильма ему почему-то нравилась больше. Он читал до тех пор, пока не начал накрапывать дождик. Пришлось убрать книгу в рюкзак и натянуть на голову капюшон куртки. И тут же начался клев, да какой! Колокольчики на удочках звенели один за другим, он только успевал снимать форелек и насаживать червей. Ведерко для рыбы уже наполнилось наполовину, когда дождик и клев внезапно прекратились. Андрюша снова уселся под ивой, достал пакет с едой и принялся за бутерброды.

- Добрый день, мальчик! – раздался позади него тонкий девчоночий голосок. – Ты не угостишь меня бутербродом? Я с утра ничего не ела.

Андрюша оглянулся и обомлел – перед ним была Золушка! Или Замарашка, это кому как больше нравится. Девочка в бедной одежде скромно стояла у ствола ивы, держа в руках охапку ракитовых прутьев, и застенчиво прятала за ними немного запачканное лицо.

- Здравствуй, девочка! Ну, конечно, я угощу тебя. Садись!

Девочка подошла к нему, опустила прутья на землю и уселась рядом на ивовую колоду. Андрюша протянул ей бутерброд с сыром. Бедняжка схватила его и с жадностью стала есть. У Андрюши защемило сердце – такая она была голодная и заморенная на вид.

- Апельсинового сока хочешь? Только у меня одна бутылка и нет стакана.

- Неважно! – сказала Золушка, взяла у него бутылку и мигом допила сок.

- Уф, хорошо! – вдруг сказала она по-русски. До сих пор их разговор шел по-английски.

- Ты что, русская? – спросил тоже по-русски Андрюша.

- Русская, только очень голодная, – ответила Золушка. – У тебя еще что-нибудь есть?

- Огурец...

- Ой, угости, пожалуйста!

Она захрустела огурцом, мыча от удовольствия.

- Настоящий малосольный огурец! Откуда?!

- Мы выращиваем огурцы на даче, а моя мама их солит.

- А где ваша дача? Тут кругом не видно никаких домов.

- Там, ниже по течению, есть деревня. А ты где живешь?

- Выше по течению, в Келпи. Знаешь такое место?

- Нет, не знаю. Я вообще в верховьях реки никогда не бывал. Там, говорят, есть какое-то таинственное озеро, к которому боятся ходить местные жители.

На эти слова Аннушка на всякий случай ничего не ответила.

- А тебя как зовут? - спросил мальчик.

- Юлианна Мишина.

- Как интересно!

- Чего ж тут интересного?

- А я Андрей Мишечкин.

- Здорово! Можно считать, что мы с тобой дальние родственники. А ты как попал сюда из России?

- Я тут родился. Мой отец - священник православной церкви в Дублине.

- Разве в Ирландии есть русские церкви?

- Это не русская, это Ирландская Православная Церковь. Но она еще очень молодая, ей всего полвека. Ирландцы, как и вся Европа, до десятого века были православными, а потом отделились от нас и стали католиками. Но сейчас некоторые возвращаются к православию. Дублинские прихожане захотели, чтобы у них служил опытный православный священник, и пригласили моего отца.

- Так ты что, и в России никогда не был?

- Почему не был? - слегка обиделся Андрюша. - Я каждое лето летаю к бабушке в Санкт-Петербург. А теперь ты расскажи что-нибудь про себя.

- Да мне нечего рассказывать, - сказала Аннушка и опустила голову: ей было стыдно, что она у Андрюши съела все бутерброды и выпила сок, а теперь вынуждена отмалчиваться. Но еще стыднее было бы признаться, что она учится в школе маленьких ведьм. Она чувствовала, что если сказать об этом Андрею, он вряд ли захочет водить с нею знакомство.

Андрюша был мальчик воспитанный, настаивать он не стал. Он уже слышал немало историй о мытарствах новых русских эмигрантов за границей: далеко не всем везет на чужбине. Он уже сообразил, что его новая знакомая из семьи тех, кому не повезло. Папа часто говорил, что люди едут за границу в расчете на легкую и счастливую жизнь, а встречают их там такие трудности, к каким они у себя на родине совсем не привыкли, о которых и не слыхали. Многих ждет бедность, которая сама по себе, может, и не бедность, но горька оттого, что окружена всеобщим благополучием и равнодушием.

- А эти прутья для метелок? - нарушил молчание Андрюша.

- Да. Мы из них делаем метлы. Ой, я с тобой заболталась, а мне еще эти проклятые прутья резать и резать!

- Давай я тебе помогу, у меня есть с собой ножик.

- Да ничего, я сама!

- Не спорь, Юлианна! Мне это совсем не трудно.

Андрюша решительно встал, достал из кармана перочинный нож и направился в самую гущину раkitника. Аннушке ничего не оставалось, как принять неожиданную помощь и показать мальчику, как надо правильно срезать прутья. Примерно через час дружной работы у нее уже была огромная охапка прутьев, они даже в сумке не поместились. Пришлось часть прутьев связать в отдельную вязанку.

- Хватит, Андрюша, больше мне не дотащить, - сказала Аннушка.

- Я могу донести сумку до твоего дома, - предложил мальчик.

- Что ты, что ты! Если меня с тобой увидят, мне знаешь как попадет! Спасибо тебе огромное за все - за бутерброды, за сок и огурец, и особенно за прутья. Теперь мне пора домой, а ты не вздумай идти за мной и подсматривать, куда я пойду. Слышишь, Андрей?

- Слышу. А ты еще придешь сюда за прутьями?

- Наверняка приду, - Аннушка была уверена, что ей придется собирать прутья для новой метлы, ведь почти все прутья срезаны не по правилам. - Скорее всего я буду здесь в следующее воскресенье.

Она подумала-подумала, а потом вдруг сказала:

- А еще я приду со своей школой в город на Хэллоуин. В конце месяца.

- На Хэллоуин?! Да ты что, Юлианна! Это же языческий праздник, праздник нечистой силы! Мы, православные, Хэллоуин не празднуем.

- Если бы ты пришел в город на праздник, мы могли бы встретиться... - тихо сказала Аннушка. - Я бы тебя пригласила в кафе и тоже чем-нибудь угостила.

Андрюша был тронут: такая бедная девочка продаст свои метелки, чтобы пригласить его в кафе! Он тут же пожалел о своих резких словах. У нее, подумал он, так мало радостей в жизни, а еще, наверно, неверующие друзья ее соблазнили: Хэллоуин ведь и вправду празднует весь городок. Уже сейчас повсюду продают хэллоуинские тыквы, а мальчишки и девчонки готовят костюмы ведьм, чертей, троллей и прочих нечистиков.

- Ладно, я постараюсь заглянуть в город в этот день, - сказал он. - Но не для того, конечно, чтобы любоваться на их дурацкий Хэллоуин, а специально, чтобы встретиться с тобой. Давай договоримся так: я приду в город и буду ждать тебя в пять часов возле ратуши, под башней с часами.

- Я обязательно приду, - сказала Аннушка. - А теперь прости, но я уже должна бежать. До свиданья, Андрюша, и спасибо тебе за все!

Она подхватила сумку, взвалила вязанку прутьев на плечо и скорым шагом скрылась в зарослях раkitника.

- До встречи, Юлианна! - крикнул вдогонку Андрюша, а потом тихо добавил: - До свиданья, милая Золушка...

Аннушка выбралась сквозь ракитник на дорогу и быстро пошла по ней, торопясь отойти подальше от старой ивы.

Андрюша собрал удочки, зачерпнул в ведро с рыбами свежей воды, погрузил все в лодку и поплыл вниз по течению.

Дорога поднималась вверх, и оглядываясь, Аннушка еще некоторое время видела маленькую синюю лодочку с андреевским флагом на корме, быстро плывущую вниз по течению. Потом река повернула, и лодка скрылась за поворотом.

И тут же Аннушка увидела Ясмин: бедная принцесса сидела на кочке и плакала, а перед нею на земле лежало пять или семь жалких прутьков. Она подошла к ней и бросила на землю сумку и вязанку.

- Ты чего, Жасминчик?

- У меня ничего не получается с этими прутьями! Я почти сразу же порезала палец, а слова заклинания все вылетели у меня из головы!

- Не горюй, принцесса! Ты только взгляни, сколько у меня прутьев! Тут на две полноценных метлы хватит и еще останется.

- Ой, Юлианна, как ты сумела столько прутьев нарезать? Тебе что, добрая фея помогала?

- Нет, конечно: стану я связываться со всякими феями! Но мне действительно помогли - я потом тебе все расскажу. А сейчас пошли скорей к остальным, нам ведь дальше всех шагать.

- А давай мы не будем торопиться, Юлианна.

- Устала, да?

- Нет, не устала. С чего мне было уставать? Просто мне надо с тобой поговорить, но так, чтобы нас никто не слышал.

Ясмин положила в свою сумку Аннушкину вязанку, и они потихоньку пошли по дороге вдоль реки.

Над ними летели Иоанн и Ясменник.

- Послушай, Юлианна, скажи мне откровенно, тебе нравится учиться в Келпи?

Аннушка глубоко вздохнула и сказала:

- Я сегодня встретила с нормальным человеком, так мне стыдно было сказать, где я учусь.

- Наконец-то моя девочка просыпается! - сказал Ангел Иоанн Ясменнику. Он опустился на землю и положил руку на Аннушкино плечо. Ясменник тоже спланировал вниз и пошел рядом с принцессой.

- А что тебе не нравится в Келпи?

- Понимаешь, Жасминчик, сначала я просто ничего не понимала, думала, что все дело в моем плохом английском.

- Он у тебя не такой уж плохой.

- Да, вроде бы так, но не в этом дело. Я очень скоро поняла, куда я попала. Я еще в России знала, что это какая-то необыкновенная школа. Но она какая-то... чересчур необыкновенная! И знаешь, я стала просто уставать от всего этого колдовства.

- И я. Я такая усталая все время, как после гриппа.

- Нет, ты мне скажи, Жасмин, почему в сиде Келпи все такие злобные? И преподаватели, и ученицы, и фэйри. Вот, например, русалки. Они ведь совсем дурные, даже говорить не умеют, а все равно вредничают! И все так. Ну, может быть, кроме боугов: они вроде безвредные, хотя и похожи на покемонов.

- Безвредные? - подняла брови Ясмин.

- Не сказала бы. В моих апартаментах всю работу делают мои служанки, но боуги все равно каждый день появляются во всех углах и делают вид, что стирают пыль и цветочки в горшочках поливают. А мои девушки гоняют их мокрыми полотенцами, ведь боуги терпеть не могут воды. Знаешь почему?

- Почему боуги не любят воды?

- Нет, почему девушки их гоняют?

- Ну, почему?

- Мои служанки откуда-то разузнали, что боуги приставлены к ученицам, чтобы шпионить за нами и доносить леди Бадб обо всем, что мы делаем и говорим. Это их главная работа, а уборка - это у них вроде хобби.

- Дара тоже что-то такое говорила. Как противно!

- Вот и я говорю: в Келпи ужасно противно.

Ангелы переглянулись и кивнули друг другу.

- Я слушаю, что нам говорят учителя, и мне вся эта магия совсем не нравится, - продолжала принцесса. - У них все перевернуто и перепутано: оно добро называют злом, а зло - добром. Они учат нас воздействовать на людей, а сами ненавидят и каждого отдельного человека и весь человеческий род. Как же можно воздействовать без любви?! Мой отец любит всех своих подданных и говорит, что любовь к людям - главный талант правителя.

- А в Келпи все хотят обладать силой и властью, а любить никто не хочет, - вздохнула Аннушка. - А хуже всех относится к людям Этлин Балор, преподавательница людоведения. Она называет человечество «питательной средой для магла». Она ведь сама не человек и даже не маг.

- А кто она?

- Эльф. Мне Дара сказала.

- А Дара тебе нравится?

- Нравится.

- Но ведь она недобрая...
- Дара? Нет-нет, она-то как раз бывает очень доброй. Знаешь, как она любит своего кролика Бильбо? Да и меня тоже любит. Она всегда готова за меня кровь пролить!
- Странно. Настоящие ведьмы не могут никого любить, им это запрещено законами магии, - заметила Ясмин.
- Но Дара тоже иногда бывает злокой. Я помню, как она в кровь разбила лицо Карин Свенсон.
- Вот видишь!
- Правда, она тогда за меня заступилась...
- Все равно. Ведьма есть ведьма. Окончит Келпи и последнюю доброту растеряет. Как в «Дневнике юной ведьмы». Ты заметила, что эта Эби в первых главах такая всеми обиженная девочка-сиротка, ее сначала очень жалко, и радуешься, что у нее нашлась бабушка, которая берет ее к себе. А потом вдруг выясняется, что бабушка - ведьма и учит ее всяким колдовским пакостям, а сама Эби становится раздражительной и мстительной. Ты помнишь, как в четвертой главе из-за нее гибнет соседская девочка?
- Да, а в пятой главе Эби уже настоящая маленькая фурия, она всех подозревает и не верит даже собственной бабушке.
- Вот-вот. И я совсем не хочу учиться в Келпи, чтобы стать такой, как эта Эби Финн.
- Или как наши Алисон, Кэтлин, Мэри, Милли и Филида.
- Да. Я не понимаю, почему все эти девочки такие злобные, завистливые и подозрительные. Я с первого дня пытаюсь во всем этом разобраться, но мне очень трудно думать, я никак не могу ни на чем сосредоточиться, и голова у меня все время болит. Знаешь, за все это время в Келпи я только сегодня смогла помолиться. В сиде я просто не могла вспомнить ни одной молитвы, как будто мне мозги и душу заколдовали.
- Так оно и было, именно заколдовали, - сказал Иоанну Ясменник. - И служанки наши тоже перестали молиться.
- Я тоже ни разу не слышал Аннушку, пока она находилась в силе, - сказал Ангел Иоанн.
- А здесь, на реке? - спросила Аннушка, внимательно и напряженно глядя на подругу.
- А на реке голова прояснилась, и я обо всем смогла спокойно подумать.
- И успокоилась?
- Нет! Я помолилась, и мне стало еще хуже! Я поняла, что сид Келпи - это настоящее бесовское гнездо. А все эти фэйри и высшие неорганики, это знаешь кто? Это бесы! Господи, как же мне стало страшно...Ангел мой Хранитель, помоги мне отсюда выбраться!
- А я что делаю? - и Ангел Ясменник успокаивающе погладил девочку по голове.
- Слушай, Жасмин, а ведь ты говоришь прямо как христианка!
- Я и есть христианка, православная христианка. И я догадываюсь, что ты тоже. Ведь так?

- Так. Но ты же из восточной страны - как это может быть?
- Глупенькая, разве сам Христос родился не на Востоке? У вас в России когда появилось христианство?
- Больше тысячи лет назад. У моей бабушки есть книжка «Тысячелетие христианства на Руси».
- Ну так в сравнении с нами вы еще совсем молодые христиане. В моей стране христианство возникло через сто лет после рождения Иисуса Христа. И в соседней тоже. А в Палестине живут арабы - потомки тех пастухов, которые первыми пришли поклониться младенцу Христу, даже раньше волхвов, представляешь? И они до сих пор православные, как мы и вы.
- Как же нас, оказывается, много по всей земле!
- Это чудесно, правда?
- Ой, я так рада, Жасминчик! - Аннушка бросила сумку с прутьями и крепко обняла Ясмин. Принцесса тоже опустила свою сумку на землю и трижды расцеловалась с Аннушкой.

Потом они подняли свою ношу и пошли дальше.

- Ты знаешь, Жасмин, я тоже почему-то все время забываю молиться. Раньше со мной такого не бывало, я всегда читала утренние и вечерние молитвы.
- Когда ты приехала в школу, тебя леди Бадб угощала соком своего приготовления?
- Угощала...
- Вот в этом соке все и дело. Это какой-то колдовской напиток забвения.
- Ты права, Жасмин: именно после него я даже свой крестик сняла и отдала леди Бадб.
- Я тоже, - вздохнула принцесса. - А тут мне ветром голову прочистило, и я опомнилась. Я бросила резать прутья, села на берегу и стала вспоминать нашу дворцовую церковь, нашего священника отца Моисея... Мне стало так горько, так стыдно! Я поняла, что православной принцессе никак нельзя учиться магии. Вообще никакой православной девочке нельзя этим заниматься!
- Ты права, Жасмин. Что же нам теперь с тобой делать?
- Ох, не знаю!

Обе девочки медленно шли по берегу, понурив головы.

Зато Ангелы Иоанн и Ясменник ликовали: их дорогие девочки вот-вот догадаются, что им следует делать!

Аннушка вдруг остановилась и сказала.

- Жасминчик, вот что я тебе скажу, дорогая моя подружка. Мы с тобой попали в ужасное место и в жуткое положение. И как мы теперь будем из всего этого выбираться, я просто не знаю.
- Да это же проще простого, Аннушка! Бросайте ваши прутья и бегите назад, к Андрюше. Он

вас переправит на своей лодке к отцу Василию, и тот вас спасет. Андреус! Андреус! Вели своему Андрею вернуться к старой иве! – закричал Ясменник.

- Ты вот тут рассказывала о православии на Востоке и в Азии, а я сегодня познакомилась с человеком из Ирландской православной церкви. Он мог бы нам помочь выбраться из Келпи.

- Так, Аннушка, так! – ободрил ее Ангел Иоанн. – Умница!

- Беги вместе с Юлианной, беги немедленно, Ясмин! – Ангел Ясменник встал перед своей подопечной, расставив руки и крылья. – Бегите прямо сейчас! Не возвращайся в Келпи!

Аннушка остановилась, задумалась, нахмурилась и сказала твердо:

- Нет, знаешь, Жасмин, а я сейчас бежать никак не могу. Мне надо закончить курс целительства, чтобы вылечить мою бабушку.

- Ты права, Аннушка. Я бы очень хотела бежать прямо сейчас, сердце просто рвется прочь от Келпи. Но и я должна в первую очередь думать о здоровье моего отца. Идем, дорогая, ничего не поделаешь, придется нам еще потерпеть...

Ах, глупые, глупые девочки!

Ангелы остановились, понутив головы. А что они могли сделать? Ничего. Против воли даже Господь никого не спасает. Рай, если хотите знать, место только для добровольцев. Вот ад – другое дело, туда многих и силком затаскивают.

К ним подлетел Ангел Андреус.

- Ну что тут у вас? Андрюша вдруг вспомнил, что забыл на берегу банку с червями, и решил вернуться.

- Пока ничего не получается: девочки надумали возвращаться в Келпи.

- Как жаль! Но мы ведь сможем предпринять еще одну попытку в Хэллоуин?

- Не лучшее время для побега от бесов, – заметил Ясменник.

- Не мы выбираем, – вздохнул Иоанн.

- Ладно, тогда я полетел, – сказал Андреус. – Шепну Андрею, что банка с червями у него в пакете из-под бутербродов.

- Лети, – сказали Ангелы. – Добрый путь тебе и твоему отроку!

Девочки грустно брели по направлению к озеру.

- Аннушка, – вдруг спросила Ясмин, – а как это ты, православная русская девочка, вдруг оказалась в ирландской колдовской школе?

Аннушка подумала и решилась.

- Понимаешь, все случилось из-за моей сестры. – И она поведала Ясмин всю историю их с Юлькой обмена.

- Да, заварили вы кашу! - покачала головой Ясмин, когда Аннушка кончила рассказ.- Заварили, - вздохнула Аннушка. - Но я рада, что здесь оказалась я, а не Юлька. Теперь, когда я все вспомнила, я буду каждый день молиться, и мой Ангел Хранитель мне поможет отсюда выбраться.

- Добрые намерения, - покачал головой Ангел Иоанн. - Что-то из них выйдет?

- А ничего не выйдет, - сказал Ясменник. - Как только наши отроковицы войдут в сил, так и забудут про молитвы. Магия в сиде отравляет и воздух, и мысли. Придется нам, брат, самим думать об их спасении.

Впереди показались бредущие стайкой келпинки.

- Вот что, Жасмин, давай пока будем скрывать от всех, что мы решили покончить с колдовством. Закончим курс целительства и тогда уже будем думать, как нам вырваться из Келпи. Наши Ангелы Хранители нам помогут.

- Поможем, - кивнул головой Ангел Иоанн, - куда мы денемся?

- Конечно, поможем. Хотя потом бежать будет кула труднее, лучше бы прямо сейчас, - сказал Ясменник.

- Вестимо, - кивнул Иоанн.

И они снова полетели за девочками, пока можно было их сопровождать и подсказать что-нибудь доброе и полезное. Но по мере приближения к сиду Ангелы стали отставать.

Профессор Морриган встретила келпинок там, где речка вытекала из озера, и проводила в сид. По дороге она осмотрела их добычу и очень удивилась:

- Как же это получилось, что у Юлианны с Ясмин прутья самые ровные и гибкие? И нарезали они их с запасом - каждой хватит на две метлы. Вот уж не ожидала, что именно они окажутся первыми!

Аннушка с Ясмин скромно промолчали, а сокурсницы зафыркали и сделали вид, что ничуть не завидуют.

Прошло несколько дней. О молитве обе подружки забыли, правильные мысли у них из головы куда-то вылетели. Теперь Аннушка принялась переживать, что почти все прутья для ее метлы нарезаны Андрюшей и никаких заклинаний над ними не пелось. Ой, не полетит ее метла, ни за что не полетит!

Ясмин тоже перестала мечтать о побеге, но и о метле она не беспокоилась: она не знала, что прутья нарезаны не по правилам, что Аннушка не читала над ними заклинаний; она и не видела ничего плохого в том, что ее метла станет отзывать на команды подружки. Да пусть она хоть совсем не полетит, ей все равно! Как только она пройдет курс целительства, так сразу же потребует, чтобы ее отправили назад к отцу. И принцесса теперь снова была спокойна и безмятежна.

Как ни странно, но Аннушкина метла полетела и оказалась ничуть не хуже других. Целый урок у первокурсниц ушел на то, чтобы правильно сложить прутья и обвязать их веревкой - и все это, конечно, под пение заунывных заклинаний. Затем профессор Морриган, неся на плече собственную метлу с изрядно потускневшей полированной ручкой и потрепанными прутьями,

а под мышкой бархатную вышитую подушечку, повела первокурсниц с их новенькими метлами на учебный метлотрек. Располагался метлотрек в подвале, этажом выше сапожной мастерской лепрехунов, и представлял собой длинный, во все школьное здание, коридор, шедший по кругу. Замыкал это коридорное кольцо большой спортивный зал. Стены и потолки зала и коридора были стегаными, как ватное одеяло, а пол устлала резиновые спортивные маты.

Для начала профессорша взяла наперевес свою метлу, накинула на нее подушечку, скороговоркой произнесла полетное заклинание, пробежалась по залу и вдруг лихо вскочила боком на ручку метлы. Метла чуть дернулась, плавно взлетела на высоту человеческого роста и двинулась в сторону коридора. Профессорша вылетела в коридор и мгновенно исчезла за изгибом стены. Через несколько минут она появилась из коридора с другой стороны зала, опустилась вниз и затормозила по полу прутьями. Сойдя с метлы, она сказала:

- Не правда ли, девицы, это очень просто выглядит со стороны? На самом деле полет на метле - большое искусство. Но начинается оно, как и всякое искусство, с простых упражнений. Вот и начнем упражнение первое. Вы разбегаетесь со своими метлами и запрыгиваете на них по моей команде. Садитесь боком, как будто едете на раме велосипеда. Зависаете на месте, а потом, по моей команде, опускаетесь. Конечно, сначала нужно прочесть полетное заклинание, а затем вы действуете так, будто сидите на спине послушной и верной лошадки, которая угадывает и исполняет все ваши желания. Кто помнит тройной закон полета на метле?

Шесть рук взлетели вверх, одна Ясмин, как всегда, руки не подняла. Но почему-то профессор Морриган спросила именно ее:

- Ну-ка, Ясмин, скажи нам, как звучит тройной закон?

- Заклинание - движение тела - движение метлы, - тихим голосом произнесла Ясмин.

- Правильно. Могла бы и ручку поднять, принцесса.

На это Ясмин промолчала.

- Милли, прочти нам вслух первую часть полетного заклинания!

Милли скороговоркой произнесла:

Прутики-веточки, ракитовы деточки, ввысь, высь, а ну - понеслись!

Метла ее вздрогнула и едва не вырвалась из рук. Милли засеменила, держась за метлу, потом подпрыгнула и села на нее боком, согнувшись и вцепившись в рукоять метлы. Метла заметалась и застучала прутьями по полу. Изрядно перепуганная Милли свалилась и растянулась на матах.

- Надо было мысленно скомандовать метле: «Стоять!» - покачала головой профессор Морриган. - Ну ничего, на первый раз сойдет: тебе все-таки удалось заставить метлу двигаться. Теперь все вместе читаем заклинание и взлетаем.

Аннушка была уверена, что у нее ничего не получится, но, как ни странно, ее метла послушно взлетела вместе со всеми другими, а потом остановилась по команде профессора Морриган. Ощущение было такое, будто она сидит на перилах лестницы: дело привычное скорее для Юльки, чем для Аннушки.

А вот Ясмин свалилась на маты и сидела, покачиваясь и держась за голову.

- Что с тобой, Ясмин? Ты ушиблась? – спросила профессор Морриган.
- Нет... У меня голова закружилась, профессор.
- А ты морской болезнью случайно не страдаешь?
- Очень даже страдаю, профессор.
- Так, ясно. Забирай свою метлу и отправляйся в кабинет мисс Морген. Объясни ей, как ты упала с метлы и спроси, может ли она поправить твой вестибулярный аппарат.
- Спасибо, профессор! – сказала Ясмин и тут же удалилась.

«Неужели она из-за Андриюшиных прутьев свалилась? – подумала Аннушка. – Тогда почему меня метла не сбрасывает? Непонятно...»

Урок продолжался, и к концу его первокурсницы гуськом пролетали круг за кругом по кольцевому коридору вслед за профессоршей, с каждым крутом поднимаясь выше к потолку. Аннушке полет на метле по кругу в общем-то нравился, это было похоже на карусель в парке аттракционов на Крестовском острове, но и во время полета ее занимало, почему ее «неправильная» метла действует ничуть не хуже других? Что-то тут было не так...

А вечером Аннушка улучила момент, когда Дары не было в Норке, сняла свою метлу с гвоздика, прочитала полетное заклинание и попробовала взлететь. И ничего не получилось! Ее «полетное средство» даже не дрогнуло, будто в руках у нее была обыкновенная метла, какой орудуют дворники. Она задумчиво повесила метлу обратно на гвоздик и подумала, что с метлой наверняка связан какой-то обман и вовсе не из-за дурацких заклинаний они поднимались в воздух на уроке по команде профессора Морриган!

Аннушка угадала: не заклинания, а бесы двигали метлами ученики на метлотреке, а им команды отдавала профессор Морриган. Ни у кого из младших келпинок такого взаимопонимания с бесами пока не было.

Глава 8

Несколько дней после той осенней рыбалки Андриюша ходил задумчивый и грустный.

- Здоров ли ты, Андриюша? – забеспокоилась матушка Елена. – Ты часом на реке не простыл, сынок?
 - Нет, мам, со мной все в порядке.
- К концу недели Андриюша не выдержал и пришел к отцу в его кабинет.
- Папа, мне с тобой поговорить надо.
 - Давай поговорим, сынок. Садись и рассказывай, что тебя тревожит.

- Знаешь, папа, когда мы в воскресенье ездили с тобой на дачу, я встретил на реке русскую девочку.

- Русскую девочку? - удивился отец Василий. - Откуда она там взялась? В нашей деревне я вроде бы всех знаю. Она, может быть, в городке живет?
- Нет, папа, она живет на другом берегу реки.
- Мне казалось, что на другом берегу нет никаких селений.
- Это какая-нибудь совсем маленькая и бедная деревня.
- Отчего же непременно бедная, Андрюша?
- Потому что эта девочка из очень бедной семьи. Она в ракетнике резала прутья для метелок. Я думаю, они продают метелки и на это живут. Она была так бедно одета, папа, так бедно! Помоему, ни в одной африканской стране девочки так уже давно не одеваются.
- А может, она хиппи?
- Нет, папочка, она была одета как Золушка. На ней были не нарочно разорванные джинсы, а какие-то бесформенные холщовые штаны и сверху старая-престарая брезентовая куртка, а на ногах резиновые сапоги с заплатками. Ты когда-нибудь видел резиновые сапоги с заплатками, папа?
- Видел, но очень давно, когда сам был мальчишкой.
- А еще, папа, она была такая голодная, такая голодная... Она увидела, что я ем бутерброд, и попросила ее угостить. Папочка, ты представляешь, какой надо быть голодной, чтобы у совсем незнакомого человека надкусанный бутерброд попросить?- И ты, разумеется, отдал ей весь свой рыбацкий обед?
- Отдал все, что не успел съесть.
- Правильно сделал. Однако, печальная история. Ты хоть адрес-то ее узнал?
- Нет, она не сказала мне, где живет. Постеснялась, наверно.
- Бедность часто бывает застенчива, - кивнул отец Василий, - Ну, ничего, Андрюша, вот наступят летние каникулы, вы будете жить с мамой все лето на даче, и ты найдешь свою Золушку. Мы все постараемся ей помочь. Ну, ты что молчишь?
- Пап, а можно я один съезжу на дачу?
- А что, неплохая идея! Поезжай, конечно. Кстати, а какого Золушка роста?
- Она примерно как наша Катя и такая же худенькая.
- Так ты спроси у Кати, что можно взять из ее одежды, и отвези своей новой знакомой. Только не забудьте у мамы спросить разрешения, а то ты знаешь нашу Катю: она расплатится и все с себя отдаст, да еще и у сестер прихватит.
- Хорошо, спасибо, папа. Так я могу ехать на дачу в это воскресенье?
- Я считаю, что ты просто должен это сделать. Кстати, не хочешь ли взять вперед карманные деньги за следующий месяц? Они тебе могут понадобиться.

- Нет, папочка, я возьму из тех денег, что у меня отложены на марки. Пап!

- Что, сынок?

- Знаешь, это очень здорово, что ты меня всегда понимаешь.

- Я рад, что ты так считаешь, Андрей. Отец Василий благословил сына, и Андрюша с успокоенной душой отправился спать.

А виновница его переживаний в это время шла по коридору спального этажа радостная и возбужденная. Она остановилась перед дверью апартаментов принцессы Ясмин и постучала условным стуком. Дверь чуть-чуть приоткрылась, и на Аннушку уставился блестящий черный глаз.

- Это я! - сказала Аннушка.

- Это ты, - с улыбкой подтвердила служанка принцессы. Она развернулась и двинулась в спальню, а за ней - Аннушка: она уже освоилась в апартаментах принцессы и служанок больше не стеснялась.

Ясмин, в халатике и с распущенными волосами, возлежала на тахте среди целой россыпи подушек и подушечек, с книжкой в руках и корзиночкой вяленых фиников под боком. Густые и длинные черные волосы принцессы занимали на тахте места едва ли не больше, чем хозяйка.

- Иди сюда! - Ясмин перекинула часть волос за спину и хлопнула по тахте. - Забирайся прямо в сапогах.

Аннушка аккуратно села на край тахты и взяла из корзинки финик.

- У меня потрясающая новость, Жасминчик! Меня сейчас вызвала мисс Морген и ска-зала, что завтра мы с тобой приступаем к факультативным занятиям по целительскому искусству.

- Правда? Но это же замечательная новость, Юлианна.

- Вот-вот. Давай, поднимайся скорей!

- Зачем? Я уже приняла ванну, мне надо волосы сушить.

- Замотай их чем-нибудь и пошли в библиотеку!

- Какая ты нетерпеливая, Юлианна. Библиотека сейчас закрыта, сегодня уже поздно.

- Библиотека закрыта, но Финегас-то всегда там, он ведь живет в библиотеке. Дара говорит, что по ночам он не спит, а составляет гороскопы. У меня есть к нему записка от мисс Морген - вот, смотри! - и Аннушка показала Ясмин листок бумаги, на котором несколько длинных линий пересекались короткими косыми черточками. - Тут написано, что нам с тобой срочно требуются учебники по целительству.

- Ты уже так хорошо читаешь по-гэльски? - удивилась Ясмин, заглянув в записку.

- Ну что ты! У меня от этих черточек в глазах рябит. Мисс Морген сама сказала мне, что тут написано. Вставай, лежебока ты моя восточная!

- Придется вставать...

Ясмин, вздохнув, поднялась и замотала влажные волосы полотенцем. Она хотела хлопнуть в ладоши, но Аннушка ее опередила:

- Не вздумай переодеваться, иди прямо в халате! Поспеши, если не хочешь бродить по келпинским коридорам ночью.

- Не хочу. Идем!

Под удивленными взглядами обеих служанок девочки покинули апартаменты принцессы. Они прошли полутемным коридором в гостиную и поднялись на лифте на учебный этаж. Дверь библиотеки была заперта. Девочки постучали раз, другой, потом еще раз. Никакого ответа. Тогда Аннушка повернулась к двери спиной и стала стучать по ней ногой в хоббичьем сапоге. Дверь была железная, и грохот получился будь здоров. Аннушка даже не услышала шагов Финегаса и, когда он неожиданно распахнул дверь, чуть не ввалилась в библиотеку спиной. Удивленный библиотекарь стоял перед ними, держа в одной руке раскрытую книгу, а в другой горящую лампу; на его плечи поверх обычного зеленого балахона был накинут теплый клетчатый плед. В библиотеке за спиной друида было темно и таинственно.

- В чем дело, мышки-малышки? - спросил он. - Что это за грохот вы тут подняли?

- Извините нас, господин Финегас. Мы пришли за учебниками, - ответила Аннушка и протянула ему записку.

- Завтра у вас первый урок целительства? Поздравляю. Хорошо, что вы не захотели ждать до утра: по утрам я поднимаюсь на молитву в Башню фоморов и нахожусь там до самого гонга на первый урок. Пойдемте, я покажу вам, где стоят книги по целительству. Возьмете коляску?

- Спасибо, мы и в руках донесем, нам всего-то по три учебника надо, - необдуманно сказала Аннушка: вскоре ей предстояло в этом раскаяться.

- Господин Финегас, а можно мы кроме учебников возьмем еще несколько книг по целительству, чтобы расширить свой кругозор? - спросила Ясмин.

- О, так вы любите читать? Ну, тогда разрешаю вам взять любые книги - все, что вы хотите прочесть. Кроме «Некрономикона», разумеется, и книг по Большому Плану.

Они прошли несколько залов и скоро оказались перед нужным шкафом. Финегас вынул из кармана свечу, дунул на нее - и свеча зажглась.

- Вам я оставляю лампу. Подберите нужные книги и возвращайтесь в первый зал. Помогать вам, надеюсь, не надо, вы ведь читать умеете?

- Умеем. Спасибо.

- А, ну да, теперь все умеют читать... Ладно. Можете не спешить: выбирайте книги с разумением и будьте осторожны с лампой!

Финегас скрылся в темноте залов, а девочки поставили лампу на пол и стали рассматривать корешки книг. В глаза им бросились стоявшие в ряд на средней полке одинаковые книги - «Основы целительской магии для первого курса».

- Это наши основные учебники, - сказала Аннушка. - Держи, Жасмин! - Она взяла один учебник себе, а другой протянула подруге. - А вот «Магические травники для начинающих

целителей». Один тебе, другой мне. «Медицинский словарь целителя» – держи! Кажется, это все, что велела взять мисс Морген. А теперь давай искать, что нам нужно для лечения твоего отца и моей бабушки!

Аннушка сразу нашла нужные книги: «Исцеление рака», «Колдовство против рака», «Альтернативная онкология» и «Лечение рака биополями». Потом порылась еще и вытащила несколько тонких книжечек в пестрых обложках: «Лечение рака лыковым мочалом», «Сходство и различие методов исцеления раковых заболеваний у известных целительниц Ваны и Джунги», «Противораковая йога», – подумав, взяла и эти. А на самой нижней полке она обнаружила два одинаковых увесистых тома – «Онкологическая магия» и «Противоонкологическая магия». Ясмин поскромничала и взяла всего две книги небольшого формата, но зато это были «Иммортология, или Практическое бессмертие» и «Магия вечной молодости». Поэтому ей пришлось нести лампу, когда они закрыли шкаф и пошли к выходу.

– Зря мы все-таки не взяли коляску! – вздохнула Аннушка: она шла позади Ясмин, с трудом удерживая подбородком высокую стопку книг, мешавшую ей смотреть под ноги. Как и следовало ожидать, в конце концов она споткнулась о ковровую дорожку, и книги посыпались на пол.

– Какая ты неосторожная, Юлианна, – мягко упрекнула ее Ясмин и поставила лампу на пол. – Давай я возьму половину твоих книг.

– Спасибо, Жасминчик.

Они поделили книги и отправились дальше.

– Теперь гораздо легче идти, – благодарно сказала Аннушка, – а то я уж и дороги не видела: мне даже стало казаться, что мы идем в другую сторону.

Они молча прошли еще один зал, потом еще один...

– Юлианна, знаешь что? – Ясмин вдруг остановилась и стала оглядываться. – А ведь мы, кажется, и вправду от шкафа с целительскими книгами пошли не в ту сторону.

– Ты тоже так думаешь? – жалобно спросила Аннушка.

– Я уверена. Давай покричим, позовем господина Финегаса.

– Стой, Жасмин, погоди кричать! Я вижу что-то интересное. Ты знаешь, куда ведет этот коридор, закрытый на цепь?

– Нет.

– Видишь над входом буквы БП? Знаешь, что это значит?

– Нет, не знаю.

– Это значит Большой План.

– Ну и что?

– А то, что Большой План – это главная тайна сида Келпи! Так мне Дара сказала. Когда мы с ней ходили в мой первый день за книгами, она мне показала этот коридор и сказала, что это вход в отделение БП и он находится под запрещающим заклинанием.

- Нам-то какое до этого дело, Юлианна? Мы с тобой все равно не доучимся до посвящения в БП. Мы пройдем курс целительства и разлетимся из Келпи в разные стороны. А сейчас нам надо поскорей отсюда выбраться, а то господин Финегас рассердится.

- Угу, - сказала Аннушка, сидя на корточках и задумчиво глядя на пол коридора за цепочкой. - Знаешь, мне пришла в голову одна мысль...

- Если по поводу Большого Плана, то лучше сразу выкинь ее из головы: зачем нам с тобой эти тайные планы Келпи?

- Тебе что, совсем не интересно? - спросила Аннушка. - Помнишь, на уроке Финегас говорил, что Большой План имеет значение для всего человечества?

- Если бы колдуны и ведьмы в самом деле имели власть над миром, от этого мира уже давно бы ничего не осталось.

- Но человечество в опасности, как ты не понимаешь!

- При чем тут человечество, Юлианна? Мы взяли нужные книги, и нам пора возвращаться.

- Но как можно просто так взять и пройти мимо главной тайны сида Келпи, Жасмин!

- Очень просто - ногами. Пошли!

- Нет, подожди...

Аннушка напряженно уставилась в глубину темного коридора за цепью. Вот была бы здесь Юля, уж она бы сообразила, как туда проникнуть! Интересно, а что бы она сделала? Аннушка задумалась.

- Я ужасно хочу спать, Юлианна!

- Я тоже... Дай-ка сюда лампу, Жасмин. Ну, я так и думала! Смотри, в этом коридоре полы и дорожки такие же чистые, как и в других залах. О чем это нам говорит?

- Мне - абсолютно ни о чем.

- Ты по ночам глуха к истине, принцесса! Плохо соображаешь то есть. Отсутствие пыли говорит о том, что в запретном коридоре боуги так же без конца воюют с пылью, как и во всех других помещениях сида. Теперь поняла?

- Что я должна понимать?

- Да то, что боуги спокойно проходят в этот коридор в любое время!

- Может, они знают контрзаклинание?

- Нет, по-моему, все гораздо проще!

Аннушка встала на четвереньки и осторожно пошла в сторону запретного коридора.

- Аннушка, куда ты? - воскликнула Ясмин и тут же, оглянувшись в темноту, прикрыла рот рукой.

- Туда. И не шуми, пожалуйста, а то Финегаса разбудишь, - сказала Аннушка, вставая на ноги уже за цепью. - Видишь, как просто? Иди сюда!

- Не пойду, - испуганно замотала головой Ясмин, - я боюсь.

- И я боюсь, - пожала плечами Аннушка. - Но чего не сделаешь ради человечества! Только, знаешь, без света мне тут будет не только страшно, но еще и темно, так что клади книги, бери лампу и беги сюда.

- Я не умею бегать на четвереньках!

- Интересно, во что же вы играли в вашем дворце, когда были маленькими? - спросила Аннушка. - Не можешь на четвереньках - давай ползком, а лампу двигай перед собой.

Принцесса неуклюже опустилась на четвереньки и пошла вперед, путаясь в полах длинного халата и осторожно двигая перед собой лампу. Наконец она вместе с лампой оказалась за цепью и встала. Девочки двинулись в таинственную тьму коридора.

Коридор был довольно длинный и, конечно, изогнутый по дуге. По сторонам коридора дверей не было, но в конце дороги им преградила высокая, до самого потолка, решетка из толстых железных прутьев. Они подошли к ней. Посреди решетки была дверь, запертая на большой висячий замок

- Все, пришли. Дальше не пройти, можно назад поворачивать, - с облегчением сказала Ясмин.

- Нет-нет, ты ошибаешься, Жасмин, - сказала Аннушка и, примерившись, проскользнула между прутьями. - Давай мне лампу и пролезай сюда!

Ясмин передала ей лампу и стала протискиваться между прутьями.

- Не получается - голова не лезет!

- А ты сними с нее полотенце.

Ясмин размотала полотенце и аккуратно сложила его у стены. Теперь ее голова легко прошла сквозь решетку, а за нею проскользнуло и все тело.

Они пошли дальше. Сразу за решеткой коридор расширился и превратился в большой зал с длинным столом посередине и шкафами по периметру.

- Это читальный зал или зал для заседаний, - предположила Аннушка. - Давай шкафы обследуем.

Все шкафы оказались заперты, и девочки могли только видеть переплеты книг за стеклянными дверцами. Большинство названий было на неизвестных им языках, а те, что они смогли прочесть, ничего им не говорили: «Дети индиго», «Агни-Йога как часть БП», «Послания играющих духов детям», «Эзотерические сказки для школьников», «Мир без стариков».

- Ну вот, видишь, так мы и не узнали ничего про этот таинственный Большой План, - разочарованно сказала Ясмин. - Пойдем отсюда.

- Погоди-ка, - сказала Аннушка, заметив в углу обыкновенную картонную коробку. - Давай посмотрим, что в той коробке.

Аннушка сняла с коробки крышку, заглянула в нее и торжественно объявила:

- Жасмин! Мы это сделали - мы раскрыли тайну Большого Плана!

Она вынула из коробки книгу и показала ее Ясмин. На обложке стояло: «Большой План. Магло против быдла. История и задачи нового времени». Вверху каждой обложки наискось стоял черный штамп - «Абсолютно секретно».

- Тут их полно, никто и не заметит, что двух книжек не хватает.

- Почему двух?

- Одна тебе, другая мне. Прочтем, а потом обсудим. На, спрячь под халат.

- Зачем? У нас столько книг, что Финегас их и не заметит.

- Не стоит рисковать. А теперь пошли отсюда.

Аннушка аккуратно закрыла коробку, и они поспешили вон из запретного зала. Они беспрепятственно пролезли через решетку, проскользнули под цепью и уже через полчаса были в первом зале, где за своим столиком дремал над раскрытым фолиантом седовласый Финегас.

- Господин Финегас, мы уже выбрали книги! - крикнула Аннушка.

-А, мышки-книгочеи! Ну, покажите, что вы там набрали?

Финегас внимательно просмотрел книги, одобрительно покивал, что-то записал на клочке бумаги и тут же бросил его в мусорную корзину. Потом он вывел их за дверь библиотеки и пожелал спокойной ночи.

- Уф-ф! - сказала Аннушка. - Ты представляешь, как бы мы выглядели, если бы он нас поймал с запрещенными книжками?

- Как бы мы выглядели? - рассеянно проговорила Ясмин и на ходу поглядела в зеркало, мимо которого они проходили. - Ой, Юлианна! Какой ужас! Я потеряла полотенце с головы!

- А голову ты не потеряла? Какая же ты рассеянная, принцесса!- Боже мой, я его оставила в запретном коридоре! Завтра его там найдут боуги и отнесут леди Бадб!

- А как боуги и леди догадаются, что это твое полотенце?

- И догадываться не надо - на нем вышит наш королевский вензель!

- Вот к чему приводит излишняя бережливость... Ладно, давай отнесем книги к тебе и вернемся в библиотеку.

- Ты пойдешь туда со мной?

- Конечно, Жасмин! Ведь это я втянула тебя в такое опасное дело.

Они отнесли книги в апартаменты Ясмин, отдали их служанкам и велели спрятать и следить, чтобы боуги, если они вдруг появятся, к книгам не прикасались, а сами поспешили назад в библиотеку.

- Ты пойдешь за полотенцем или я? - на бегу спросила Аннушка. - Одна должна остаться в первом зале и отвлекать Финегаса.
- Лучше я сама пойду в запретный зал, потому что Финегаса отвлекать у меня уж точно не получится. Я даже не знаю, о чем с ним можно говорить.
- Договорились, отвлекать буду я. Финегас на этот раз открыл им сразу, видно еще не успел заснуть.
- Что случилось, мышки-малышки? - спросил он без тени раздражения.
- Принцесса уронила в зале полотенце с головы и только что это заметила, - сказала Аннушка. - Можно она пойдет и заберет его?
- Ох, вечно у девочек какая-то суета с тряпочками, - проговорил Финегас, качая головой. - Ну, пойдемте искать ваше полотенце
- Ах, не беспокойтесь, господин финегас! - сказала Ясмин. - Я сама быстренько сбегаю за ним. Только дайте мне, пожалуйста, лампу. А Юлианна с вами тут посидит, она темноты боится. Я найду свое полотенце и сразу же вернусь. - И, подумав, добавила: - Понимаете, оно мне дорого как память.
- Похвальная бережливость для особы королевского рода. Я еще помню время, когда принцессы сами стирали свое белье. Ну ладно, вот тебе лампа, иди за своей пропажей, а мы с твоей трусливой подружкой тебя тут подождем.
- Господин Финегас, - Аннушка принялась отвлекать Финегаса. - Вот вы сказали, что когда-то принцессы сами стирали свое белье. Неужели такое вправду было?
- О, это было давным-давно! Вот, помню, во времена короля Финна, отца Ойсина, я знавал одну принцессу, которая ходила полоскать свое белье к озеру Фекс Пул, в котором я семь лет ловил рыбу.
- Вы были рыбаком, господин Финегас?
- Глупости! Я всегда был жрецом. А ловил я там Лосося познания, вернее, пытался поймать. Хотя был я в те времена еще совсем молодым стариком, но уже тогда я превыше всего ценил мудрость и знания.
- Наверное, король Финн был очень жадный, если заставлял принцесс самих стирать белье?
- Это Финн-то жадный? Да что ты, мышка! Подданные говорили про него так: «Если бы все сухие листья в лесу превратились в золото, белая пена морей и рек - в серебро, Финн без сожаления раздал бы все это золото и серебро беднякам».
- Значит, это был добрый король?
- Очень добрый, отважный и честный. А принцесса была его старшая сестра - сам он был в то время еще мальчишкой. Он мне как-то испортил удачную рыбалку, но я его простил.
- Ой, расскажите, господин Финегас!
- Тебе это в самом деле интересно, мышка?

- Очень! Я люблю слушать истории про старину - я из них познаю мудрость жизни.
- О, какая разумная мышка! Ну, тогда слушай историю про Лосося познания. - Финегас откинулся в своем уютно просиженном кресле, прикрыл глаза и размеренным голосом начал свое повествование: - Как я уже упомянул, это было в стародавние времена. Я уже был признанным в народе прорицателем, но мне мало было моей мудрости, и я мечтал выловить Лосося познания. Я прознал, где водятся эти магические лососи, и дни и ночи проводил с удочкой на берегу легендарного озера Фекс Пул. Это было утомительно: ни в одной легенде почему-то не говорилось про то, сколько на его берегах водилось комаров и прочего гнуса. Я сидел там с удочкой из года в год от ранней весны до поздней осени, поедаемый крылатыми кровопийцами. И вот однажды ко мне подошел мальчик и спросил, не может ли он мне чем-нибудь помочь? Я решил, что это сын какого-то бедняка, который хочет заработать монетку, и предложил ему вторую удочку. Мы стали ловить вместе. Чтобы мальчик не скучал, я рассказывал ему древние предания, а он им с жадностью внимал. Именно мальчишке повезло поймать на удочку Лосося познания! Я сразу узнал волшебную рыбу по ее необычайно большим золотистым глазам, но мальчику, конечно, ничего не сказал. Волшебного Лосося надо было сварить и съесть, причем тот, кто хотел получить всепроникающую мудрость, должен был съесть всю рыбину целиком, ни с кем не делясь. Таковы были условия этой магической задачи. Я попросил мальчика сварить для меня рыбу и предупредил его, чтобы сам он не смел съесть ни кусочка. Когда он подавал мне Лосося, он спросил: «Скажи, мудрый Финегас, а водятся ли еще другие Лососи познания в этом озере?». Я вскипел: «Откуда ты знаешь про Лосося познания, скверный мальчишка? Я тебе не говорил о нем ни слова! Признайся, ты посмел съесть кусок моей рыбы?». «Я не ел твою рыбу, добрый Финегас. Но когда вода в котелке закипела, одна капля брызнула мне на палец, и я сунул палец в рот, чтобы унять боль». Я уже все понял, но на всякий случай спросил: «А как тебя зовут, мальчик, и откуда ты?». «Я сын покойного короля Кумалла, а зовут меня Финн». Я-то знал из пророчеств, какие великие дела должен свершить в будущем Финн, сын Кумалла, и поэтому хоть и с досадой, но велел ему самому съесть всего Лосося познания целиком. Правда, потом я выпил лососевый отвар, поскольку я страшно люблю рыбу, а Финн варил Лосося познания по всем правилам, с травами. Но умнее после этого я ничуть не стал. Тогда я ушел в сид Келпи и стал ловить мудрость в книгах, а не в озере. Да, а что там твоя подружка так замешкалась? Уж не заблудилась ли? Надо бы пойти взглянуть, - тут Финегас заворочался в своем кресле и оперся руками о подлокотники, готовясь подняться.
- Господин Финегас, а господин Финегас! Постойте, вы ведь не рассказали мне самого главного!
- Не хочешь ли ты, малышка, заставить меня рассказать тебе всю сагу про Финна и его фианов?
- Вообще-то, конечно, хочу и даже очень, но сначала мне хотелось бы узнать, как именно Финн варил для вас рыбу? Вы случайно не помните тот рецепт?
- Отлично помню. Сначала надо найти родниковую воду и набрать большой котелок и малый. В большом лосось моется, а в малом варится. Варить надо на сильном ровном огне от осиновых дров, помешивая варево березовой веточкой.
- Обязательно березовой?
- Черемуховая вяжет, а осиновая горчит.
- А рябиновой веточкой нельзя? Она такая красивая!

- Еще бы! Рябина - дерево колдунов. Но мешать рыбное варево рябиной нельзя, она тоже горьковата. Только березовой!

- Неужели и дубовая не годится? Нам говорили на уроке истории магии, что дуб - дерево друидов.

- Да, воистину дуб - дерево друидов. Но мешать рыбную похлебку надо березовой веткой, от дубовой рыба кожа задубенеет!

В голосе Финегаса послышалось раздражение, и Аннушка решила сменить пластинку.

- А травы вы какие-нибудь клали?

- Когда варево закипит и начнет мутнеть, в него надо бросить зелень петрушки, укропа и корешок морковника.

- А когда класть соль?

- Перед тем как снять с огня.

- А перец и лавровый лист?

- Мышка, что ты говоришь? Это же древний друидический рецепт!

- Да, верно, тогда еще не было перца и лаврового листа.

- Они были, но на другом краю земли. В Эрин их не знали до семнадцатого века.

- А когда вы с королем Финном варили Лосося познания, это какой был век?

- Какой век? Третий, кажется. Да, точно, третий. - Финегас прикрыл глаза и весь ушел в воспоминания. Аннушка не дышала, боясь спугнуть его дрему. - Да, но что-то она там долго ходит, а? - снова встрепенулся Финегас, но Аннушка тотчас его перебила:

- Господин Финегас, а хотите, я вам скажу рецепт рыбного супа из русской народной кухни?

- Русской кухни?! Горю нетерпением.

- Может, вы сразу запишете? Рецепт очень редкий!

Финегас поднялся, подошел к небольшому шкафчику и стал рыться в нем, шурша бумагами.

- Где-то тут у меня была моя собственная кулинарная книга, которую я собирал много веков... Вот она! - старик извлек из шкафчика небольшую, но толстую книжку, из которой торчало множество разнокалиберных и разноцветных закладок. - Так, где тут у меня рыбный раздел? Ага, вот он. Итак, я тебя слушаю, мышка.

Аннушка вздохнула, закрыла глаза и начала проникновенным голосом:

- Взять веточку кориандра, стебелек шалфея, пучок укропа, три лавровых листа, десять горошин перца, три маленькие морковки, одну большую луковицу, пять крупных картофелин, десяток ершей и столько разных рыб, сколько вам попало на удочку...

Аннушка на ходу сочиняла свой фантастический рецепт, а старик старательно записывал,

поминутно переспрашивая и уточняя. Оставалось надеяться, что ее уже не будет в Келпи, когда он попробует сварить уху по этому рецепту.

- Уф, все! Суп готов! По-русски он называется «уха». Вот если бы можно было пойти половить рыбки в нашем озере, я бы вас угостила настоящей русской ухой.

- Погоди, мышка, я что-то не пойму. Сначала ты сказала, что блюдо по-русски называется «уха», а теперь говоришь «ухой». Это что, уже другой рецепт? - и Финегас приготовился снова записывать.

Аннушка поняла, что еще одного рецепта ухи ей не одолеть.

- Нет, нет, это просто другой падеж!

- А сколько падежей в вашем языке?

- Много, - сказала Аннушка: от волнения она вдруг забыла, пять их или шесть.

- Неужели больше десяти? - заинтересовался Финегас. Так он сам невольно подсказал ей, как можно еще потянуть время.

- Значительно больше. У нас их почти столько же, сколько спряжений во французском языке.

- Не может быть!

- Хотите, я их вам перечислю?

- Сделай милость! Только погоди, я уберу кулинарную книгу и достану мой труд по сравнительной лингвистике.

Сначала Аннушка назвала настоящие падежи и вопросы к ним, а потом пошла их выдумывать:

- Удивительный - неужели? Сомнительный - в самом деле? Путеводительный - куда? Встречательный - откуда? Ругательный - кто ты есть? Обижательный - а сам-то кто? Покупательный - почему? Продавательный - сколько вам? Допросительный - зачем?

А Финегас загибал пальцы, прикрывая глаза от наслаждения и бормоча:

- Какой язык! Какая лексика! Какое богатство! Какая фантазия! «Сюда бы сестрицу мою, у нее бы фантазии на сто падежей хватило!» - подумала Аннушка, с отчаянием сознавая, что «падежи» у нее в голове вот-вот кончатся.

- Можно мне попить чего-нибудь? - попросила она, чувствуя, что в горле у нее пересохло.

- Конечно, можно! И не чего-нибудь, а яблочно-рябинового сока моего собственного приготовления.

Финегас ушел в комнату позади конторки и вскоре вернулся со стаканом и немного запыленной темной бутылкой. Сок оказался очень вкусным, хотя пила его Аннушка не без страха - а ну как опять какой-нибудь колдовской напиток вроде того, каким всех поит леди Бадб?

- Я очень рад, что познакомился с тобой, мышка, - сказал Финегас, - ты настоящая находка для такого филолога-любителя, как я.

- Да, во мне тоже много филологического, - заметила Аннушка, сама себе удивляясь: ее несло сегодня прямо как Юльку! Никогда еще она не чувствовала так сильно своего сходства с сестрой.

- Продолжим? - потирая руки, спросил Финегас, когда Аннушка поставила пустой стакан на стол.

Аннушка набрала побольше воздуха в легкие, и в это время увидала в глубине библиотеки мерцающий огонек лампы.

- Ах нет, придется отложить - моя подружка идет! - воскликнула она с великим облегчением.

- Да, в самом деле она... И чего ты так спешила, принцесса? Мы с твоей подружкой только-только разговорились.

Финегас со вздохом отложил свой труд, нехотя поднялся с кресла и проводил их до дверей. Прощаясь, он пригласил Аннушку заходить в библиотеку почаще.

- Мы так содержательно с тобой побеседовали, мышка. Это был настоящий пир духа! Заходи в любое время.

- Ну как, не очень трусила? - спросила Аннушка, когда они оказались одни.

- Н-нет, н-не очень.

- А я жутко боялась. Молола, молола языком, как моя Юлька в праздничный день на Пятачке, даже устала. А вообще он, по-моему, славный, этот Финегас.

- Все они тут славные, пока не познакомишься с ними поближе, - пробурчала Ясмин.

- Ты представляешь, Жасмин, он уже в третьем веке был стариком!

- Неорганик он и есть неорганик.

- А я думаю, что Финегас просто долгожитель.

- Так долго долгожители не живут!

Дорогой Аннушка рассказала Ясмин про рецепт ухи и безумное количество русских падежей. Они пошли сначала к Ясмин, где служанки уже всю волнувались и собирались отправляться в спасательную экспедицию по этажам и коридорам Келпи. Девочки успокоили их и попросили горячего чаю и каких-нибудь сладостей для утешения - все-таки их поколачивало от пережитых страхов.

- Я всегда полагала, Юлианна, что у вас в семье твоя сестра считалась озорницей, а ты - тихоней. Это так? - спросила принцесса, когда они немного согрелись.

- Примерно так, - кивнула Аннушка.

- Нет, не получается! - сокрушенно вздохнула Ясмин и покрутила головой.

- Что не получается?

- Не получается у меня представить, что же за сорвиголова твоя сестренка, если ты рядом с

ней считалась тихой и скромной девочкой!

Тут они обе принялись хохотать и хохотали до тех пор, пока не согрелись окончательно.

Потом Аннушка забрала свои книги и пошла к себе.

В Норке горел свет: то ли Дара ждала ее, то ли просто забыла его выключить. Аннушка на цыпочках прошла к столу и осторожно, сдвинув локтем ворох книг и одежды, освободила место для принесенных книг.

- Ты где это пропадала полночи? - спросила сонным голосом Дара, свешиваясь с кровати.

- В библиотеке.

- Врешь, - сердито буркнула в ответ Дара, - наверняка со своей принцессой рахат-лукумом объедалась и шербетом запивала. Гаси свет, не мешай спать! - Она отвернулась к стенке и сердито засопела.

Аннушка вздохнула и ничего не стала объяснять. Потом она погасила свет, стащила со своей постели одеяло, укуталась в него и уселась перед горящим камином: ей хотелось немедленно заглянуть в книгу о Большом Плане. Читать с самого начала она не стала, оставив это на потом, а раскрыла книгу наугад и прочла: «Большой План в период Инквизиции, извлечение из „Молота ведьм“. „Ага, вот, значит, когда уже существовал этот БП“, - подумала она и начала читать.

«Представим читателю некоторые вполне достоверные свидетельства из печально знаменитого „Молота ведьм“. В 1659 году в немецком городе Бамберге были сожжены 22 девочки от 7 до 10 лет. Колдовство до такой степени распространилось по всей Баварии, что дети на улице и в школах учили друг друга колдовать.

В 1673 году эпидемия колдовства наблюдалась в городе Кальве, в княжестве Вюртемберг. Дети хвастались, что по ночам летают на метлах, на козлах, курицах и кошках на шабаш. Взрослые перепугались, власти заволновались и учредили специальный отряд, который ходил по домам и проверял, спят ли дети в своих кроватках.

Чуть раньше, в 1669 году в шведском округе Делакарлия у детей появилась странная эпидемия, сопровождавшаяся обмороками и спазмами. Кто-то заподозрил массовую одержимость детей нечистыми духами. Дети утверждали, что они умеют колдовать, и рассказывали о некоей местности Блакулла, куда их по ночам возят на шабаш взрослые ведьмы. Люди в округе заволновались и стали требовать расследования».

«Ой-ой-ой, - подумала Аннушка, - а ведь противная Карин Свенсон училась в шведской школе ведьм, которая называлась Блакулла!». Она покачала головой и стала читать дальше:

«Была создана комиссия, допросившая с применением пыток 300 детей. 15 детей были сожжены, 128 подлежали еженедельной порке плетью перед дверями церкви, и только самые маленькие отделались сравнительно легко - их трижды выпороли.

Подводя итоги, можно сказать, что в указанную эпоху Адепты Смерти собрали поистине обильную жатву среди детей, игравших в опасные для них игры - магию и колдовство».

Аннушка перевернула разом десятка три страниц и прочла название другой главы: «Роль литературы и искусства в популяризации магии и колдовства согласно БП». В этой главе

перечислялись книги и фильмы о ребятах-магах и школьниках-колдунах. К удивлению Аннушки, их оказалось довольно много. Попалось среди них и название рукописи, которую им читала в классе мисс Дживс. «Наши выдающиеся современные авторы в последние годы создали целую серию произведений, прославляющих как неоргаников – фей, домовых, водяных, гномов и т. п., так и магов, ведьм и колдунов, – писалось в этой главе. – Согласно Большому Плану ежегодно увеличивается выпуск книг, в которых действуют маленькие ведьмы и колдуны, дети-прорицатели и дети-экстрасенсы. Школьники подражают им, играют в них и мечтают обрести колдовские способности. Сейчас, например, готовится выход книги „Дневник юной ведьмы“, и книге этой уготован большой успех у юных читателей.

Достоинства всех перечисленных выше книг таковы:

- а) они сближают детей с магией, оккультизмом, демонизмом и просто со Злом;
- в) они порождают в душе детей страхи и делают их психику неустойчивой, в результате чего дети становятся легкой добычей для Адептов Смерти и демонов;
- с) они приучают детей к агрессии и отрицательным эмоциям, а таковые являются лучшей энергетической пищей для темных сил.

Для распространения этих книг, ради их положительного влияния на детей задействованы самые серьезные творческие силы и крупные капиталы. При этом надо отметить, что в литературе и искусстве на БП работают не только маги, но и быдлы, причем иногда сами того не ведая, а просто следуя модному поветрию.

К сожалению, в последнее время из некоторых школьных библиотек были изъяты книги оккультного характера, написанные специально для школьников по заказу руководителей БП. Но главным врагом распространения книг БП, как и магических наук в целом, по-прежнему остается Христианская Церковь».

Аннушка заволновалась, затосковала и поскорей перелистнула страницу.

Ага, вот опять интересная глава – «Интернет и БП». Она уселась поудобнее, подоткнула одеяло и стала читать: «В настоящее время чрезвычайно возросла роль интернета для осуществления БП. Чтение, просмотр кинофильмов и передач по ТВ реакционные родители еще могут как-то контролировать, но редко кто из них может всецело держать под контролем действия детей перед компьютером. Школьники, получившие первый магический импульс через книги и кино или от более продвинутых сверстников, в дальнейшем начинают самостоятельно бродить по оккультным, языческим и сатанинским сайтам. В интересах БП необходимо позаботиться о том, чтобы родители, учителя, а уж тем более СМИ ни в коем случае не предупреждали их об опасности таких одиноких „путешествий в неизвестное“. Если подросток в результате попадет в психиатрическую лечебницу, он и там долгие годы сможет служить энергетической пищей для Адептов Смерти; необходимо только поддерживать его психику в раскачанном состоянии, а затем он плавно и неизбежно перейдет от жизни в руках демонов к посмертному существованию в аду».

Аннушка ужаснулась и поскорей перевернула сразу несколько страниц.

«Ага, вот это самое важное! – решила она, наткнувшись на главу „Большой План и специальные колдовские школы“. Она начала читать, и сон с нее слетел окончательно. В этой главе разъяснялось, для чего были созданы школы колдовства. „Большинство выпускников этих школ должны стать „агентами влияния“. Их задача – привлекать внимание детей-быдлчиков к магии и оккультным наукам. Агенты влияния являются активными

распространителями идей Большого Плана в быдловском мире. Школы колдовства призваны не столько воспитывать будущих ведьм и колдунов (для этого существует гораздо более успешное индивидуальное воспитание – от Ученика до Подмастерья, от Подмастерья до Мастера), сколько пополнять армию мелких полумагов, владеющих бытовой магией самого низкого уровня. Адепты Смерти для постоянной энергетической подпитки нуждаются не в конкурентах, а в большом стаде одуроченных быдлов, добровольно готовых подвергнуть риску свою земную жизнь и свою бессмертную душу, как это бывало в описанные выше времена процветания БП. Школы колдовства призваны воспитать многомиллионную армию мелких экстрасенсов, астрологов, ведьм, прорицателей, целителей, самодовольных и эгоистичных, умеющих произвести впечатление на публику магическими эффектами и привлечь как можно больше клиентов. Согласно БП школы колдовства надлежит всячески пропагандировать, чтобы дети-быдлики играли в них, мечтали в них учиться и в будущем пополняли энергетическое стадо, становясь поставщиками питания для ордена АС. Вот почему для БП так важно своевременное и самое широкое распространение колдовского поветрия среди детей”.

Спать уже не хотелось, но и читать эту ужасную книгу Аннушка больше не могла. Она закрыла ее, забралась в постель и положила книгу под подушку.

Она вспомнила бабушку, папу и Юлю: если бы они знали, как ей сейчас трудно! В Пскове на два часа позже, у них скоро утро, и Юленька давно крепко спит. А под подушкой у нее наверняка лежит книжка Николая Блохина... Она привстала, вытащила из-под подушки книгу про БП и сунула ее под матрац в ногах. «Интересно, – подумала она, – а что сейчас делает Жасмин, читает или спит?»

Ясмин уже не читала, но еще и не спала. Она плакала и молилась. Молилась в первый раз с тех пор, как попала в Келпи. Конечно, она не обращалась к Господу и не помнила молитв. Молилась она так: «Кто-нибудь, кто любит меня, помоги мне выбраться из этого проклятого места! Помоги мне и моей подруге Юлианне!».

При первых же словах ее неуклюжей молитвы сидевшие на холме Ангелы Иоанн и Ясменник встрепенулись и встали: они услышали призыв принцессы.

Глава 9

На следующий день первым уроком была криптозоология. Проходила она, как обычно, в бестиарии в подвальном этаже. Келпинки кормили змеенышей ламий лягушками, которых боуги подвозили из холодильников на тележках. Лягушки были спрессованы в брикеты и заморожены. Их надо было сначала осторожно и постепенно оттаивать в теплой воде, отделять одну от другой, а уже потом, когда несчастные лягушки начинали оживать и двигаться, бросать их в бассейн к голодным змеенышам. Маленькие ламии были препротивнейшие создания: серовато-белое змеиное тело заканчивалось у них крупной круглой головой, похожей на голову грубо вылепленной куклы, с длинной щелью вместо рта и большими слепыми глазами без зрачков. Ламиеныши поворачивали головы на голос и жадно разевали пока еще беззубые рты.

- Растут малютки, – любовалась прожорливыми рептилиями мисс Туйренн.

- Мисс Туйренн, а их скоро можно будет выпустить в ров? – спросила Мэри О'Кейси.

- А ты откуда знаешь, что мы растим их для заградительного рва? – подозрительно спросила

мисс Туйренн, и ее широкое лицо с висящими щеками стало еще больше, чем обычно, похоже на бульдожью морду. – Ты что, шлялась около рва без повязки, одна?

– Да что вы, мисс Туйренн, стану я из любопытства жизнью рисковать! Мне о ламиях во рву рассказывали и мама, и бабушка, и прабабушка. Они же их видели, когда получили допуск к Большому Плану.

При упоминании о Большом Плане Аннушка поглядела на Ясмин: та зажмурила глаза и затрясла головой. Аннушка поняла, что подруга тоже успела все понять про БП. Вид у нее был невыспавшийся и смятенный. Аннушка перестала следить за лягушками и стала внимательно прислушиваться к разговору Мэри с учительницей: не скажут ли они еще что-нибудь о Большом Плане?

– Ах, вот как, – заулыбалась мисс Туйренн. Ее бульдожья физиономия вдруг стала лицом добродушной и лукавой бабуси. – Так старушка Ли Анн О'Кейси еще жива?

– Жива наша прабабка, ничего ей не делается.

– Поедешь домой на зимние каникулы, передавай Ли Анн от меня привет. В свое время мы с твоей прабабушкой знатно пошалили в сиде Келпи! Мы ведь с нею учились на одном курсе и даже жили в одной комнате.

– Передам, мисс Туйренн. Но я бы никогда не подумала, что вы с моей прабабушкой ровесницы: вы значительно моложе выглядите.

– Это потому, что я живу в сиде. Жизнь среди быдлик такая нервная и хлопотная, что наши женщины там старятся почти так же скоро, как и быдлички. У них столько забот!

– Только не у моей прабабки! Она целыми днями сидит на веранде в качалке, курит свою трубку да мою бабушку воспитывает.

– Узнаю подружку Ли, она и в Келпи всех поучала! Что же касается ламий во рву, то их никогда не бывает слишком много: когда им не хватает корма, они пожирают друг друга, и тем самым достигается равновесие популяции. Юлианна Мишина, ты почему прекратила кормление? А где твои лягушки? – вдруг спросила мисс Туйренн.

– Они... – Аннушка поглядела на стоящий перед нею пустой контейнер. – Они от меня ускакали, мисс Туйренн. Я не успела их переловить, когда они оттаяли. Я... я задумалась.

– Вот только лягушек мне в бестиарии не хватало! Придешь после уроков, всех переловишь и бросишь в бассейн к ламиям.

– Мисс Туйренн, после уроков я должна идти на факультативный урок целительства!

– Придется пропустить.

– А можно я буду ловить лягушек в обеденный перерыв?

– Ты думаешь, я вместо обеда стану сидеть с тобой в бестиарии, пока ты будешь на лягушек охотиться? Вот еще! А тебе что, так уж не терпится попасть на урок целительства?

– Да, мисс Туйренн. Мне очень нравится целительство.

– Вздор! – презрительно сказала мисс Туйренн, враз снова обульдожев. – Целительство, моя

милая, это прибежище самых бездарных магов: приличная ведьма никогда не унижится до лечения быдликов!

Спорить с мисс Туйренн Аннушка не решилась, тем более в бестиарии, где все чудовища ели у криптозоолога с рук. Ну надо же, как все неудачно складывается! Урок целительства, который был единственным, что еще примиряло Аннушку с сидом Келпи, срывается таким нелепым образом! Оставалось последнее средство – просить заступничества самой мисс Морген.

Как только прозвенел гонг, Аннушка поспешила из бестиария, успев на ходу шепнуть Ясмин:

- Выходи после обеда в сад и жди меня на спине кита – поговорить надо! – и она первая бросилась в лифт и нажала кнопку, не дожидаясь остальных девчонок. Вслед ей понеслись негодующие крики.

Она перехватила мисс Морген возле учительской и все ей объяснила.

- Нет, моя дорогая, я из-за тебя ссориться с бульдогиней Туйренн не стану, уволь. Переловишь своих лягушек, тогда и приходи.

Понурившись, Аннушка пошла на практическую магию. Мисс МакДональд не без юмора рассказывала о бытовой магии, применяемой деревенскими кумушками-ведьмами. Пришлось целый час слушать и записывать формулы любовных приворотов и отворотов.

Потом был обед, и все пошли в Каминный зал. Аннушка сидела с Дарой неподалеку от Ясмин, которая обедала в одиночестве. Подружки изредка переглядывались, но остерегались подавать друг другу знаки: Дара то и дело переводила прищуренные глаза с одной на другую.

- Ты чего это куксишься? – первой не выдержала Дара. – Случилось что-нибудь?

- Случилось, – вздохнула Аннушка. – На уроке криптозоологии я упустила почти целый контейнер лягушек, и мисс Туйренн велела мне после уроков идти в бестиарий и всех их переловить.

- А ты что, лягушек боишься?

- Да нет, просто я хочу пойти на занятия по целительству – это же будет самый первый урок! Я могла бы пойти ловить их сейчас, но мисс Туйренн не хочет из-за меня идти в бестиарий в обеденный перерыв.

Дара помолчала, постукивая по столу вилок. – Знаешь, а ведь я могу тебя выручить...

- Правда? Как?

- Очень просто. У меня допуск БП, и я могу свободно войти в бестиарий в любое время. Хочешь, пойдем прямо сейчас?

Аннушка видела, что Дара от чистого сердца хочет ей помочь. Но как же быть с Ясмин, ведь они договорились после обеда встретиться на спине кита? Ладно, они еще успеют поговорить о Большом Планах после факультативного урока. Сейчас главное – разделаться с лягушками. Надо бы только предупредить Ясмин, что они встретятся позже.

- Спасибо тебе, Дара. Ты настоящий друг.

- Оценила! – фыркнула Дара. – Конечно, я не чета твоей вареной принцессе. Вон она плывет к

лифту, как черный лебедь!

Аннушка поняла, что если она сейчас бросится за Ясмин, лягушек ей придется ловить самой, Она молча поднялась и пошла за Дарой.

Сначала они зашли в Норку, где Дара приказала дежурному боугу:

- Быстренько собери десяток ваших ребят и спускайтесь в бестиарий. Есть работа. В уплату получите десять капель.

Боуг с радостным визгом бросился в дверь мимо хозяек.

- Пошли, они нас догонят, - сказала Дара.

В бестиарий не было света, и было страшно. Магические звери рычали, ревели, ухали, ржали, стонали, завывали, урчали, хохотали, квохтали, мычали, лаяли, скрипели и даже распевали песни. Дара нашарила возле двери

выключатель, вспыхнул свет - и все бестии умолкли. И тут подошли радостно возбужденные боуги.

- Что надо делать, келпинка Дара? - деловито спросил один из них: может быть, тот, с которым Дара договаривалась.

- Юлианна выпустила лягушек. Надо их всех собрать и покидать в бассейн к змеенышам-ламиям.

- Будет сделано, келпинка Дара!

- Отлично! Так мы можем идти?

- А плата?

- Что, прямо сейчас? Может, вечером? Боуги недовольно запищали.

- Ладно. Иголочка-то у вас при себе?

- А как же! И мисочка. - Боуг протянул ей одноразовую иглу. Дара взяла ее и уколола мякоть среднего пальца. Показалась капля крови. Боуги зашептались, заахали, зачмокали и подставили миску с водой. Кровь закапала в воду, понемногу окрашивая ее в бледно-розовый цвет.

- Давай я тоже уколюсь, - предложила Аннушка.

- Вообще-то негигиенично одной иглой колоться... Ладно, давай твой палец!

- Ой! - не удержалась Аннушка: это оказалось немного больно.

- Вот и все, - Дара выдавила из Аннушкиного пальца последнюю, пятую каплю и торжественно провозгласила: - Теперь наша дружба скреплена кровью! - Она протянула боугу миску. - Все! Десять капель, как договорились, кровопийцы. Свет вам оставить?

- Свет нам ни к чему, - ответил боуг, бережно принимая миску и облизываясь.

- Тогда за работу. Пошли, Юлианна!

Дара выключила свет, и в темноте тотчас раздалось чавканье и хлюпанье, а вслед за тем и звериная разноголосица.

Они вышли из бестиария и захлопнули за собой железную дверь.

- Может, пойдем выкупаемся после обеда? - предложила Аннушка.

- Нет, лучше отправимся кормить Келпи с балкона. У меня еще с утра припасены для нее сосиски. Пошли за ними в Норку!

И Аннушка послушно пошла за Дарой в Норку, а потом на балкон. Они кидали Келпи сосиски, та их ловила и заглатывала. Аннушке было очень не по себе, когда она представляла, что сейчас бедная Ясмин сидит на спине фонтанного кита, мерзнет под холодным душем и напрасно ждет ее, Аннушку. А Дара смеялась, дразнила Келпи, искренне радуясь присутствию подружки. Аннушка через силу улыбалась, ни на минуту не переставая думать о покинутой Ясмин, и настроение у нее было препакозное.

После перерыва в Аннушкином классе прошел урок гэльского языка, потом было людоведение, и на обоих этих уроках место Ясмин почему-то оставалось пустым. Аннушка хотела сбегать к ней и узнать, в чем дело, но перемена между этими уроками была совсем короткая, а после людоведения надо было сразу идти на факультативные занятия.

Первое занятие по целительству проходило прямо в медицинском кабинете мисс Морген. Пришло всего пять учениц, и одна из них Джулия Борджиа со старшего курса, а из первокурсниц была одна только Аннушка.

- Мисс Морген, вы случайно не знаете, почему не пришла. Ясмин?

- Я думаю, она уже летит в свою Нафтанию, - сказала мисс Морген. - Она покинула Келпи. Но не будем отвлекаться, девочки.

Аннушка мысленно ахнула: неужели Ясмин, прочитав о Большом Плане, сумела добиться, чтобы ее выпустили из Келпи? А ее, Аннушку, бросила тут...Потом ей пришла в голову другая, куда более страшная мысль: а что если мисс Морген ее обманула? Вдруг Ясмин потребовала, чтобы ее отпустили домой, а ее в наказание выбросили из сида на растерзание кровожадной Келпи? Аннушка даже вроде бы припомнила, что сегодня Келпи глотала сосиски не с такой жадностью, как обычно. «Сыта, значит, была!» - ужаснулась она. Но потом сообразила, что они с Дарой пошли кормить Келпи сразу после того, как Ясмин вышла из Каминного зала, и тревога ее улеглась. Ладно, после урока целительства она сразу побежит к Ясмин и все узнает. А вдруг мисс Морген вообще ошиблась, и Ясмин никуда из Келпи не исчезала? Тогда она, само собой, найдет принцессу и сразу же попросит у нее прощения. Она тряхнула головой и стала внимательно слушать, что говорит мисс Морген.

- Мы знаем три подхода к лечению больных: традиционный, коммерческий и магический. Ну, о традиционном методе я распространяться не буду - вы все с ним знакомы. Врачи этой школы претендуют на умение лечить больных и, я не боюсь это признать, многие болезни действительно вылечивают. Но к магическому целительству такая медицина не имеет ни малейшего отношения. Коммерческий подход ближе к магическому: в наше время целые отрасли медицины занимаются выкачиванием денег из пациентов, внушая им необходимость дорогостоящих операций, процедур и лекарств, придумывают все новые витаминные препараты и пищевые добавки. Иногда это приносит пациентам пользу, чаще нет, но стоит

всегда дорого. Для коммерческого подхода, как и для магического, чрезвычайно важны внушение и реклама. Мы с вами совсем не будем касаться традиционной медицины и лишь изредка станем обращаться к опыту медицины коммерческой. Нас с вами интересует медицина магическая, ее мы и будем изучать. Теперь приготовьте тетради для записей.

Мисс Морген внимательно оглядела келпинок. Убедившись, что все приготовились записывать за нею, она продолжила:

- Запишите, ведьмочки. К магической медицине мы относим знахарство, гипноз, рейки, кодирование, лечение биополем, бесконтактный массаж, лечение минералами, астральную терапию, ведическую и тибетскую медицину и многие другие эзотерические виды целительства. Вся магическая медицина основана на ментальном внушении и направлена на достижение результата: пациент, побывавший в руках мага, должен быть убежден в том, что получил исцеление. Совершенно несущественно, что при этом на самом деле происходит с его болезнью. Она может быть побеждена собственными защитными силами пациента, пробужденными верой в целителя. Это случается редко, но зато выглядит весьма убедительно, подобные результаты хорошо использовать для рекламы. В большинстве же случаев целители достигают лишь временного успеха. Но для целителя неважно, переброшена болезнь пациента из одного органа в другой или на другого человека; блокирована болезнь на короткое время или же организм больного подвергнут местному или общему обезболиванию. Для мага важно одно: пациент должен быть убежден в том, что он выздоровел и что ему помогла магия. Болезнь, несомненно, через некоторое время возвратится, может быть, даже усилится, но это должно произойти лишь после того, как контакт целителя с пациентом прекратился. Бывает, что пациент, которому стало хуже, пытается обвинить в этом целителя. Как быть в этом случае? Для этого нами разработана целая система безнаказанности. Проще говоря, есть множество способов объяснить, почему пациент сам виноват в том, что болезнь вернулась. Например, якобы вылечив пациента от рака, мы предписываем ему в дальнейшем категорически избегать сквозняков и не употреблять в пищу соль крупного помола. Через некоторое время болезнь, естественно, возвращается. Но пусть-ка пациент попробует доказать себе и другим, что он сумел избежать ВСЕХ сквозняков и не получил НИ ГРАММА соли крупного помола вместе с хлебом из булочной!

Келпинки засмеялись. Аннушка подняла руку.

- Да, Юлианна?

- Но ведь это получается обман, мисс Морген?

- Конечно. Однако цель достигнута.

- Какая цель?

- Пациент и его близкие убеждены, что ему помогла магическая медицина, а это и есть истинная и единственная цель нашей медицины. Теперь поговорим о магическом переводе болезни. Опытные целители-маги умеют переводить болезнь из одного органа в другой. Скажем, у пациента была опухоль в легких. Маг-целитель ее из легких убирает и переводит в нижний отдел кишечника. Пациент некоторое время чувствует себя абсолютно здоровым, рентген показывает, что опухоли в легких у него больше нет, слава мага растет, и все довольны. Но проходит время, и чудом излеченный пациент благополучно умирает от рака прямой кишки, кстати сказать, гораздо более мучительного, чем рак легких. На еще более высоком магическом уровне целительства можно перевести болезнь от жены к мужу, а то и на соседа. Вот я расскажу вам историю, как я однажды обыкновенный фурункул переводила с

одного носа на другой не менее десяти раз, причем по ходу дела он значительно вырос и в конце концов на последнем носу лопнул сам собой. И жаль, потому что я собиралась довести число перебросов до двенадцати.

Аннушка сидела, опустив голову. Рассказ о кочующем фурункуле ее ничуть не заинтересовал. Теперь она знала, что бабушке она помочь ничем не сможет, и больше ей в Келпи оставаться незачем. Осталось только решить, как отсюда выбраться. А вот Ясмин, похоже, уже выбралась...

- Юлианна, что ты думаешь о возможности переноса болезни с хозяина на его собаку? - пробудил ее от тяжелых мыслей голос мисс Морген.

- Я думаю, что это делать нехорошо, ведь бедная собака даже сказать не может, где у нее болит.

Девчонки сначала возмущенно заахали, а потом засмеялись.

- Мисс Морген, у меня страшно разболелась голова. Можно мне пойти лечь?

- Разболелась голова? Так это же прекрасно! Сейчас мы тебя вылечим. Поди сюда, сядь на стул и расслабься.

Аннушке теперь уже было все равно, и она послушно уселась на стул возле учительского стола.

- Так, прекрасно, - мисс Морген потерла руки одна о другую. - Дежурный боуг, попроси сюда!

Дежурный боуг выкатился из-за шторы и подбежал к столу. Мисс Морген подняла его за шкирку и поставила на стол.

- Теперь смотрите и слушайте внимательно. Вот я кладу одну руку на голову боуга, а другую на макушку Юлианны. Я делаю это сначала физически, а затем снимаю руки, но мысленно продолжаю держать контакт между их головами. Теперь слушайте и следите за тем, что я делаю. - Мисс Морген сняла очки и, дирижируя ими, произнесла нараспев: «Горе-горе-головушка, не боли у нашего солнышка, ты покинь Юлианну-девицу, перейди на зверюшку и птицу, на заюшку и на синицу, на собачку и на овечку - И К ПОДЗЕМНОМУ ЧЕЛОВЕЧКУ!»

Странное дело! Голова у Аннушки ведь вовсе не болела, и от причитаний мисс Морген ей было ни холодно ни жарко; ей только было неприятно, что она прикасается к ней своими руками с голубыми вампирскими ногтями. Но зато несчастный боуг вдруг схватился двумя руками за виски и застонал, согнувшись от боли. Мисс Морген ухватила его за короткое нелетучее крыло и сбросила со стола. Боуг, покачиваясь на ходу и подвывая, отбежал в угол и исчез.

- Кто объяснит мне, что произошло? Ученицы стали предлагать свое объяснение происшедшему:

- Вы заклинанием перенесли боль с Юлианны на боуга!

- Нет, вы сделали это с помощью биополя!

- Перекачали боль по мысленно построенному каналу!

Мисс Морген слушала, лукаво и задорно улыбаясь, и отрицательно мотала головой.

- Вы все ошибаетесь, крошки. А ведь я просила следить за тем, что я делаю: не ГОВОРИЮ, а

именно ДЕЛАЮ!

Класс недоуменно молчал.

- Какие же вы ненаблюдательные, девочки! Я сняла очки и... Ну?

- Я поняла, мисс Морген! - закричала радостно Джулия Борджиа. - Вы медленно водили очками перед глазами боуга и Юлианны! Вы их загипнотизировали и внушили Юлианне, что у нее голова прошла, а боугу - что она у него разболелась. Я угадала?

- Молодец, Борджиа! Высший балл за сообразительность! Я налагала руки и читала глупенький заговор, а гипнотического воздействия никто из вас не заметил. Тем не менее факт излечения, то есть перенесение симптомов с больной головы на здоровую, налицо, не так ли?

- Да! Здорово, мисс Морген! - закричали келпинки в полном восторге.

Между тем у Аннушки в самом деле начала болеть голова, и если бы не гонг, так кстати прозвучавший, она, возможно, сказала бы об этом мисс Морген и рассеяла бы весь эффект ее целительского выступления.

Келпинки окружили мисс Морген и стали о чем-то ее расспрашивать. Воспользовавшись этим, Аннушка бочком прошла мимо них и вышла за дверь.

Она прошла через гостиную, вышла в спальный коридор и побрела к Норке. Ей хотелось забраться в постель, накрыться с головой, уснуть и больше ни о чем сегодня не думать. Когда она проходила мимо бывших апартаментов Ясмин, высокая резная дверь вдруг приоткрылась, оттуда высунулась смуглая рука и втянула Аннушку внутрь.

В гостиной, куда втащила Аннушку служанка исчезнувшей принцессы, было одновременно голо и тесно: с потолка были сняты роскошные кованые светильники, с окон - шелковые занавеси, со стен - ковры, зато голый каменный пол был сплошь уставлен сундуками и чемоданами. Вторая служанка заворачивала в бумагу и укладывала в коробку сверкающую посуду; она даже не подняла головы и не взглянула на Юльку.

Первая служанка наклонилась и поглядела по углам. Нигде не обнаружив боугов, она вытащила из кармана сложенный вчетверо листок и протянула его Аннушке:

- Письмо. Читай и ответ пиши. Принцесса велела.

Аннушка развернула письмо.

«Мой отец умер, и я возвращаюсь домой. Напиши номер телефона твоего отца. Я ему позвоню и все расскажу про БП. Будь осторожна и жди помощи. Я тебя не оставлю. Твоя Ж.». В письме не стояло никакого обращения - Ясмин берегла ее. Может, она и служанок оставила в Келпи вовсе не для того, чтобы они как следует упаковали ее вещи, а чтобы помочь ей, Аннушке? А она даже не смогла проститься с нею из-за каких-то лягушек размороженных! Слезы так и хлынули из глаз, больше она уже не могла сдерживаться.

- Не плачь! Быстро пиши! - приказала служанка, сунув Аннушке в руки карандаш и маленькую записную книжку. - Боуг везде ходит - слушает, смотрит! - предупредила она, видя, что девочка задумалась над раскрытой книжкой. Аннушка написала: «Дмитрий Сергеевич Мишин» и рядом домашний и служебный номера телефонов. Подумала и добавила на всякий случай: «Юрий Сажин, мой друг» - и номер Юриного телефона. Бабушкин телефон она писать не стала

- не хватало еще бабушку волновать!

- Все? - спросила служанка и выхватила у нее книжку. - А теперь быстро уходи! Быстро! - Она буквально вытолкала Аннушку за дверь и сразу же заперла ее на ключ.

Уже дойдя до Норки, Аннушка сообразила, что Ясмин так и не знает, что магическая медицина - это сплошной обман, но потом вспомнила, что уроки целительства уже не нужны Ясмин, ведь ее отец умер. Она пошла в Норку, на ходу всхлипывая и вытирая слезы.

За ужином леди Бадб позвонила в свой колокольчик, встала и объявила:

- Дорогие мои девочки, сегодня на первом курсе стало на одну ученицу меньше. У принцессы Ясмин скоропостижно умер отец, король Нафтании, и она так же скоропостижно покинула нашу школу. Сейчас в Нафтании беспокойная политическая обстановка. Но будем надеяться, что все обойдется без революций и вскоре после похорон принцесса снова появится в Келпи.

- А-а, так она вернется! - разочарованно протянул кто-то из келпинок.

- Почему бы ей не вернуться? А сейчас маленький сюрприз. Принцесса Ясмин оставила вам в подарок все свои восточные сласти: финики, фиги, изюм, рахат-лукум и многое, многое другое.

Директриса хлопнула в ладоши, и вереница боуггов торжественно внесла в Каминный зал бесчисленные коробки и корзинки с лакомствами принцессы. Их водрузили на стол для закусок, и ученицы бросились их хватать и растаскивать, отталкивая друг дружку и вырывая сласти одна у другой; вскоре уже составились первые дерущиеся пары - во все стороны полетели липкие кубики рахат-лукума, пахлавы и сушеные фрукты.

Аннушка развернулась и пошла к лифту, чтобы не смотреть на это безобразие. Ее догнала растрепанная Дара с корзинкой фиников в руках.

- Держи! Еле-еле вырвала у твоих сокурсниц: они вообразили, что принцессины финики принадлежат им одним!

- Не стоило с ними связываться, Дара. Не нужны мне эти финики.

- Я тебя понимаю. Обидно, когда подруга сматывается, не попрощавшись. Подумаешь, принцесса нафталиновая! Я бы так никогда не поступила... А финики мы Бильбо отдадим, сами есть не станем! - С этими словами Дара выбрала в корзинке особенно крупный финик и бросила его в рот.

Аннушка ничего ей не ответила. В Норке она села к камину и стала грустно смотреть на догорающие угли. Дара попыталась ее развеселить, но лучше бы не пыталась.

- Хочешь послушать мой новый лимерик? - предложила она.

- Давай, - равнодушно сказала Аннушка. И Дара прочла:

Улетает принцесса в Нафтанию, предаваясь в полете рыданию.

Окочурился, блин, сам король Нафталин, а нафтанцы готовы к восстанию.

Аннушка встала и молча полезла на свою кровать.

- Опять не оценила мой лимерик, - уныло констатировала Дара.

Тоскливо потекли дни после отъезда Ясмин. Аннушка ходила на уроки и на факультативные занятия, днем летала на метле, а ночью читала тайком книгу о Большом Плане и строила собственные планы побега из Келпи.

А что же Ангел Иоанн? Он пребывал на своем обычном месте, на соседнем холме, но теперь уже в одиночестве. Он смотрел то на сид Келпи, то на восток – туда, где далеко-далеко в России остались его друзья-хранители: верный Димитриус, нежный Юлиус, мудрый Анастасий, покровитель бабушки Насти, и могучий градохранитель Петрус. «Что-то сейчас делается в многоцерковном тихом Пскове? – думал он. – Как там Ангелы Анастасий и Юлиус управляются с непредсказуемой отроковицей Юлией?». Он мог бы, конечно, достать зеркало и все узнать из первых рук, но не хотел никого тревожить: даже после отлета Ясмин и Ясменника в Нафтанию у него не пропала надежда выволить Аннушку местными силами. Надеялся же он на Ангела Андреуса с Андрюшей, на отца Василия, а больше всего на саму отроковицу: если бы ей удалось взорвать молитвой невидимую стену между ними, он мог бы вступить в открытую схватку со всеми фэйри сида Келпи и даже победить их в неравном бою.

Но Аннушка не молилась...

Глава 10

А в многоцерковном тихом Пскове жизнь пошла кувырком и дым стоял коромыслом: Юлька с бабушкой собрались лететь в Келпи на выручку Аннушке, и «Анастасия Николаевна срочно продавала дом, чтобы выручить деньги на дорогу, а Юрик Сажин искал для них через Интернет дешевые туристические путевки в Англию. Но сначала, наверное, надо рассказать, каким образом Юрик оказался в Пскове. Однажды зазвонил телефон, и бабушка сняла трубку.

- Здравствуйте, Анастасия Николаевна. Это говорит Юрий Сажин из Петербурга, друг ваших внучек Юли и Аннушки. Можно мне поговорить с Аннушкой?

- Никакой Аннушки здесь нет, молодой человек, а имеется в наличии ваша подружка Юля, - ответила бабушка. - Думаю, вы именно ее имеете в виду, и передаю ей трубку.

Подскочила Юлька.

- Юрик, это ты? Привет!

- Юлька, мне надо на пару дней приехать к вам в Псков, - с ходу заявил Юрик.

- Сейчас спрошу у бабушки. Бабушка, можно Юрик приедет к нам погостить?

- Конечно, можно. Дай-ка мне трубочку. Юрий? Вы показали себя с наилучшей стороны во время вашего дурацкого киднеппинга, так что милости просим! Не стесняйтесь, приезжайте, мы обе будем вам рады.

В лице Юрик был одним из первых учеников, и поэтому, когда он самолично явился к директору отпрашиваться на три дня «по личным обстоятельствам», директор удивился, но освобождение от занятий дал. Родители Юрика как раз проводили бархатный сезон в Испании, так что дома проблем не возникло, пришлось только соврать надзиравшей за ним родственнице, что он едет с классом на трехдневную экскурсию, и Юрик покатил на автобусе в Псков.

Бабушкин дом он нашел почти сразу. Подошел к калитке и увидел во дворе сваленные в кучу дрова, возле дров пожилую седую женщину, а на самой куче – Юльку.

- На дворе трава, на траве дрова, на дровах – Юла! – крикнул он и вошел в калитку.

- Юрка! – радостно завопила Юлька и кинулась к нему. Она даже хотела его с разбега обнять, но Юрик уклонился и солидно протянул руку для рукопожатия. Потом он подошел к бабушке, поздоровался, представился и заявил, что приехал по поручению нафтанской принцессы.

- Почему же не королевы? – улыбнулась бабушка. – Получить привет от королевы было бы еще эффектнее.

- Это ты про Киру? – спросила Юлька. – Неужели она все-таки стала королевой красоты на каком-нибудь конкурсе?

- Да нет, я не про Киру! Я говорю совсем про другую девочку. Анастасия Николаевна, а как вы догадались, что к вам приехала не Аннушка, а Юлька? Я всю дорогу об этом думал и не мог понять: ведь их родной отец не различает!

- А вот я сразу поняла, кто ко мне явился в гости! – сказала бабушка, глядя Юльку по голове с торчащими крошечными косичками-хвостиками – уступка любимой бабушке.

Анастасия Николаевна не стала рассказывать, что она с первого взгляда, как только внучка вышла из машины, заподозрила подмену, а ночью тихонько подошла к спящей внучке. Юлька спала на животе, и бабушка улыбнулась: именно так Юлька спала и в младенчестве. Она осторожно приподняла одеяло с ее спины, отвела кружевную лябочку ночной рубашки и увидела маленькую родинку на середине левой Юлькиной лопатки. Бабушка снова укрыла внучку, аккуратно подоткнула одеяло и ушла к себе, а потом в своей комнате тихо радовалась и плакала. Радовалась бабушка тому, что перед смертью ей выпало побыть и со второй своей внучкой, а печалилась оттого, что быть-то ей с Юлей осталось совсем недолго. Врачи ручались, что до весны она доживет, а больше не обещали...

- Бабушка такая мудрая! – затараторила Юлька. – Она папе ничего не сказала. Но как только он уехал, она сразу же назвала меня Юлей и заставила рассказать, зачем мы с Аннушкой поменялись местами. Но мне кажется, она была даже рада, что я приехала к ней вместо Аннушки. Правда, бабушка?

- Правда, золотко, чистая правда. Я очень рада, что у меня появилась возможность побыть с тобой вдвоем.

- Это я придумала, бабушка!

- Да уж, конечно, не Аннушка! – засмеялась бабушка. – Так что же это за таинственная принцесса, Юрий? Она что, в одной школе с Аннушкой учится?

- Училась. Смерть отца-короля и государственные дела заставили ее прервать учебу. Она мне позвонила, а потом мы стали переписываться по электронной почте.

- И что эта принцесса пишет про Аннушку? Здорова ли она, хорошо ли учится? – заволновалась бабушка

- Аннушка здорова, а вот с учебой имеются некоторые сложности...

- Оно и понятно. Я всегда была против учебы русских детей за границей. Юношей и девушек поездки за границу развивают, а вот подростков только сбивают с толку.

- Ой, бабушка, это я во всем виновата! - расстроилась Юлька.

- Подожди, стрекоза. Давай сначала Юрия покормим с дороги, а уж потом он нам все расскажет по порядку. Главное - Аннушка здорова. Пойдемте в дом, дети, хватит тут на ветру стоять и разговоры разговаривать.

- А дрова? Ты же сказала, бабушка, что до вечера их надо убрать со двора.

- Как не вовремя их привезли! Ну ничего, дрова подождут. Юрий потом поможет нам снести их в сарай. Поможете, Юрий?

- Само собой.

- Теперь, Юленька, покажи Юрию, где он может умыться с дороги, и дай ему чистое полотенце, а я пойду ставить чай, - и бабушка первая пошла к дому.

- Пошли, Юрка, продемонстрирую тебе наш скромный провинциальный комфорт!

Юлька повела Юрика на веранду.

- Поставь пока сумку на пол. Вот умывальник, вот мыло, а полотенце я тебе сейчас принесу.

Юрик с любопытством оглядел алюминиевый рукомойник, подвешенный над ведром.

- И как же это ты, Юлька, без ванны и джакузи обходишься?

- Ха! Пошли, я тебе покажу, где у нас главные удобства.

- Давно пора.

- Прости, не догадалась. Мог бы и спросить! Они снова спустились с крыльца, и Юлька ткнула пальцем в сторону голубой будочки в углу двора.

- Удобства вон там!

После посещения голубой уборной Юрик умылся с дороги, и бабушка позвала ребят за стол.

Сели пить чай с рябиновым вареньем и пирожками с грибами и луком.

- Между прочим, пирожки я пекла, - доложила Юлька.

- То-то они такие сухие и подгорелые снизу. А начинка вкусная.

- Начинку готовила бабушка, - призналась Юлька. - а тесто у меня почему-то все никак не получается!

- Не расстраивайся, есть можно, - успокоил ее Юрик. И тут же добавил: - Правда, и убить таким пирожком тоже можно.

- Но-но! Ешь пирог с грибами и держи язык за зубами! Как там Кира с Гулей?

- Они тебе привет передают. Скучаешь по ним?

- Немножко скучаю, все-таки с детства вместе. А знаешь, куда я теперь вместо дискотеки хожу по субботам и воскресеньям?

- В церковь?

- Угадал!

- Мы с Гулей тоже воцерковились: на Успенье Божьей Матери ездили во Владимирский собор.

- Причащались?

- Чего-о? - Юрий недоуменно поглядел на Юльку.

- Святых Таинств, - пояснила та.

- Не понял.

- Ну, ты говоришь «воцерковились», на Успенье в церковь ходили. Вот я и спросила, причащались ли вы? Что вы с Гулей в церкви-то делали?

- Купили свечек на тыщу рублей и расставили перед всеми иконами.

- Зачем же так много? - удивилась бабушка.

- А чтоб никому из святых обидно не было.

- Очень надо святым на таких дурачков обижаться! И это ты называешь «воцерковились»? - засмеялась Юлька.

- Уж как сумели, так и воцерковились, - обиделся Юрий. - Ты сама-то давно ли в церковь стала ходить?

- Как будто ты не знаешь, что я еще летом воцерковилась!

- Нет, Юленька, - сказала бабушка, - воцерковилась ты гораздо раньше, сразу после крещения, когда родители впервые принесли тебя на литургию в Божий храм. И это тебя обязывает бережно относиться к тем, кто делает в церкви первые шаги. И никогда - слышишь? - никогда не смеяться, если эти шаги покажутся тебе неловкими! А сейчас, мне кажется, тебе перед Юрием стоит извиниться.

Юлька вздохнула, подчеркнуто неуклюже слезла с табуретки, нарочито шаркая ногами, подошла к Юрику и скомандовала:

- А ну встань! Я у тебя прощения просить буду...

Юрик поднялся, и тут Юлька поклонилась ему в пояс, коснувшись рукой пола, и проговорила:

- Прости меня, грешную! - Но тут же выпрямилась, вся красная то ли от поклона, то ли от смущения, и сердито спросила: - Ну, чего молчишь как пень?

- А что я должен сказать? - окончательно растерялся Юрий.

- Ты должен мне ответить: «Бог простит!».

- Ну, Бог простит...

Бабушка низко наклонилась над столом и закрыла лицо передником, плечи и голова ее мелко тряслись. Потом отняла его и проговорила, вытирая выступившие от смеха слезы:

- Вот теперь я вижу перед собой двух воистину православных подростков, воцерковленных дальше некуда!

- Юрка, а все-таки как это вас с Гулей в церковь занесло? - спросила Юлька.

- Перед Успеньем по телеку один священник выступал и сказал, что русские дети должны воцерковляться, а то у России не будет крепкого поколения православных и она погибнет, - сказал Юрик и добавил, улыбаясь: - Ну, вот мы с Гулей и отправились в церковь спасать Россию.

- А вы с Гулей разве крещеные? - удивилась Юлька.

- Нет, а разве это важно?

- С вами все ясно! - сказала бабушка, покачав головой. - Но поняли вы все правильно, и батюшка тот правду сказал: без православных детей не будет православной России, а другая Россия не нужна ни русским людям, ни Богу. Но креститься вам, Юрик, и подружке вашей надо обязательно.

- Ладно, бабушка, я за этим прослежу, - пообещала Юлька и добавила: - Интересные дела без меня на Крестовском творятся. Вот бы Аннушка обрадовалась!

- Да, Аннушка... - сказал Юрик и отставил чашку. - А ведь у нашей Аннушки в Келпи большущие неприятности!

И Юрик рассказал, как в один прекрасный день принцесса Ясмин прислала ему подробное письмо о том, что творится в Келпи. Потом она сделала копию книги о Большом Планае и тоже переслала ее по электронной почте.

- Где письмо? - спросила бабушка.

- Все тут, - Юрик вытащил из своей сумки довольно толстую пачку бумаг. - Вот копии писем принцессы про школу Келпи, а это распечатка книжки, в которой рассказывается, почему и с какой целью создавалась эта школа.

Сначала бабушка с Юлькой прочли письмо Ясмин: Анастасия Николаевна знала английский не хуже Юльки. В письме говорилось, что школа Келпи - школа колдовства, ведьминское гнездо, и сама Ясмин спаслась оттуда чудом, а теперь надо немедленно вызволять оттуда Юлианну-Аннушку. Но сама принцесса сейчас не может отлучиться из Нафтании, у них в стране очень сложная политическая обстановка.

- Не исключено, что принцесса Ясмин скоро станет королевой Нафтании, - пояснил Юрик. - У них как раз решается вопрос о престолонаследии. Дело в том, видите ли, что у Ясмин четырнадцать братьев, но старшие трое - близнецы, и никто во дворце не знает, кто из них родился первым. А Ясмин старше этой проблематичной троицы, и теперь в стране образовалась мощная партия в поддержку нового закона о том, чтобы на престол восходил старший наследник независимо от пола. Это потому, что многие в стране хотят, чтобы королевой стала принцесса Ясмин. Сейчас вся страна бурлит, и пока неизвестно, чем все это

закончится. И вот, несмотря на всю сложность политического момента, принцесса Ясмин находит время позаботиться об Аннушке. Она считает, что Аннушку надо срочно спасти из Келпи.

- А наш папа в Японии! - воскликнула Юлька и схватилась за голову. - Что я наделала! Я погубила свою единственную сестру!

- Ты, голубушка, не торопись сестру-то оплакивать, - одернула Юльку бабушка. - Может, это и к лучшему, что в Келпи попала Аннушка, а не ты. Тебе бы там живо заморочили голову, ты натура увлекающаяся. А вот с Аннушкой, видать по всему, ведьмы сладить не могут.

- Ах, бабушка! Она же у нас такая слабенькая, такая хрупкая!

- Ну, это ты, Юлька, врешь: Аннушка духом сильная, - возразил Юрик. - Это она только с виду такая беспомощная, что так и тянет ее от кого-нибудь защитить. Но характер у нее сильный, я в этом убедился.

- Ты всегда был к ней неравнодушен, рыцарь ты наш крестовский! - заметила Юлька.

- Не ехидничай, Юлия! - осадил ее бабушка. - Юрий и в самом деле поступил как рыцарь: другой на его месте просто дождался бы возвращения Дмитрия Сергеевича или переслал бы нам все эти бумаги по почте и успокоился. А вот Юра все бросил и к нам помчался. Вполне рыцарский поступок!

- Благодарю, Анастасия Николаевна, - сказал Юрик и склонил голову.

Юлька немедленно его по склоненной голове погладила, за что тут же схлопотала шлепок по руке.

- Давайте скорей посмотрим, что там за секретные материалы прислала принцесса, - сказала она.

- Книга называется «Большой план. Магло против быдла. История и задачи нового времени». Всю книгу вы сможете потом прочесть. Очень советую - не соскучитесь и мало не покажется! А сейчас я вам прочту главу, где говорится о школах колдовства. Она называется «Большой План и специальные колдовские школы».

Юрик начал вслух читать и тут же переводить непонятные места: он уже успел дома поработать над трудным текстом. Когда была прочитана последняя страница, бабушка сказала:

- Все ясно. Придется мне лететь в Ирландию за Аннушкой.

- Я с тобой! - сказала Юлька. - Бабушка, а где мы денег на дорогу возьмем? Тех, что нам папа оставил, на заграничное путешествие не хватит.

- Деньги на дорогу я, возможно, найду, - в раздумье сказала бабушка. - А вот как нам заказать билеты и визы? Я в этих делах совершенно не разбираюсь.

- Вы к Интернету подключены? - спросил Юрик.

- У нас и компьютера-то нет, - сказала Юлька.

- Какой ужас! Как же вы живете, отрезанные от всего мира?

- Как-то, знаешь, выживаем. Но в городе есть Интернет-кафе, там можно сидеть у компьютера хоть целый день, только деньги плати.
- А зачем вам Интернет, Юрий? - спросила бабушка.
- Ну как же! Надо найти дешевые туристические путевки в Англию, но главное - найти людей, которые смогут вам реально помочь на месте, в Ирландии. И все это можно устроить через Интернет.
- Я думаю, в Ирландии лучше всего сразу обратиться в полицию, - сказала бабушка.
- Не получится, - сказал Юрик.
- Разве в Ирландии нет полиции?
- Наивный вы человек, Анастасия Николаевна. Да полиция вас и слушать не станет! Аннушка находится в школе законно, с согласия отца. Он ведь заплатил за ее учебу, у них документы есть. А школа Келпи, конечно, зарегистрирована как обыкновенная школа-пансион для девочек. Нет, власти нам в этом деле не помогут! Мы должны просто выкрасть Аннушку из Келпи.
- Даже если мы ее выкрадем, то каким образом мы ее вывезем из Ирландии? - спросила Анастасия Николаевна.
- А я знаю, как, бабушка! - воскликнула Юлька. - Очень даже просто: она полетит назад по моему билету!
- А тебя, значит, мы оставим в Келпи, и ты будешь там всяким мерзостям обучаться?
- Ну бабушка! Зачем же мне оставаться в Келпи? Мы найдем в Ирландии каких-нибудь русских, и я поживу у них, пока за мной не прилетит папа. Когда-нибудь же он вернется из Японии!
- Здравая мысль, - заметил Юрик. - За границей везде полно русских эмигрантов.
- А я слышала, что в Англии есть русские церкви, - сказала бабушка, - может быть, они есть и в Ирландии?
- Нам и тут поможет Интернет, - сказал Юрик. - Завтра мы с утра идем с Юлькой в Интернет-кафе - будем искать для вас «горящие» путевки и попробуем отыскать русских священников в Англии и в Ирландии.
- Хорошо, дети, - сказала бабушка. - А я постараюсь завтра же раздобыть деньги на поездку.
- Да это-то совсем просто! - сказала Юлька. - Ты, бабушка, займи у кого-нибудь в долг пару тысяч долларов, а папка потом отдаст.
- Ты думаешь, у меня есть такие богатые знакомые? Мы попробуем еще раз связаться с твоим папой.

Жанна, конечно, знала, в какой стране, в каком городе, и даже в каком отеле сейчас находится Мишин, и она была дома, когда Анастасия Николаевна, скрепя сердце, позвонила ей в Петербург. Но в ответ на просьбу бабушки дать заграничный телефон Мишина она холодно заявила, что Мишин очень занят и не стоит его лишний раз беспокоить по пустякам. Однако,

добавила она, если Анастасия Николаевна желает ему что-то сообщить, она может передать это через нее, Жанну. Юлька протянула руку к трубке – уж она бы сказала Жанне, что она о ней думает! – но бабушка отрицательно помотала головой, вежливо закончила разговор и повесила трубку.

- Бабушка, почему ты не дала мне с ней поговорить? Я бы ее заставила сказать, где папа!

Анастасию Николаевну с ответом опередил Юрик:

- Ты что, Юлька, совсем не соображаешь? С Аннушкой Жанна и говорить бы не стала. А если бы ты призналась, кто ты есть на самом деле, она тут же позвонила бы в Келпи и как-нибудь навредила Аннушке.

- Точно... Ну, Жанна, погоди! – пригрозила Юлька. – Вот соберемся мы вчетвером – папа, бабушка и мы с Аннушкой, и разберемся мы с тобой раз и навсегда, мачеха ты наша самозваная, ведьмочка приبلудная!

- Нехорошо так говорить, Юленька, не надо обзывать Жанну ведьмой, – укоризненно стала выговаривать Юльке бабушка.

- Скажи, бабушка, а собаку можно называть собакой, или это тоже оскорбление? – негодуя, спросила Юлька.

- Анастасия Николаевна, вы меня извините, но эта Жанна по всем признакам действительно ведьма, – вступился за Юльку Юрик.

Вдруг Юлька ахнула:

- Бабушка, а дрова-то?! Если мы едем за Аннушкой, то надо их срочно в сарай убирать – вдруг без нас дожди нагрянут?

- Юлька, я тебя не узнаю! – сказал Юрик, поднимаясь из-за стола. – Анастасия Николаевна, для меня одежда какая-нибудь подходящая найдется?

- Найдется, Юра.

Дровами занимались до самого вечера, а за ужином снова обсуждали свалившуюся на них беду и разошлись спать расстроенные.

- Утро вечера мудренее, – сказала бабушка, перекрестив обоих на ночь. – Постарайтесь, ребятки, спокойно уснуть и выспаться – завтра у нас будет трудный день.

Утром Юрик с Юлькой сразу после завтрака ушли в Интернет-кафе, а бабушка отправилась совсем недалеко – к соседу, живущему через забор. И пошла она к нему не с пустыми руками: она взяла с собой медицинскую карту и рентгеновские снимки, а также документы на владение домом и земельным участком. Разговор с соседом был долгий и обстоятельный. Потом они вместе поехали в центр города и там несколько часов ходили по разным учреждениям, стояли в очередях и подписывали какие-то бумаги. Бабушка продала соседу свой дом очень дешево, но с условием – и условие это было зафиксировано у нотариуса, – что она останется в нем жить до самой своей смерти. Оба были уверены, что ждать соседу придется недолго, скорее всего, только до весны.

Бабушка вернулась домой только к обеду и, несмотря на усталость, принялась хлопотать у

плиты. Вскоре подошли Юлька с Юриком.

- Бабушка, у нас полный порядок. Юрик все устроил через Интернет, он даже заплатил задаток в туристическое бюро - мы с тобой должны ему сто долларов. В Петербурге нам сделают срочные визы за 24 часа, и послезавтра мы можем лететь! В Лондоне нас встретит русский священник отец Трофим. Завтра нам надо быть в Питере, послезавтра самолет Санкт-Петербург - Лондон, а оттуда мы летим в Дублин. - Юлька спешила все поскорей выложить бабушке, но вдруг осеклась и внимательно на нее поглядела. - Бабушка, а что это с тобой? Ты какая-то жутко бледная, у тебя вон пот на лбу. Ты у меня не заболела?

- Нет, детка, я просто очень устала. Мне сегодня пришлось много ходить.

- Ой, как мне твой вид не нравится, бабушка! А может, нам с Юриком лететь в Ирландию? Билеты ведь можно обменять...

- Не дури, Юля. Никто вас одних даже в самолет не пустит. И Юра никак не может лететь в Англию без позволения отца.

- Правда, не могу, - вздохнул Юрик. - Отец меня не отпустит одного за границу, да он и сам сейчас в Испании, отдыхает в Алтайе: там у него друг-одессит дядя Миша строит русский храм.

- Православный русский храм?

- Ну да, храм Архистратига Михаила.

- Замечательно! Так ваш папа отправился ему помогать?

- Ну да. Отец сказал, что не всякому русскому выпадает строить храм, так надо воспользоваться случаем. К тому же дядя Миша его деловой партнер.

- Вот как... Но раз отца нет на месте - значит, нет и разрешения на поездку. Кроме того, нам нужно, чтобы вы, Юра, были в Петербурге к возвращению Дмитрия Сергеевича: вы должны будете ему все рассказать, если мы с Аннушкой до того не вернемся.

- Я понимаю, - кивнул Юра. - Анастасия Николаевна, может, вам и правда прилечь?

- Да. Я, ребятки, в самом деле, пойду к себе и полежу, а вы без меня пообедайте. Юленька, ты после обеда вымой посуду и потом собирайся в дорогу: завтра с раннего утра поедем на вокзал.

Бабушка ушла к себе в комнату.

- С ней часто такое бывает? - тихо спросил Юрик. - Бывает... - вздохнула Юлька. - Не разболелась бы она... Как плохо, когда рядом нет папы!

И все-таки на другой день они отправились спасать Аннушку. Но бабушка была все так же бледна в поезде, еще бледнее в самолете, хотя упорно уверяла Юльку, что с ней все в полном порядке - просто она волнуется за Аннушку.

В Лондоне их встретил русский священник отец Трофим.

- Я от Юрия Сажина, - представился он. - Он мне сообщил номер вашего рейса и время прилета. Сейчас поедем ко мне, матушка моя уже стол накрыла, - пригласил он путешественников, но бабушка заявила:

- Ни минуточки мы терять не можем, дорогой отец Трофим! Юрий вам рассказал, в чем дело?
- В самых общих чертах. Он сказал, что ваша внучка попала в беду в Ирландии. А внучка уже взрослая?
- Такая же пигалица, как эта. Они у меня близнецы.
- Боже мой! Как же она попала одна в Ирландию?
- Поехала учиться в привилегированную закрытую школу, а школа оказалась заведением, в котором девочек обучают магии и колдовству.
- Какой кошмар, спаси Господи! Ну, тогда я не смею вас задерживать. Идемте покупать билеты в Дублин, а потом, когда мы уже будем знать рейс, я позвоню моему другу, дублинскому священнику, и он вас встретит в аэропорту. Отец Василий уже наготове и только ждет, чтобы я сообщил ему время вашего прилета.

В Дублине их встретил отец Василий и повез к себе. По дороге он не задавал им никаких вопросов, кроме самых обычных: как долетели, хорошо ли кормили в самолетах?

Вся семья отца Василия была в курсе событий и радушно встретила бабушку с внучкой. Только Андрюша уставился во все глаза на Юльку и, знакомясь с нею, как-то уж слишком выразительно проговорил:

- Я Андрей! У меня лодка есть. Синяя, «Апостол Андрей» называется...
- Очень рада, что у тебя лодка есть, - ответила Юлька, пожала плечами и отвернулась от назойливого мальчика.
- Не приставай к девочке, Андрюша, она устала, - одернула его матушка и повела гостей мыться и отдыхать с дороги.

Вечером, когда все собрались за чаем, отец Василий попросил гостей подробно рассказать, какая забота привела их в Ирландию. Бабушка велела Юльке достать папку с материалами от принцессы Ясмин. И опять все по кругу просматривали листки из книжки о Большом Плане. Прочитать всю книгу, конечно, они не могли, просмотрели лишь отдельные главы, но все очень скоро поняли, в какую беду попала Аннушка. Особенно ужасалась матушка:

- Господи, что ж такое творится в этом мире! Не знаешь, как детей уберечь!
- Да, оккультизм на Западе расширяет свои границы, и за детей борьба пошла в открытую, - сказал отец Василий. - И что же нам теперь делать? Как мы будем искать эту школу Келпи?
- Скажите, а как зовут вашу внучку? - спросил вдруг Андрюша, младший сын отца Василия.
- Зовут ее Аннушка, - сказала бабушка, - но в школе этой ее знают как Юлию.
- Нет, бабушка, я думаю, в школе она назвалась Юлианной, как мы договорились. Юлианна Мишина.
- Я знаю вашу Юлианну, - сказал Андрюша. - Папа, ты помнишь Золушку, которую я встретил на берегу реки?
- Помню, сынок.

- Она сказала, что ее зовут Юлианна Мишина.

И Андрюша рассказал о своей встрече с Золушкой.

Юлька слушала его, а из глаз у нее ручьями текли слезы.

- Бабушка, ты только подумай! Они заставляют ее носить лохмотья и делать метелки на продажу!

- Ну, это, Юленька, еще не самое страшное, это даже хороший знак: раз они ее держат в черном теле, значит, Аннушка не поддается их влиянию. Так ты знаешь, где находится школа Келпи, Андрюша?

- Нет, не знаю, - вздохнул Андрюша. - Про это мне Золушка ничего не сказала, даже проводить ее не разрешила. Я уплыл по реке, а она ушла по дороге... Потом я еще два раза ездил на дачу специально, чтобы ее встретить, но она к старой иве больше не приходила. Я даже ей записку на фанерке написал со своим телефоном и повесил на иву, но она не позвонила.

- Я думаю, надо сделать так, - объявила бабушка. - Андрюша покажет нам место, где он встретился с Аннушкой, и мы с Юлькой обыщем окрестности, порасспрашиваем жителей. Не под землей же эта школа, в самом-то деле! Завтра же едем туда. Отец Василий, отпустите с нами Андрюшу?

- Я и сам поеду с вами, - сказал отец Василий. - Андрея, конечно, возьмем с собой и начнем искать с того места, где он встретил Золушку.

Андрюша подумал и сказал:

- Знаешь, пап, а можно сделать по-другому.

- Это как же?

- А вот как. Юлианна сказала мне, что на Хэллоуин вся их школа отправится в городок на нашем берегу реки. Она говорила, что мы можем с ней в этот день увидеться. Мы даже назначили время и место встречи: ровно в пять возле ратуши, под часами.

- Андрюша! - воскликнула Юлька, бросилась к мальчику и расцеловала его в обе щеки.

Андрюша нахмурился, потом вытер левую щеку о левое плечо, а правую - о правое, и сказал:

- Сегодня двадцать седьмое, а Хэллоуин будет тридцать первого, так что ждать совсем недолго. Тридцать первого поедem в город и будем ждать Юлианну возле ратуши.

- Очень разумный план. Вот так мы и поступим, - сказал отец Василий. - Обычно мы в этот день с утра служим в церкви панихиду по убиенному брату Иосифу, Хранителю Иверской мироточивой иконы

: он ведь был замучен и убит именно в Хэллоуин. А потом уж мы стараемся из дома не выходить.

- Отец Василий очень дружил с братом Иосифом, - пояснила матушка Елена.

- Да, так оно и было, - вздохнул отец Василий. - Святой был человек! Но на этот раз мы сделаем исключение: через три дня мы с утра отправимся все вместе к нам на дачу, а оттуда поедem в соседний городок. И мы не уедem оттуда, пока не разыщем вашу внучку, дорогая

Анастасия Николаевна!

- Спасибо, - сказала бабушка. - Как хорошо, что мы встретились, отец Василий!

- Да, и это, конечно, не просто так случилось, что ваш петербургский друг Юрий Сажин через Интернет вышел на моего старого друга отца Трофима, а до этого мой Андрей будто бы случайно познакомился на берегу с Аннушкой. Таких случайностей не бывает: нам явно помогают Ангелы, а им это поручено самим Господом. Но нам еще наверняка предстоит борьба за вашу Аннушку, келпинские ведьмы не захотят ее так просто из рук выпустить. Дорогие мои, помните, против какой силы мы выходим сражаться! Мы должны как следует вооружиться. Я предлагаю всем нам объявить на ближайшие дни строгий пост и усилить свои молитвы, а я буду в это оставшееся время каждодневно служить литургию. Благословляю всех прямо сегодня исповедаться и до поездки каждый день причащаться. И будем молиться мученику брату Иосифу, чтобы он помог нам в Хэллоуин отбить от бесов отроковицу Анну.

И Юлька, и вся семья отца Василия - три старшие девочки, матушка и Андрюша, все согласились поститься ради спасения Аннушки. А бабушка... Что ж, откроем бабушкин секрет: она решила все эти дни не есть вообще ничего, кроме одной просфоры в день, и ничего не пить, кроме теплоты после причастия да трех глотков святой воды на ночь. И можете не сомневаться, бабушка этот строжайший пост выдержала!

А что в это время происходило в Келпи? В Келпи готовились к Хэллоуину, готовились теоретически и практически. Преподаватель истории магии Финегас прочел целую лекцию, посвященную приближающемуся празднику.

-Хэллоуин - один из древнейших праздников магов и неоргаников, - рассказывал он первокурсникам. - Его настоящее название - Самхэйн. В эту ночь древние кельты прославляли языческого бога Самхаина, Повелителя Смерти. В канун Самхэйна друиды приказывали всем жителям загасить очаги в жилищах и не зажигать ни светильников, ни костров. Быдлики сидели по домам в темноте, закрыв все двери и окна, и дрожали от страха. Вечером тридцать первого октября друиды зажигали огромный костер и на нем приносили жертвы богу Самхаину. Когда костер догорал, угли от него жители разносили по домам и снова зажигали очаги и светильники. Этот огонь следовало Хранить весь год, до нового Самхэйна, и все, что люди готовили на том огне, - все посвящалось, таким образом, Повелителю Смерти.

- А какие жертвы приносили друиды, господин Финегас? - спросила Филида.

- Обыкновенные, человеческие. Люди охотно жертвовали божеству Смерти своих детей, часто самых любимых; за это Повелитель Смерти даровал роду удачу, а главе рода - долгожитие. Потом народ испортился, и в жертву стали приносить сначала рабов, а позднее животных.

- А теперь приносят жертвы Самхаину?

- Все, что люди кидают в самхэйнские костры, или, если хотите, в хэллоуинские, на магическом уровне является жертвой Повелителю Смерти. Правда, теперь ему чаще всего приносят в жертву ненужные вещи: старую мебель, журналы и газеты, да еще поджаривают на углях сосиски. Теперь редко где празднуют Самхэйн по-настоящему, и в этом смысле наш городок счастливое исключение: в Ирландии только у нас главный костер зажигает настоящий друид, и только у нас... Что ты хочешь спросить, Милли?

- Ой, господин Финегас, я уже давно хотела узнать, откуда взялся обычай вырезать смешные рожицы на тыквах и зажигать внутри свечу?

- Этот обычай пошел от кузнеца по имени Джек. Этот самый Джек был таким грешником, что даже ад не захотел его принять, и ему было назначено скитаться по земле до самого Страшного суда. Люди не пускали его на порог, и несчастный, всеми отвергнутый и озлобившийся Джек бродил по земле, освещая себе путь тыквой с горящим угольком внутри, а люди, завидя его, закрывали двери своих домов и не пускали его на порог. Если же ему удавалось обманом проникнуть к кому-нибудь в дом, то на другой день соседи находили всех его обитателей мертвыми.

- А кузнец Джек и сейчас бродит по земле?

- Надо полагать, поскольку Страшного суда пока что не было. Так что, мышки, будьте внимательны, когда кто-нибудь подходит к вам с горящей тыквой в руках!

- Ой, как здорово! Ой, как страшно! - визжали первокурсницы.

- А тыквы-фонари ставят на окна, чтобы показать: вечный Джек у нас уже побывал, всех погубил и ушел, оставив фонарь, - чтобы он не забрел во второй раз.

- Вау! - радостно ужаснулась Милли. - Господин Финегас, а вы пойдете с нами на Хэллоуин в город?

- Да, пойду. Вообще-то я избегал самхэйнских костров с той поры, как в жертву Богу Смерти стали приносить животных, но в последнее время кое-что изменилось к лучшему.

- Вы так любите животных, господин Финегас?

- Животных я люблю. Но перестал ходить на Хэллоуин не из жалости к ним, а потому, что считаю животные жертвоприношения неправильными. Дело в том, что приносящие жертвы друиды впитывают энергетику сжигаемых. А зачем, скажите на милость, мне сдалась энергетика сельскохозяйственных животных - козлом прыгать и бараном упираться? А уж теперь, когда на кострах сжигают всякий мусор, возле них порядочному друиду и вовсе делать нечего. Конечно, когда горят связки старых писем, их дымком можно полакомиться: я, мышки-малышки, имею в виду ту легкую и приятную энергетику любви и дружбы, которой в старину люди обменивались в письмах. Но вы этого не поймете, теперь таких писем не пишут, а с любимыми и друзьями болтают по телефону. На кострах теперь сжигают пачки старых журналов и прошлогодние телефонные книги - ну какая от них может быть энергия? Так, психомусор суеты человеческой. А в прежние далекие времена люди даже не всякую древесину использовали для костров Самхэйна. Нет, мышки, я выхожу к этим кострам лишь тогда, когда твердо уверен, что в жертву будет принесено благородное животное или человек.

- А разве такое бывает сейчас, чтобы сжигали человека?

- Случается, но очень, очень редко. О таком событии заранее оповещаются все маги, и они летят на такой костер, как мотыльки на свет. Теперь в местах обитания магов на самхэйнском костре чаще сжигают специально подобранное животное: например, собаку - друга семьи, чью-то любимую канарейку или кошку. Хорошо, например, когда в жертву Самхайну приносится пес, спасший своего хозяина от гибели, - такая жертва весьма угодна Повелителю Смерти. Но после успешного завершения Большого Плана, я думаю, маги вернуться к практике человеческих жертвоприношений.

Кажется, всем келпинкам нравились рассказы Финегаса о Хэллоуине-Самхэйне, и только Аннушка стала еще больше бояться праздника нечистой силы. Она, конечно, решила на праздник не ходить.

Келпинки мастерили себе наряды ведьм, чертей, мертвецов, привидений, вампиров и прочей нечисти. Привезли огромный ящик тыкв разных сортов и размеров и поставили его в Каминном зале: все ученицы могли выбрать себе тыкву для изготовления фонаря по своему вкусу. Вечерами в окна школы светились жуткие оранжевые головы с горящими глазами и щербатыми ртами.

- Наша процессия на празднике будет самая роскошная, - заявила Аннушке Дара. - Знаешь, почему?

- Почему?

- Потому что наши фэйри будут сопровождать нас. Для них это почти единственная возможность открыто появиться среди людей. С нами пойдет даже дракон Диамат, и на этот вечер в сиде выключат отопление.

- А люди не разбегутся при виде дракона?

- Да никто из быдлов не поверит, что это настоящий дракон! На Диамате будут ехать наши преподавательницы, и быдлы подумают, что это просто карнавальная колесница в виде дракона. А боугов, гномов и лепрехунов глупые быдлики принимают за маленьких детей, наряженных в сказочные костюмы. Даже Келпи выйдет в город. Вот будет весело, вот будет потеха!

Аннушка не думала, что это будет так уж весело, если плотоядная лошадка Келпи зайвится в город и начнет там охотиться на собак и кошек.

- А еще мы будем играть в «Угощай или пожалеешь!», - в упоении продолжала Дара. - Мы станем стучаться в двери домов, в окна автомобилей и требовать угощений и денег, а если кто откажется, мы имеем право жадину наказать.

- Как это - наказать?

- Да как угодно! И наказание должно быть по-настоящему вредным. Можно, например, ветровое стекло автомобиля испортить белой краской. Знаешь, как это делается? Выдуваешь яйцо и наполняешь скорлупу масляной краской. Бац! - и все стекло заляпано! А дверную ручку дома, откуда нам ничего не вынесли, можно вымазать какой-нибудь гадостью. Я вот наберу пластиковый мешочек сажи из камина. Утром жадные люди возьмутся за ручку - вымажутся сами и одежду перепачкают! Здорово, да?

- По-моему, совсем не здорово.

- А что? Ты можешь предложить что-нибудь похлеще?

- Мне кажется, если тебя не хотят угощать, то лучше просто извиниться и уйти. Может быть, у людей в доме беда или кто болен? Может, им просто не до гостей или у них нет денег на угощение.

- Дурочка, это же Самхэйн-Хэллоуин! Порядочные люди заранее покупают сласти и меняют деньги, чтобы не нарваться на неприятности. Ты, пожалуйста, глупостей не говори, а лучше подскажи, какого цвета вуаль прикрепить к моей ведьминской шляпе? - Дара мастерила из картона высокий ведьминский колпак. - Да, послушай, Юлианна, а где же твой костюм для Хэллоуина?

- Не надо мне никакого костюма. Я вообще не пойду с вами в город.
- Это еще почему?
- Мне не нравится этот праздник.
- Да ты что, Юлианна? Хэллоуин – это самое лучшее, что Ирландия подарила человечеству!
- Разве это не американский праздник?
- Ха! Да если ты хочешь знать, наш Хэллоуин гораздо старше самой Америки! Это наши эмигранты привезли Хэллоуин в Соединенные Штаты, а уже оттуда он разошелся по всему миру. И как это можно по собственной воле пропустить такой праздник?
- Значит, можно, – сказала Аннushка и полезла на свою кровать. Там она задернула полог и вытащила из-под матраца книжку про БП. И надо же было случиться так, что она именно в этот вечер набрела на главу «Праздники магла и быдла». Там она с удивлением прочла, что БП всячески приветствует празднование Рождества. Но затем авторы книги разъяснили, что в Западной Европе темным силам удалось праздник Рождества превратить из христианского праздника просто в крупный осеннее-зимний торговый праздник, торговой маркой которого стал Санта-Клаус, давно не имеющий ничего общего со святителем Николаем. «Маглы веселятся и покупают подарки, но большинство из них уже не помнит, чье рождение они якобы празднуют. Таким образом тайно осуществляется глумление над одним из двух главных праздников христиан. Но со временем мы добьемся, чтобы этот праздник был переименован и назывался не Рождество, а просто Торжество».

Несколько следующих страниц были посвящены рассказу о том, как маги приучили быдлов праздновать 1 мая – второй по значению языческий праздник, по-гэльски называемый Бельтайн, весенний праздник нечистой силы. И наконец, авторы перешли к рассказу о Хэллоуине. Одно место в этой главе показалось Аннushке особенно важным:

«До сих пор из-за сопротивления Православной Церкви и находящихся под ее влиянием антимагловских сил нам не удастся достаточно широко распространить празднование Хэллоуина в Греции, России, Болгарии, на Украине и других странах, все еще находящихся под влиянием глубоких христианских традиций. Между тем для формирования у детей нужного психологического архетипа поведения Хэллоуин играет первостепенную роль. Для детей активных, возбудимых, склонных к театральности эмоциональное переживание во время исполнения ими ролей демонов, чертей, монстров и привидений ведет к идентификации себя с этими персонажами. Хэллоуин не просто учит ребенка не бояться нечистой силы, но прививает ему демонофилию – любовь к демонам. У ребенка, постоянно участвующего в праздновании этого бесценного для нас праздника, исчезает заложенное природой чувство самосохранения от влияния темных сил. Действуя не всерьез, считая это веселой игрой, дети быдликов во время Хэллоуина призывают силы зла, и состояние их душ при этом таково, что они широко открываются влиянию демонических сил. В дальнейшем это значительно упрощает влияние высших неоргаников – в христианском просторечии „бесов“ – на податливые души детей, вплоть до вселения в них. Дети не знают, что „бес“ не может войти в человека без его согласия. Но когда человек устремляется ему навстречу, идентифицирует себя с „бесом“ даже в виде игры, шутки, этот барьер благополучно преодолевается – и „бес“ вселяется в ребенка».

«Как страшно, – подумала Аннushка, закрывая книгу дрожащими руками и пряча ее под матрац в ногах. – Ни за что я не пойду на этот их Хэллоуин!»

Глава 11

Но вот наступило 31 октября. Конечно, в этот день келпинки не учились. С утра и до обеда все сидели по своим комнатам и спешно заканчивали мастерить свои костюмы.

- Ты все-таки решила идти на праздник в обычной одежде? - спросила Аннушку Дара.

- Я решила вообще не ходить в город.

- Глупости! Никто не остается в сиде на Самхэйн.

- Почему?

- Да потому, что когда все уходят из Келпи, в сиде остаются только одни фоморы. Ты что, хочешь Самхэйн праздновать с фоморами и Кромм-Круахом? Не советую, ох не советую, Юлианна! Разве Финегас вам не рассказывал, что в древности фоморы в Самхэйн собирали с людей особую дань?

- Может, и говорил, я не помню. Он такие ужасы рассказывал на последнем уроке, что я старалась не слушать.

- Это ты зря: Финегас всегда дело говорит, его надо слушать. Так вот, фоморы собирали с людей дань зерном, скотом и детьми.

- Они что, забирали детей в рабство?

- Да нет, зачем фоморам рабы? Детей они просто съедали.

- Ой!

- Вот тебе и «ой». Если ты останешься в сиде, фоморы - они ведь дурные, как все великаны, подумают, что люди возобновили древний обычай и оставили тебя им на съедение. В Ирландии все знают, что в Хэллоуин ни в лес, ни на озеро, ни к сиду и близко подходить нельзя, тем более в одиночку.

- Надо же, какая жуть, - вздохнула Аннушка и вдруг вспомнила, что у нее за стенами Келпи есть друг - мальчик Андрюша, который, может быть, будет ждать ее именно в Хэллоуин возле ратуши, под часами ровно в пять. - Ладно, пойду я вместе со всеми на Хэллоуин.

- Вот и отлично, - сказала Дара. - А то выдумала - в сиде оставаться! И костюм мы тебе сочиним в два счета. Не переживай, подруга!

Дара оглядела комнату.

- Есть! Придумала!

Она стащила с Аннушкиной кровати простыню, схватила ножницы и двумя движениями прорезала в простыне дырки для глаз.

- Костюм готов! - объявила она. Затем она накинула на себя испорченную простыню и принялась вертеться перед зеркалом шкафа. - Демонстрируется новая модель - скромный будничного наряда привидения из сида Келпи! А сейчас будничного наряда мы превратим в праздничного!

Дара скинула простыню, взяла черный фломастер и вокруг глазных отверстий намалевала ресницы, а пониже нарисовала улыбающийся рот, полный огромных квадратных зубов.

- Ну-ка накинь!

Аннушка надела простыню и погляделась в зеркало. Зрелище было жутковатое и нелепое, особенно в сочетании с мохнатыми сапожками.

- Класс! Вот в этом ты и пойдешь сегодня на Хэллоуин!

Шествие ряженных должно было начаться ближе к сумеркам, пройти через весь город с востока на запад и выйти на загородный луг, где, по традиции, жгли костры. Чтобы не опоздать, фэйри и люди отправились на праздник сразу после обеда, прошли через лес к реке, перешли через мост и явились в город как раз вовремя, чтобы присоединиться к общей процессии, уже идущей по главной улице городка. Жители города стояли на тротуарах и приветствовали ряженных.

Процессию из Келпи горожане встречали восторженными криками. Впереди верхом на Келпи ехала леди Бадб, наряженная королевой фэй. Она была в светлых развевающихся одеждах, искрящихся драгоценными камнями и живыми светлячками, а за спиной у нее трепетали огромные стрекозиные крылья. Ослепительную красавицу на белоснежной лошадке зрители встречали аплодисментами. Но с не меньшим восторгом приветствовали они красного дракона Диамата и всех преподавательниц Келпи, ехавших на его длинной гребенчатой спине. Надо сказать, Диамат был по-своему великолепен в своей безобразии; он сознавал это и гордо выступал на шести когтистых лапах. Единственное, что портило впечатление, были подрезанные крылья дракона, болтавшиеся на ходу, как незакрытые дверцы автомобиля. На переднем горбу, сразу за длинной выгнутой шеей дракона, сидела профессор Морриган, похожая на черную ворону. На голове у нее была широкополая черная шляпа, поля которой спереди были сколоты большой булавкой наподобие клюва. Платье на профессорше было из черного гофрированного атласа; длинные, расширенные книзу рукава крыльями спускались на драконьи бока, а сзади с горба дракона ниспадал широкий складчатый подол, напоминающий вороний хвост. За профессоршей рядом сидели прочие преподавательницы в пышных старинных нарядах; по ветру весело вились вуали остроконечных шляп, звенело золото и медь украшений (серебра жители сида не носили). За драконом с посохом в руке важно шествовал Финегас, одетый в свой обычный зеленый плащ с капюшоном. Его кудри, усы и борода впечатляюще развевались на ветру. А дальше парами шли келпинки, одетые ведьмами и колдуньями, русалками и феями, вампирами и вурдалаками, мертвецами и зомби, чертями и демонами - кто во что сумел загримироваться и вырядиться. Вампиры несли бутылки с томатным соком, на которых было написано «Кровь» и тянули из них сок через соломинки; зомби кидали в толпу куриные косточки и «разложившиеся пальцы» из выпачканных чернилами сосисок.

В последней паре, все время отставая от других, шли Аннушка и Дара. Отставали они из-за Аннушкиного наряда: они не догадались укоротить или подшить его, и теперь она то и дело путалась ногами в подоле и спотыкалась.

- Дара, можно я не буду больше привидением и скину этот саван?

- Нельзя! Ты что, не видишь, какой ты имеешь успех?

- Не вижу! Я даже дорогу под ногами не вижу!

Дара так неудачно вырезала дырки, что Аннушке никак не удавалось смотреть одновременно

двумя глазами: если одна дырка была на глазу, то в другую высовывались либо нос, либо ухо. А вот зрителям очень нравилось маленькое привидение в мохнатых сапогах, нелепо путавшееся в своем саване. Оно им нравилось почти так же, как шедшие следом за ним боуги, лепрехуны и гномы, которых они принимали за раженок детей.

- До чего ж они потешные, эти малыши! - говорили друг другу растроганные горожанки и бросали «малышам» конфеты, шоколадки и мелкие монетки,

Лепрехуны и гномы гурьбой кидались за каждой денежкой, визжа и отталкивая друг друга, а на сласти не обращали внимания. Зато боуги, наоборот, подбирали каждую шоколадку, совершенно не интересуясь мелкой монетой: леди Бадб ради праздника выдала всем боугам довольно приличные карманные деньги - за особые услуги, надо полагать. Кроме того, леди Бадб по опыту знала, что деньги эти все равно пойдут на нужды школы.

- Я теперь жалею, что сама не додумалась одеться привидением, - ворчала Дара. - После праздника я заберу у тебя этот саван, ладно?

- Зачем он тебе?

- На будущий год я сама его надену, а тебе мы придумаем что-нибудь другое. Я тоже хочу, чтобы надо мной все потешались!

- Возьми прямо сейчас!

- Да нет, сейчас нельзя, ведь тогда ты останешься без костюма. Вот если бы поменяться нарядами... А что - это идея! Где бы нам переодеться?

- Где тут переоденешься? - вздохнула Аннушка. - Знаешь, Дара, ты иди вперед, а я немного отдохну - я ужасно устала спотыкаться. Я тебя потом догоню.

- Ты за кого меня принимаешь? - возмутилась Дара. - Чтобы я бросила подружку в беде?

- Ну спасибо тебе, - кисло сказала Аннушка. На самом деле она хотела отстать от Дары, чтобы скинуть дурацкий саван и бежать к ратуше, где была назначена встреча с Андрюшей.

И вот уже башня ратуши показалась впереди, часы на ней показывали половину пятого. И тут Аннушку осенило:

- Дара, а давай в ратушу зайдем! В ратуше наверняка есть туалет, и мы сможем там поменяться костюмами.

- Класс! Это ты здорово придумала, Юлианна! Бежим!

Они оставили процессию, и никто их ухода не заметил. Девочки побежали к ратуше, поднялись по ступеням к широко распахнутым дверям, в которых толпились чиновники и чиновницы. Дара вежливо попросила пропустить их внутрь, объяснив причину: им срочно надо в туалет. Девочек со смехом и шуточками пропустили. В туалете Аннушка сразу сбросила простыню и стала ждать, пока Дара снимет с себя ведьминский наряд - платье, колпак и длинную мантию в звездах.

- Ты чего не одеваешься? - спросила Дара, натягивая саван и охорашиваясь перед зеркалом.

- Ты знаешь, мне надо сначала в кабинку зайти, - сказала Аннушка.

- Тебя подождать?

- Да нет, ты беги, Дара. Я тебя догоню.

- Ладно! Только не задерживайся, а то ищи тебя потом! - крикнула Дара на бегу. Ей не терпелось покрутиться перед зрителями в новом облике.

Оставшись одна, Аннушка связала платье и мантию Дары в плотный узелок, а картонный колпак просто поставила в уголок и тоже вышла из туалета. Часы на башне только что пробили три четверти, и она решила до пяти часов из ратуши не выходить. Она подошла к окну в коридоре и стала смотреть на площадь, запруженную людьми.

Как раз в это время бабушка с Юлькой и отец Василий с Андрюшей прибыли в городок. Они оставили машину отца Василия на стоянке и теперь медленно пробирались в центр города, по пути внимательно осматривая зрителей на тротуарах и ряженных в процессии.

- Вы посмотрите только, какие лица у этих бедняжек - они же выглядят как натуральные маленькие ведьмы и чертенята! - воскликнула бабушка. - Нет, нашу Аннушку тут искать нечего, моя внучка не станет изображать нечистую силу.

- Но если ее тут нет, то где же нам ее искать? - спросила Юлька.

- Если не увидим в процессии, будем ждать у ратуши, - сказал отец Василий, поглядев на часы. - Уже скоро пять.

Мимо них, клянча у прохожих монетки, проходили ряженные школьники. Пришлось отойти подальше к стенам домов, чтобы отвязаться от наглых маленьких попрошаек.

- Интересно, почему дети, если их вовремя не остеречь, так тянутся к страшному и ужасному? - в раздумье спросила Анастасия Николаевна.

- Потому что ужасное притягивает и восхищает слабые души, - сказал отец Василий. - Многие детские психологи здесь, на Западе, утверждают, что страшные фильмы и книжки-ужастики закаляют детские души. Но мой опыт говорит, что тяга к ужасному детей калечит, раскачивает их психику, делает их уязвимыми. Среди этих детей наверняка есть одержимые бесами.

- Пожалуй, тут я с вами соглашусь, отец Василий. Хотя я, слава Богу, всю жизнь имела дело со здоровыми ребятами, - задумчиво сказала бабушка. - Озорников и шалунов в моих классах попадалось сколько угодно, повидала я и хулиганов, а вот настоящих одержимых встречать, слава Богу, не приходилось.

А мимо них все шли и шли вырядившиеся под нечистую силу дети.

- Скажите, пожалуйста, а школа Келпи тоже участвует в этом шествии? - спросил отец Василий стоявшую рядом с ними добродушную и толстую горожанку средних лет.

- Школа Келпи? Никогда о такой не слыхала, - ответила та.

Перед ними все время вертелась бойкая старушка в джинсиках и пуховой курточке; в руках у старушки была «мыльница» - простенький такой фотоаппарат, и она им без конца щелкала, снимая всех ряженных подряд. Она услышала разговор отца Василия с горожанкой, перестала щелкать фотоаппаратом, внимательно снизу вверх поглядела на отца Василия и вдруг спросила резко:

- А вам-то зачем понадобилась школа Келпи? Вы же священник, верно?

- Верно.

- Ну и нечего вам тут выпрашивать, не вашего ума это дело! Вы бы еще с лошадкой Келпи захотели познакомиться...

- А что это за лошадка такая, можно узнать?

- Вам - нельзя! Додумался, долгополый, явиться на Хэллоуин, не сняв креста, - злобно проворчала старушка и ушмыгнула в толпу.

- А вы лошадку Келпи разве не видели? - спросила отца Василия полная соседка.

- Что это за лошадка? - спросил он, заинтересовавшись.

- Келпи - это колдовская лошадка, которая превращается в чудовище и губит людей: она их заманивает, а потом затаскивает в воду, топит и пожирает, - объяснила она отцу Василию. - Это у нас местная легенда такая, ее к нам занесли шотландские переселенцы. В процессии каждый год обязательно участвует белая лошадка, она изображает легендарную Келпи. Так вы ее, значит, не видели? Много потеряли! Она шла впереди дракона, с королевой фей на спине. Такая прелесть!

- Где, где вы ее видели? - встрепенулся отец Василий. - Я обязательно должен ее увидеть!

- Ой, они уже давно прошли! На Келпи ехала Бадб, королева фей. Может, это и есть школа Келпи, о которой вы спрашивали? Они уже ушли далеко вперед, и теперь вы сможете их увидеть только возле костров. А там, учтите, соберется большая толпа: сегодня в наш городок со всей Ирландии люди съехались поглядеть на наш Хэллоуин. Говорят, даже туристы из других стран прибыли...

Юлька не стала слушать, о чем дальше разговаривали отец Василий и словоохотливая горожанка, и бросилась к Анастасии Николаевне.

- Бабушка! Я побегу туда, вперед! Может быть, я там найду нашу Аннушку!

- Нет, Юля, не смей никуда убегать! - строго сказала бабушка. - Еще не хватало и тебя в этой толпе потерять. Будем надеяться, что Аннушка сама подойдет в пять часов к ратуше.

- Зачем ждать, бабушка? Я быстренько сбегая туда, где эта Келпи. А если не найду там Аннушку, то скоренько вернусь к ратуше и буду ждать ее вместе с вами. Я не потеряюсь, не беспокойся, бабушка! - И Юлька нырнула в самую гущу народа. Протискиваясь, прошмыгивая, просачиваясь и пропихиваясь, она вьюном проскользнула сквозь толпу и вскоре действительно увидела белую лошадку, на которой восседала, свесив ноги на одну сторону, прекрасная женщина в наряде феи. За лошадкой полз громадный дракон, на горбу которого восседала старуха в черном платье, а за нею сидели в ряд красавицы в разноцветных старинных костюмах. За драконом шел, постукивая посохом, высокий старик в зеленом плаще и с веткой рябины за лентой остроконечной шляпы: он явно изображал какого-то колдуна; за ним парами шли девочки в хэллоуинских нарядах, почти все в масках или с жутко размалеванными лицами. Юлька поискала глазами и не нашла никого похожего на Аннушку. Но в первую очередь ей надо было убедиться, что это действительно школа Келпи. Юлька смело шагнула с тротуара на мостовую и подбежала к колдуну.

- Хэлло! Как поживаете?

- А, умненькая мышка-малышка! Рад тебя видеть. Почему не заходишь в библиотеку? Ты мне еще не все русские падежи рассказала, между прочим.

И Юлька мгновенно поняла, что она не только попала в процессию Келпи, но еще и угодила к нужному человеку - он явно принимал ее за Аннушку.

- А можно я вас возьму за руку? Меня сегодня все почему-то толкают.

- Конечно, можно. А ты почему без костюма, мышка?

- Не успела придумать.

- Жаль. А ну-ка надень мою шляпу - будешь изображать моего ученика.

- Смотрите, Юлианна опять к Финегасу подлизывается! - услышала Юлька позади вредный девчоночий голос. Не оборачиваясь, она через плечо погрозила кулаком.

- Ого, как эта русская осмелела!

Юлька приостановилась и трижды шаркнула ногой, как это делают задней лапой собаки, зарывая что-то в землю.

Сзади завизжали оскорбленно и восторженно - такого жеста келпинки еще не знали.

- А у вас в России празднуют Хэллоуин, мышка? - спросил Финегас.

- В некоторых школах празднуют, а чтобы вот так, прямо на улицах - в Петербурге я такого не видела. Но скоро, наверно, будут.

- Почему ты так думаешь?

- А у нас все с Запада слизывают. Будто своих бесов не хватает!

- А хватает в Гардарике бесов?

- Где?

- В Гардарике, в России то бишь.

- Хватает! Даже много лишних, - махнула рукой Юлька.

- Интересная страна Гардарика, - задумчиво проговорил Финегас. - Когда-то это была нормальная языческая страна, полная бесов и магов, а потом - почти тысяча лет христианства, вместо бесов и демонов - сплошь святые и Ангелы. Затем почти весь прошлый век в ней снова хозяйничали бесы. И куда же она теперь повернет, эта странная Россия?

- Ой, я не знаю... Господин Финегас, а мы то куда повернули? Куда мы все идем?

- На праздничный холм жечь костры. И мы уже почти пришли: вот сейчас за этими домами откроется луг, и там уже все должно быть приготовлено для главного торжества праздника. Сегодня у нас будут гости со всей Ирландии.

- Туристы?

- Нет, ведьмы и колдуны. Каждому магу хочется подзарядиться на дармовщинку.

- А что, у них своего Хэллоуина нет, что они сюда едут?

- Такого костра, какой будет у нас сегодня, уже много лет не было во всей Ирландии.

Улица, в которую они свернули, вывела их на просторный луг с пологим холмом посередине. На плоской вершине холма темнела высокая куча хвороста, похожая на гигантский муравейник. Вокруг будущего костра суетились люди: они подтаскивали хворост, обломки досок, старую мебель, журналы, газеты и прочий горючий материал. Вокруг на лугу были еще костры, и некоторые уже горели, но они не шли ни в какое сравнение с главным костром на холме.

Финегас что-то еще говорил про сегодняшний праздник, но Юлька его уже не слушала. Она с нетерпением ждала, когда загорится большой костер: при его свете она сможет увидеть Аннушку. Если, конечно, она где-то здесь...

Но Аннушки на лугу не было. Как раз в это самое время она уже обнимала бабушку.

- Бабушка, милая бабушка! Если бы ты знала, как там страшно, в Келпи!

- Догадываюсь, детка. Потому и прилетела к тебе, родная. И как ты только все это пережила, бедненькая ты моя? Молилась все время, наверно?

- Ах, бабушка, я там совсем не могла молиться! И они заставили меня снять крестик! Это ведь был не крестильный крестик, правда?

- Нет, нет, золотко. Твой крестильный крестик у меня припрятан. Но без креста ходить никак нельзя. Вот мы Юленьку дождемся, потом поедем отсюда к отцу Василию, и он, конечно, какой-нибудь крестик для тебя отыщет. Найдется у вас крестик, отец Василий?

- Конечно. А пока, Аннушка, надень-ка на шею вот эти четки. Они особые - с Афона, из масличных косточек.

- Спасибо, батюшка!

Аннушка поцеловала крестик, которым заканчивались четки, надела их на шею и спрятала под воротник свитера.

- А что это у тебя за узелок, Аннушка?

- Это костюм моей подруги по комнате. Я должна ей его вернуть.

- Только по почте, посылкой! - строго сказала бабушка. - Дай-ка его мне, я пока спрячу его в мою сумку.

- Ты думаешь, бабушка, я побегу его отдавать? Да ни за что на свете! Я теперь в сторону Келпи и шага не сделаю.

- Вот и умница. Ах, глупенькие вы мои девочки!

Толпа на улице стала редеть: одни пошли на луг к хэллоуинскому костру, другие просто

разошлись по домам. Иногда к ним подбегали ряженые ребяташки и требовали:

- Угощение или пакость! - Но, видя священника в рясе и с крестом, они смущались и отбегали, а потом неслись со всех ног вдоль по улице, чтобы успеть к костру.

На холме и вокруг него теснились нечистые духи, ряженые и настоящие. Они образовали вокруг главного костра плотный круг. Юлька стояла впереди рядом с Финегасом.

Вот в крут въехала на белой лошадке красивая дама с жезлом в руке. С другой стороны к костру приблизился дракон. Финегас откинул полы зеленой мантии, выпрямился и стал как будто выше ростом.

- Отойди-ка в сторонку, мышка: теперь я приступаю к своим обязанностям. Сейчас ты увидишь друида Финегаса в деле! - сказал он Юльке и сделал шаг к костру.

Дама подняла жезл и что-то звонко прокричала на непонятном языке. Дракон, со спины которого уже сошли все всадницы, кроме страшной черной старухи, присел на задних и средних лапах и поднял голову на длинной шее. Он гордо оглядел зрителей огромными, как автомобильные фары, желтыми глазами, а потом - по команде дамы с жезлом - резко сунулся головой к черному костру: из его пасти вырвалась длинная струя огня - и костер запылал! Зрители приветствовали его аплодисментами и радостными криками.

Вперед вышли две келпинки в черных балахонах с нарисованными на них белыми скелетами. Они вдвоем торжественно несли небольшой медный сундучок.

Финегас-друид вышел вперед к пылающему костру и поднял свой посох. Вокруг костра все смолкло, слышалось только гудение пламени да треск хвороста. Друид высоким старческим голосом затянул песню, из которой Юлька, конечно, не поняла ни слова. Потом он обвел посохом стоящих вокруг костра преподавательниц и учениц-келпинок, и те начали подпевать ему громкими пронзительными голосами.

Юлька поглядела на лица женщин, девушек и девочек и поразилась происшедшей с ними перемене. То ли блики костра их исказили, то ли песня друида так на них подействовала, но на всех лицах сквозь красоту вдруг проступило жадное ожидание, злобное предвкушение чего-то мерзкого, и стало совершенно не отличить, где маски нечистой силы, а где не прикрытые маски лица и морды.

«Скелеты» поднесли Финегасу сундучок, друид откинул его крышку и вытащил за уши крупного упитанного кролика с желтенькой ленточкой на шее. Он поднял его над головой, продолжая петь свою дикую песню.

- Бильбо! - раздался в толпе отчаянный крик, и сквозь первый ряд ведьм к друиду стало прорываться маленькое привидение в развевающемся саване и мохнатых сапогах.

Друид еще выше поднял кролика.

- Господин Финегас, не смейте жертвоприносить моего кролика! Это мой кролик, мой Бильбо! - отчаянно кричало привидение. Его крепко схватили стоявшие рядом ведьмы и спеленали его же собственным саваном. Привидение пиналось мохнатыми ногами и вопило, не переставая.

Хор умолк, друид закончил песню.

- О великий Самхаин! - вскричал он. - Бог молчания и смерти! Мы приносим тебе в жертву

любимое и любящее существо!

- Мы приносим жертву! Мы приносим жертву! Мы приносим жертву! - трижды прокричали ведьмы.

- Нет! Не-е-е-т! - кричало бедное маленькое привидение.

Друид поднял и с размаху швырнул кролика в бушующее пламя костра. Раздался истошный визг привидения и дружный радостный вопль ведьм.

Но кролик до костра не долетел. Юлька в своем лице не даром занималась спортом: она прыжком взвилась в воздух, перехватила летящего кролика, словно это был баскетбольный мяч, и покатилась с ним по земле. Прежде чем она успела подняться, спасенный кролик вырвался у нее из рук, сиганул между ногами зрителей и умчался в темноту. За кроликом бросилась лошадка Келпи, скинув на затоптанную осеннюю траву королеву фей.

- Беги, кролик, беги! - крикнула Юлька вдогонку летящему стрелой зверьку. Шум и крик поднялся оглушительный, все бестолково махали руками и бегали вокруг костра. Юлька попыталась скрыться в толпе, но не тут-то было: ее перехватил сам друид, закутал в свой плащ и швырнул на спину Диамату. Там ее подхватила поперек живота черная ведьма, и Юлька забилась в жестких, похожих на птичьи лапы, руках.

- Отпустите меня сейчас же! - закричала она. - Вы не имеете права!

- А ну, тихо! - каркнула профессор Морриган, сжав когтистые руки, и Юлька обмякла в ее руках.

- В Келпи! - скомандовала профессорша дракону. Диамат круто развернулся и поковылял вниз с холма на толстых неуклюжих лапах, кивая огромной башкой. Разочарованный и рассерженный друид шагал за ним, свирепо вонзая в землю свой посох. Растрепанные ведьмы на ходу вскакивали на спину Диамата, а следом за драконом побежали все участники келпинской процессии.

Уже совсем стемнело, а зарево костров за городом померкло. Праздник нечистой силы подходил к концу. Подул холодный ветер с реки, последние редкие зрители стали поднимать воротники плащей и курток и расходиться.

- Озябла, Аннушка? - спросила бабушка. - Потерпи еще немного: вот Юленьку дождемся, сядем в машину и сразу поедem к отцу Василию. А завтра, даст Бог, полетим домой.

- К папе, - вздохнула Аннушка.

- К папе, если он уже вернулся из Японии. А если нет, то я заберу вас с Юлей в Псков, и там вместе будем ждать его возвращения.

- Как хорошо! Я так соскучилась по Пскову, по тебе, по нормальной жизни, по церкви! Ой, бабушка, смотри, келпинки возвращаются! Бабушка, спрячь меня скорей, пожалуйста!

Бабушка распахнула свое пальто и укрыла им Аннушку: она чувствовала, как крепко внучка обняла ее, прижалась к ней, как она дрожит и все глубже забивается к ней под мышку - вот-вот голову в рукав изнутри засунет! Бабушка вздохнула и плотнее стянула на спине Аннушки полы своего пальто.

Хэллоуинское шествие давно рассыпалась, разбежалось по городу продолжать свои злые шуточки, и только сид Келпи возвращался от костров еще в каком-то подобии порядка. Профессор Морриган уже высвободила Юлькину голову из плаща Финегаса и сердито ей выговаривала.

- Ты понимаешь, Юлианна, что ты натворила? Ты сорвала жертвоприношение самому Самхаину! Даром это тебе не пройдет, не надейся. И с чего это ты вздумала дурить?

- Это ваш друид дурит - живых кроликов сжигать!

- Бильбо не твой кролик, а Дарин!

Так Юлька узнала, что хозяйку кролика Бильбо зовут Дарой. Она вертела головой и высматривала сверху сестру, готовясь в нужный момент соскочить с дракона, и не очень-то слушала, что там ворчит эта похожая на ворону старуха.

Аннушка пригрелась и успокоилась на груди у бабушки, осмелела и теперь принялась подглядывать одним глазом сквозь петлю бабушкиного пальто и комментировать шествие.

- Вот эта хорошенькая белая лошадка на самом деле ужасное чудовище, которое пожирает кроликов и людей. На ней едет наша директриса леди Бадб. А вот идет дракон, его зовут Диамат, сын Тиамат. Он живой и дышит огнем.

- Господи, страсть какая! - сказала бабушка и перекрестилась.

- А видите вон того высокого старика в зеленом? Это Финегас, старый друид, ему две тысячи лет.

- Пресвятая Богородица, спаси и помилуй! - крестился отец Василий. - Ну и бесы обитают в вашей школе!

- Бабушка, бабушка! Погляди, там впереди на драконе сидит наша Юля! Вот она оглянулась и ищет нас глазами. Юля, Юленька!

Бабушка закрыла рукой Аннушкин рот.

- Молчи! Не хватало, чтобы они тебя заметили!

- Я позову ее! - крикнул Андрюша и рванулся к процессии.

- Юля! Ваша сестра уже с нами. Бегите, а то будет поздно! - крикнул он по-русски, поравнявшись с драконом.

Увидев мальчишку, сунувшегося под лапы дракона, друид то ли захотел спасти неосторожного подростка доступным ему способом, то ли просто решил сорвать на нем свою злость: он протянул в его сторону свой посох, на конце посоха зажегся яркий бенгальский огонь - и мальчика отбросило к ступеням ратуши. На них он и свалился, закрыв лицо обеими руками.

Юлька рванулась было к нему, но Морриган удержала ее за руку.

- Хочешь свалиться с дракона и попасть под лапы? Не спеши, дорогая, всему свое время.

И тут Юлька увидела, как к Андрюше подбежала... Аннушка! Ей хотелось закричать, прыгнуть, бежать к сестренке, но она сдержалась, понимая, что может повредить Аннушке,

если сейчас привлечет к ней внимание. Дракон прошествовал мимо, но она еще успела увидеть, как Андрюша сел, протирая глаза, и как отец Василий бросился к нему, поднял и прижал к себе.

Аннушка и бабушка стояли на тротуаре перед ратушей, а процессия сида Келпи проходила мимо. Они с ужасом смотрели на уносимую драконом Юльку – и ничего не могли поделать.

Вот прошли, позванивая монетками в карманах, довольные лепрехуны. За ними протопали гномы, таща на спине узлы с добром: из узлов свешивались рукава поношенных курток и рубашек, торчали стоптанные подметки кроссовок и туфель, пустые рамы от картин, сковородки и разный прочий хлам. Кое-что гномам пожертвовали горожане, но большую часть своей добычи они извлекли из мусорных бачков: все это можно будет потом постирать, подлатать, заколдовать – будет смотреться как новенькое!

Замыкали процессию боуги: эти волокли яркие фирменные пластиковые сумки с честно закупленными в супермаркете товарами: коробками стирального порошка, бутылками с моющими средствами, мешками для пылесосов, новенькими швабрами, щетками, совочками и пушистыми метелками для сметания паутины. Словом, фэйри сида Келпи в городе времени не теряли!

Дракон уже давно миновал ратушную площадь и быстро топал к выходу из города, а за ним и вся келпинская процессия.

- Бабушка и батюшка! Я должна вернуться в Келпи, – вдруг заявила Аннушка, освобождаясь из бабушкиного пальто. – Без меня Юленька там пропадет. Дай мне мой узелок, бабушка, я пойду догонять сестру.

- Не пущу, и не думай! – воскликнула бабушка, хватая ее за руку.

- Ты должна меня отпустить, бабушка. А я постараюсь запомнить дорогу, чтобы потом убежать вместе с Юлей.

- Уже темно, а луны еще нет: как ты запомнишь дорогу в такой темноте?

- Конечно, дорогу она не запомнит, – сказал уже оправившийся от магического удара Андрюша. – Но зато я знаю, как мы сами сможем узнать дорогу в Келпи, если отпустим Аннушку. – Этот мальчик недаром любил читать сказки; план у него был простой и в то же время сказочный. – Аннушка, дай-ка мне папины четки!

Аннушка удивилась, но сняла с шеи и протянула ему четки. Андрюша вынул из кармана перочинный ножик и перерезал крепкую шелковую нить, на которую были нанизаны желтые косточки маслин.

- Зачем ты испортил такие красивые четки, Андрюша? – огорчилась Аннушка.

- Послушай меня, Аннушка! Когда перейдешь мост вместе со всеми ведьмами, начинай ронять зернышки четок по одному.

- Ой! Как Мальчик-с-пальчик, да?

- Вот именно. Только не роняй слишком часто, чтобы хватило на дорогу до самого конца. А завтра утром мы по ним найдем школу Келпи и выручим вас обеих.

- Придется отпустить Аннушку, Анастасия Николаевна! - сказал отец Василий. - Будем надеяться, что за одну лишнюю ночь в Келпи с ней ничего не случится; другого способа вызволить обеих сестер я просто не вижу! И Юле в Келпи будет не так страшно, если с ней рядом будет Аннушка.

- Бабушка, ты ведь нас любишь одинаково? Ты же не хочешь, чтобы Юленька из-за меня погибла? - спрашивала Аннушка, заглядывая в бабушкины глаза. - Так я побежала, бабушка?

Бабушка молчала.

- Отпустите Аннушку на выручку сестре, Анастасия Николаевна! - тихо попросил отец Василий.

- Хорошо, вы меня уговорили. Отпускаю тебя, скрепя сердце, Аннушка! - она достала из сумки узелок и протянула ей.

Аннушка спрятала бусинки четок в карманы, а крестик оставила на нитке, связала ее концы и надела на шею. Потом она быстро натянула на себя платье Дары, а сверху накинула черную мантию в пятиконечных красных звездах. Шляпы только у нее не было, но это было уже неважно - шляпу она могла и потерять.

- Я готова, бабушка!

- Благослови тебя Господь, Аннушка. Будь осторожна сама и за Юлей хорошо смотри: ты же знаешь ее рискованный характер.

- Я присмотрю за ней, бабушка, не бойся!

Анастасия Николаевна поцеловала и перекрестила внучку, отец Василий ее тоже благословил, и Аннушка побежала догонять процессию.

- Но завтра мы, как только узнаем дорогу в Келпи, сразу же обратимся в полицию, - сказала бабушка, провожая глазами Аннушку; та уже пробиралась сквозь толпу гномов, боугов и лепрехунов, которые со своими узлами и сумками напоминали военных беженцев.

- Как скажете, Анастасия Николаевна. В полицию так в полицию. Но сначала мы обратимся к Господу и попросим Его вызволить наших девочек, - сказал отец Василий. Он-то был уверен, что ведьмы знают, как обезопасить себя от полиции и закона, а потому считал, что на них годится только Божья управа и никакая другая.

Они отыскали машину отца Василия и поехали на дачу. В маленьком домике было довольно холодно, но отец Василий не стал возиться с отоплением, а лишь включил электрический чайник. Отец с сыном поужинали, а бабушка опять выпила только три глотка святой воды. После этого все трое сразу же встали на молитву. В полночь отец Василий отправил Андрюшу спать «за послушание» - иначе тот никак не соглашался, а сам продолжал читать молитвы. Читая, он попутно удивлялся выносливости Анастасии Николаевны. «Вот они, наши русские бабушки!» - с гордостью думал он, не подозревая, что бабушка держится уже из последних сил.

Аннушка вместе со всеми келпинками беспрепятственно прошла сквозь портал и через все сидовские препоны. Мисс Морген объявила, что ужин в виде исключения уже подан прямо в комнаты келпинок, и пожелала всем спокойной ночи.

В суматохе возвращения Аннушке так и не удалось увидеть Юльку. Она заглянула в ученическую гостиную, поднялась в Каминный зал, пробежалась по саду и нигде не нашла ее. «Когда все улягутся, я обыщу всю школу», – решила она и отправилась в Норку.

Дара уже была там и сидела у растопленного камина, держа в руках коробочку с «ароматными шариками Бильбо». На спинке ее стула висел измызганный саван.

– Юлианна! – воскликнула Дара и бросилась обнимать подружку. – Спасибо тебе за Бильбо! Если бы не ты, они бы его живьем изжарили!

Аннушка ничего не поняла.

– А где Бильбо? – спросила она, стягивая с себя ведьминский наряд.

– Убежал! И Келпи не сумела его догнать, представляешь? Она так рассвирепела, что землю грызла от злости. Но как же ты лихо выхватила его из огня!

Аннушка опять не знала, что на это ответить, и перевела разговор на другое.

– А я в городе чуть не заблудилась, – виновато сказала она. – Ты не сердись, что я не догнала тебя.

– Да ладно тебе! Важно, что ты успела спасти бедняжку Бильбо. Понимаешь, они решили его принести в жертву Самхаину, потому что Бильбо – любимое животное, друг человека. Я теперь на всю оставшуюся жизнь ненавижу их всех – и Финегаса, и Бадбиху-злыдню, и Морриганиху-ворону! Я уйду из Келпи, вот что я тебе скажу, Юлианна! Прямо так и скажу!

– И очень правильно сделаешь, – устало сказала Аннушка. – Меня никто не спрашивал?

– Да кто кому нужен в Хэллоуин... Ты есть хочешь?

– Ужасно!

– Так ешь давай. Можешь и мой ужин съесть, у меня сегодня совсем нет аппетита. А потом сразу спать. Ну и денек был!

– Да уж...

Нетронутый ужин стоял на двух накрытых подносах – боуги позаботились. Аннушка набросилась на еду, а Дара так ни к чему непритронулась. Она держала на коленях свою коробочку, перебирала «ароматные шарики» и глотала слезы. Потом она полезла наверх, на свою кровать, и коробочку с собой прихватила.

– Спокойной ночи, Юлианна! И запомни: я у тебя в вечном долгу за моего Бильбо!

– Спокойной ночи, Дара, – ответила Аннушка. История с Бильбо пока так и осталась непоясненной, но без Юльки тут явно не обошлось.

С кровати Дары еще некоторое время доносилось сопенье и тихий плач, потом она затихла.

– Дара! – позвала Аннушка. Та не ответила. Аннушка накинула «привиденческий саван» и тихонько вышла за дверь. Через полутемные коридор и гостиную она добралась до лифта и поднялась на учебный этаж. Осмотрев все классы один за другим и никого там не найдя, Аннушка направилась в библиотеку. Она осторожно открыла тяжелую дубовую дверь.

За столиком в углу, под уютным светом зеленой лампы, сидели и мирно ужинали Финегас и Юлька. Перед ними лежал на длинном блюде большой рыбий скелет с хвостом, но уже без головы: рыба голова лежала на тарелке перед Финегасом, и он с ювелирной тщательностью выковыривал из нее косточки и смачно их обсасывал.

- О, еще одна гостя! Снимай свой саван и проходи к столу, мышка. Это прощальный ужин Юлианны - завтра она отправится кататься на Келпи. Лосося мы уже съели, но у нас есть еще пирожные и фрукты.

- Меня прислали за Юлианной. Ее требуют, - измененным мрачным голосом проговорила Аннушка. - Следуй за мной, сестра Юлианна! - с этими словами она повернулась и вышла за дверь, оставив ее открытой.

- К сожалению, господин Финегас, я должна идти, - услышала она Юлькин голос. - Я знаю, кто меня вызывает, и не могу отказаться. Спасибо вам, что простили мне кролика.

- Ну что ты, мышка! О чем речь! Конечно, жаль, что сегодняшнее жертвоприношение не удалось, но завтрашнее будет не хуже. Разве можно сравнить какого-то жалкого кролика с живой, такой умной и здоровенькой девочкой! Я ценю, что свой последний вечер ты подарила старому друиду Финегасу. И поверь, я уважаю твое мужество и гордое пренебрежение к быстротекущей человеческой жизни. Спокойной ночи, моя дорогая! Пусть последний твой сон будет сладок!

- Спокойной ночи, господин Финегас, и спасибо вам за чудесный вечер. Было так интересно с вами разговаривать, особенно о Большом Плана. До конца жизни не забуду того, что вы мне рассказали!

- До конца жизни? Ну, для этого особая память не требуется, - усмехнулся Финегас. - Прощай, мышка-малышка!

- До свиданья, друид!

Аннушка глядела на них одним глазом, вторая дырка опять сползла на ухо, но ей показалось, что по морщинистым щекам библиотекаря скатились две слезы.

«Так они задумали Юльку отдать Келпи!» - поняла она и задохнулась от ужаса и гнева.

Юлька вышла за дверь и сразу же крепко-крепко обняла Аннушку.

- Я знаю, что это ты, сестричка моя дорогая! - прошептала она прямо в ухо, торчащее из дыры на голове привидения.

- Бежим отсюда! - сказала Аннушка и повела Юльку за руку по темным коридорам.

Они благополучно добрались до Норки, никого не встретив по дороге.

- Это моя комната, - сказала Аннушка. - Я живу с соседкой. Сейчас-то она спит, но все равно давай говорить шепотом.

Аннушка сняла простыню и швырнула ее на стол. И зря, потому что боуги уже успели соорудить на нем башню из тарелок: дурацкая простыня задела это хлипкое сооружение, тарелки грохнули, ножи и вилки звякнули, и Дара проснулась от шума. Она отодвинула полог и свесила голову с кровати. Сестры испуганно замерли. Дара зевнула и проговорила сиплым со

сна голосом:

- Привет! Ух, как я сегодня измучилась, Юлианна! У меня от переживаний даже в глазах двоится: гляжу на тебя и вижу две Юлианны. Спокойной ночи, дорогая! Пусть тебе приснится благодарный Бильбо! - И ее голова снова исчезла за складками полога.

- Ты хочешь есть? - шепотом спросила Аннушка Юльку.

- Не особенно. Я рыбы наелась. Друид сказал, что варил ее по моему рецепту - это, наверно, ты ему дала рецепт?

- Ага! Ну ты хоть что-нибудь съешь - у нас сегодня праздничный ужин. - Аннушка сняла колпак с Дариного подноса.

- Ух ты! Неплохо кормят в школе Келпи!

- Вот и кушай на здоровье.

Юлька поужинала еще раз, а потом сестры тихонько прошли в душ, и там под шум воды наконец-то спокойно и обстоятельно обо всем поговорили. Юлька была в своем репертуаре: она не только спасла кролика Бильбо, но еще и узнала за один вечер о Келпи больше, чем Аннушка за два месяца. Финегас пустился перед ней в откровенности и рассказал, что сид Келпи играет особую роль в борьбе за выполнение Большого Плана: именно в сиде Келпи начинают готовить девочек для продвижения культа магии среди школьников стран «третьего мира». Почему-то к странам «третьего мира» маги отнесли и Россию.

- Мы должны немедленно бежать отсюда, - сказала Аннушка, когда Юлька закончила рассказ.

- А нельзя денечка два тут покрутиться? - спросила Юлька. - Знаешь, я бы хотела все тут разузнать и как следует разглядеть, чтобы было потом что рассказать нашим крестовским друзьям.

- Не выдумывай! Ты разве не поняла, почему Финегас с тобой так откровенничал?

- Нет, а в чем дело-то? - Да в том, что тебя, то есть меня, решили в наказание за сорванное жертвоприношение отдать Келпи.

- Келпи - это та беленькая лошадка, на которой ехала леди Бадб?

- Ну да. Только лошадка эта, между прочим, жутко плотоядная - жрет животных и даже людей.

- Так вот почему она кинулась за бедным кроликом! Но он, кажется, все-таки убежал. Или нет?

- Убежал, убежал, не волнуйся! Вот и нам с тобой бежать надо.

- А поспать перед побегом никак не получится? - жалобно протянула Юлька. Глаза у нее были совсем сонные.

- Ладно, давай чуть-чуть поспим, а потом проснемся и сразу отправимся в побег.

На том и порешив, они на цыпочках вернулись в комнату и забрались на Аннушкину кровать.

- Так ты в самом деле забыла все молитвы? - шепотом спросила Юлька.

- Сейчас, когда на мне снова крестик и ты рядом, я, может быть, что-то и вспомню. Но лучше ты начни, а я буду за тобой повторять.

- Вот уж никогда не думала, что наступит время, когда ты, сестрица, будешь за мной молитвы повторять! - хихикнула Юлька и начала шепотом: - Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Аннушка перекрестилась и начала повторять за сестрой слова молитв. Сначала ей было трудно: язык не ворочался, губы сводило, а горло почему-то пересохло. Но она трудилась, старалась изо всех сил, и в конце концов молитвенные слова стали вспоминаться сами.

Ангелы Иоанн и Юлиус сидели все на том же холме и внимательно смотрели на сид Келпи. Как только первые искорки молитвы взлетели над холмом, они вскочили на ноги.

- А вот теперь пора! - сказал Иоанн и, распахнув крылья, ринулся прямо на стеклянную пирамиду. Юлиус стрелой помчался за ним. На этот раз они легко прошли воздушное ограждение, проще говоря, они его даже не ощутили, и приземлились прямо у пирамиды.

Сразу же на пути у них оказался распрямившийся во весь рост демон Кромм Круах, а за ним стеной встали стеклянные великаны-фоморы. Все они были калеки, у каждого обязательно чего-нибудь не хватало - у кого глаза, у кого уха, а у кого руки, но вил тем не менее у всех был решительный и свирепый.

- Стойте, сияющие! - прорычал Наклонившийся с Холма. - Здесь сид Келпи, древняя обитель темных сил, и сюда нет хода Ангелам!

Фоморы выхватили стеклянные мечи, похожие на громадные ледяные сосульки.

- Вы не можете нас задержать, наши подопечные нас зовут!- Ха Ха! Келпинки - подопечные Ангелов Света?

- Ну ты, пень говорящий! Ты прислушайся, стяхни мох с ушей-то! - насмешливо посоветовал Ангел Иоанн.

- Тише вы там! - приказал Кромм Круах фоморам, мерно и угрожающе звякавшим мечами. Великаны замерли, продолжая держать оружие наизготовку.

Кромм Круах прислушался, а прислушавшись, искривился не только лицом, но и всем своим телом-стволом. Потом он кисло скомандовал:

- Пропустите их! Какие-то две девчонки сошли с ума и зовут своих Ангелов Хранителей. Откуда вы у них взялись, интересно? Ну ничего, завтра Бадб с ними разберется. Ступайте к своим подопечным, приспешники Света, если не боитесь!

- А чего нам бояться? Мы при своем деле и в своем праве, - рассудительно ответил Ангел Иоанн. - Дверь-то в стекляшку сами откроете или нам своими мечами поработать?

- Отворите им! - приказал Кромм Круах и отвернулся, побряхывая от еле одерживаемого бешенства.

Фоморы откинули одну из сторон пирамиды, и перед Ангелами открылся ход в черную пустоту холма. Вытянув вперед руки с сияющими мечами, они один за другим нырнули вниз, разгоняя тьму перед собой лучами света.

Кромм Круах не счел нужным докладывать леди Бадб о том, что ему пришлось пропустить в сид служителей Света. Демон высокомерно решил, что два Ангела, добровольно сунувшиеся в Келпи, сами себя обрекли на гибель: в эту ночь фэйри и маги были особенно злы и свирепы. Поэтому он спокойно встал в любимую позу наклонившегося с холма дерева и замер, глядя на темную гладь озера.

Приземлившись в саду, Ангелы медленно, как прожекторами, обвели лучами мечей темные стены и окна школы Келпи. Уставшие после шествия келпинки спали крепким сном. Прилегли вздремнуть и преподавательницы: в полночь по сигналу гонга они все должны были собраться в Каминном зале перед совместным вылетом на шабаш. Одно лишь круглое окошко в дальней стене мерцало искорками-звездочками.

- Они там! - указал лучом Ангел Иоанн.

- Летим! - сказал Ангел Юлиус. Они пролетели над спящими деревьями и один за другим прошли прямо сквозь стену - хоббичье окошко было, конечно, слишком мало для них.

- Аннушка, детка моя! - проговорил Хранитель Иоанн, целуя торчащую из-под одеяла макушку. - Наконец-то мы снова вместе! Ангел Юлиус просто погладил вторую русую макушку и ничего не сказал.

- Они только что уснули, бедные наши девочки... Ну что, будем их сразу будить и выводить отсюда? - спросил Иоанн.

- Да ты что, Иоаннушка! Они ж весь день обе на ногах, они устали, бедные!

- Ладно, дадим им чуть-чуть поспать. Тем более что скоро полночь, у старших ведьм вот-вот самый их праздничек и начнется. Они теперь только с первыми петухами угомонятся и улягутся. Вот тогда мы наших отроковиц и подыдем.

- Так и сделаем, брат. Интересно, а это что за рыжик такой спит над ними?

- Это, брат, не рыжик, а хоббит Дара.

- Кто-о?

- Хоббит.

- Это что, тоже какой-нибудь фэйри запечный?

- Хоббит - это персонаж из детской книжки, к бесам отношения не имеющий. Хоббиты - они добродушные и верные, храбрые и скромные, только вот поесть очень любят. Аннушкина соседка Дара в этих хоббитов играет.

- Так она что, не совсем пропащая?

- Господь знает!

- А пахнет от этой Дары как-то путано: благодарностью и мезтью, злостью и добросердечием...

- А больше всего от нее веет искренним горем. Погляди, брат, у нее следы

слез на щеках не просохли. А знаешь, Аннушку нашу она любит по-настоящему, даже кровь за нее проливалала.

- Да ну? - удивился Юлиус.

- Точно. Один раз две капли, а потом еще раз, уже пять капель.

И Ангел Иоанн начал вполголоса рассказывать Юлиусу о приключениях Аннушки в сиде Келпи: он хоть и не имел к ней доступа, но следил за каждым ее шагом - духовным образом. Юлиус слушал и переживал.

В эту ночь никого из преподавательниц Келпи в сиде не было, все они улетели на шабаш куда-то очень далеко, в чужую страну, кажется, в Германию.

А фэйри в эту ночь собрались в подвальных помещениях сида и там предавались веселью, продолжая праздновать Хэллоуин-Самхейн. И никто из них даже заподозрить не мог, что в самом центре сида образовался крохотный островок Света, в котором под охраной двух Ангелов Хранителей спокойно спали три девочки - две Юлианны и Дара.

Глава 12

Отец Василий и Анастасия Николаевна молились всю ночь напролет. Перед рассветом отец Василий достал из шкафчика под иконами большую пластиковую бутылку со святой водой.

- Пригодится, - объяснил он бабушке, пряча святую воду в сумку.

Разбудили Андрюшу, прочитали утренние молитвы и отправились спасать сестер.

- Какое удивительное утро, - сказала бабушка, выйдя на крыльцо. - Еще и солнце не встало, а так светло кругом!

Конечно, вокруг было светло, потому что на крыше домика плечом к плечу стояли три Ангела с пылающими мечами - Анастасий, Василиус и Андреус. А когда отец Василий, бабушка и Андрюша уселись в машину и выехали со двора, Ангелы полетели над ними.

Они доехали до городка, переехали по старому мосту через речку и здесь оставили машину. У моста сходилась несколько дорог, и они не знали, по какой из них идти.

Если бы им не помогали Ангелы, они не нашли бы так легко первую косточку четок, оставленную Аннушкой, но Ангел Андреус кончиком сияющего меча указал на нее Андрюше.

- Смотрите, вот первый знак! - крикнул, поднимая ее, Андрюша. - Значит, нам по этой дороге.

- Молодец, сын! У тебя зоркие глаза, ищи дальше, - сказал отец Василий.

Они прошли по грунтовой дороге с темными зарослями терновника по бокам и дошли до запертых железных ворот. Пройдя вдоль каменной ограды, они нашли неподалеку место, где стена наполовину обрушилась. Отец Василий и Андрюша помогли Анастасии Николаевне перелезть через пролом, и все трое вышли на дорогу уже за воротами. Здесь начинался дремучий лес, и под его сводами их обступила непроглядная ночь.

Они шли по дороге между высокими мрачными деревьями, одну за другой подбирая светящиеся во мраке косточки четок. Миновав лес, они вышли к озеру, а потом дорога привела их к большому округлому холму, на вершине которого стояло корявое мертвое дерево с двумя

угрожающе поднятыми к небу черными ветвями. Взошло солнце и осветило верхушку холма.

- Смотрите, там на холме стоит какая-то стеклянная пирамида! - крикнул Андрюша. - А возле нее скульптура белой лошадки.

- В самом деле, - кивнул отец Василий. - Похоже, что мы нашли сид Келпи. Теперь бы еще и вход в него отыскать.

Кромм Круах наклонился с холма, пристально вглядываясь в фигуры пришельцев.

- Это чужие, - прохрипел он. - Прогоните их!

Из стеклянной башни-пирамиды вышли фоморы со своими мечами. Эти мечи были очень опасны для людей: как и сами фоморы, они людям были невидимы, но раны наносили настоящие. И хотя воители были покалеченные - одноногие или однорукие, одноглазые или одноукие, увернуться от удара невидимого меча в невидимой руке было куда как непросто. Людям непросто. Но Ангелы-то фоморов прекрасно видели, и как только уроды выступили за колдовское ограждение сида, Ангелы встали на пути великанов и первыми начали бой. Осколки отбитых и разбитых фоморских мечей так и брызнули во все стороны!

Кромм Круах и Келпи в битву не ввязывались, они продолжали внимательно наблюдать за людьми, стоящими у подножия холма.

- Не спеши, Келпи, ты успеешь взять их, - сказал Кромм Круах. - Их всего трое, и опасными они не кажутся. Поятят у закрытого портала и уйдут ни с чем.

Но Кромм Круах ошибался.

Уже совсем рассвело, и отец Василий велел бабушке и Андрюше внимательно осмотреть каменистую землю вокруг холма.

- Здесь где-то должен быть тайный вход, про который нам Аннушка рассказывала. Но если есть вход, то должны быть и следы, оставленные вчерашней процессией, навряд ли они их успели замести в суматохе. Ищите! - велел он.

Вход, как и следовало ожидать, первым нашел Андрюша.

- Вот тут скала, а перед ней пятно машинного масла, а вон там я вижу на камнях царапины, похожие на следы от драконьих когтей!

Отец Василий подошел к отвесной скале и стал внимательно ее осматривать.

- Однако! Ни тебе вывески, ни звонка. Даже почтового ящика, и того нет! - сказал он, усмехнувшись.

- У них тут все заколдовано, - сказал Андрюша.

- Заколдовано как заминировано, - сказала Анастасия Николаевна, внимательно оглядывая скалу.

- Угу, - кивнул Андрюша. - Если тут есть потайная дверь, то ее и динамитом не возьмешь.

- Динамитом не знаю, а вот святой водой мы сейчас попробуем. - Отец Василий достал бутылку со святой водой и крестообразно обрызгал скалу со словами: - Во имя Отца и Сына и Святаго

Духа! Аминь!

Проход в холм не открылся, но явственно обозначился: прямо в скале появилась длинная узкая трещина, из которой потек желтоватый дымок.

- Фу, как воняет! Какой-то кислотной. Чем это, пап?

- Наверное, серой, сынок. Чем же еще?

- Нет, это не сера, это торф, - сказала бабушка. - Я узнаю этот запах, мы в войну печи торфом топили.

- А торф, он что, дешевле угля и дров? - спросил Андрюша.

- Конечно, дешевле.

- Понятно, - глубокомысленно произнес мальчик, - это они на своем драконе экономят, торфом его кормят. Интересно, а бывают электрические драконы? Или атомные?

- Вот что, Андрей, - сказал вдруг отец Василий. - Ты с нами, пожалуй, не пойдешь.

- Папа! Как? Почему?

- Потому! Должен же нам кто-то обеспечить тыл на случай неудачи. Полезай-ка ты вон на ту рябину и сиди там. Тихо сиди, не слезай и ни с кем не вступай в разговоры.

- А когда вы вернетесь?

- Не знаю, сынок. Но вот тебе мои часы: если мы до двенадцати часов не появимся, ты возвращайся в город, иди в полицию и все там расскажи.

- А мне поверят?

- Поверят, если ты не станешь смущать полицейских подробностями о колдунах и ведьмах, а скажешь им только самую суть: твой отец со своей знакомой нашли в холме вход в пещеру, вошли в нее и назад не вышли. Этого для них будет достаточно, чтобы они отправились искать заблудившихся туристов. Понял, сынок?

- Понял, папа.

- Ну, иди. Сиди тихо на рябине и прикрывай меня своей сыновней молитвой.

- Хорошо, папа! - кивнул Андрей и пошел к темневшей в утреннем тумане рябине. Он залез на дерево, устроился в развилке толстых ветвей и тут же начал шепотом молиться, импровизируя на ходу: - Господи, дай силы моему отцу и Твоему иерею Василию, охрани и защити его от всякого зла, от бесов келпинских и ведьм. Пресвятая Богородица, спаси и сохрани моего папу и бабушку Настю. Все святые и все Ангелы, помогите нам спасти девочек Анну и Юлию!

Ангел Андреус, стоя на вершине рябины, повторял слова своего отрока, зорко поглядывая вокруг.

Анастасия Николаевна тоже шептала молитвы, напряженно вглядываясь в дымящуюся расщелину.

Отец Василий поднял бутылку и начал лить святую воду прямо в щель. Камень злобно зашипел, черная щель расширилась, потом каменные створы медленно и нехотя поползли в стороны.- Идемте, Анастасия Николаевна! С Богом!

Увидев, что люди все-таки вошли в сид, Кромм Круах немедленно отозвал своих с поля битвы.

- Эй, кончайте свалку, они уже вошли! - крикнул он фоморам. - Внутри сида с человечками и без нас разберутся. Отдыхайте, мои храбрые воины!

Услышав команду, фоморы прямо посреди сражения утратили к нему интерес, развернулись и поковыляли назад к стеклянной пирамиде.

Ангелам стратегическое отступление фоморов было очень кстати: они ринулись со склона вниз и вошли в сид вслед за своими подопечными.

«Ох, темнотища какая! - подумал отец Василий, когда ворота за ними сомкнулись. - Ну, Ангелы святые, на соблюдение нам от Бога с небес данные, помогайте нам, грешным!»

- Поможем. А как же иначе? - ответил Ангел Василиус.

- Само собой, - подтвердил Ангел Анастасий. Они подняли мечи, и свет ангельских мечей осветил мрачный гараж.

Вокруг стояли автомобили и пахло бензином, машинным маслом, но больше всего - кислым запахом остывающей торфяной золы.

- По-моему, нам сюда, - сказал Ангел Анастасий, указывая мечом на каменные колонны, украшенные грубой резьбой.

- Да, это их портал, - кивнул Василиус. - В бесовских капищах часто встречается этот рисунок - переплетающиеся спирали: так древние изображали змей. Они это делали, чтобы отпугнуть незваных гостей.

- Ну, нас-то змеями не запугаешь, - усмехнулся Анастасий.

- По-моему, нам сюда, - прошептал отец Василий, увидев массивные колонны. - Это вход.

Внутри портала была железная дверь. Отец Василий прошептал молитву и брызнул в замок двери святой водой.

Ангел Василиус коснулся замка своим мечом.

В замке что-то щелкнуло. Отец Василий взялся за массивную ручку в виде бронзовой когтистой лапы, сжимающей хрустальный шар, и дверь отворилась.

Теперь они оказались в узком коридоре, который уже через пять шагов расходился на две стороны, и в каждом новом коридоре на некотором расстоянии был виден новый поворот.

- Это лабиринт, - предупредил Ангел Василиус.

- Вижу, - сказал Ангел Анастасий.

- По-моему, это что-то вроде лабиринта, - сказала Анастасия Николаевна, заглядывая за ближайший поворот.

Василиус взлетел над стенами лабиринта и быстро выяснил дорогу.- Или за мной! - сказал он Анастасию, и тот пошел вдоль одной из стен, освещая ее мечом.

Отец Василий заметил, что одна стена лабиринта заметно светлее других, и шепотом предложил идти вдоль нее. Они осторожно двинулись вперед. Было очень тихо. Какие-то тени клубились в темных ответвлениях лабиринта.

- Мама! Мамочка! - вдруг послышалось Анастасии Николаевне.

- Вы слышите, отец Василий? - спросила она, останавливаясь.

- Ничего не слышу, а что?

- Мне... мне послышался голос моей дочери.

- Дочери? А где она сейчас должна быть?

- В раю. Она умерла год назад.

- Ох, простите! Не знал... Не слушайте никаких голосов - это наверняка бесы!

- Мамочка! Неужели ты даже взглянуть на меня не хочешь, родная? - послышалось из глубины коридора.

Царившая там тьма вдруг осветилась голубым светом, и в облаках тумана стала проявляться женская фигура с протянутыми руками.

- Нина? Доченька? - Анастасия Николаевна неуверенно двинулась к ней.

- Стойте, Анастасия Николаевна, подождите! - Отец Василий схватил ее за руку, но Анастасия Николаевна резко ее вырвала.

- Там моя дочь единственная, как вы смеее держать меня, вы, священник? - и она решительно шагнула в туманный проход.

Отец Василий встал перед нею и загородил дорогу.

- Стойте, ни шагу дальше! Это не ваша дочь, это наваждение бесовское!

- Пустите меня, пустите! - по лицу Анастасии Николаевны бежали слезы, голос ее срывался. - Нина, Ниночка, я иду к тебе!

- Хорошо, идите. Только прочтите сначала «Отче наш», прошу вас.

Анастасия Николаевна нерешительно остановилась.

- А это зачем?

- Для уверенности. Если это бесы - они исчезнут, а если это в самом деле ваша дочь, то Господня молитва ее не испугает, а только обрадует. Ведь так? - спросил он, снова беря ее за руку.

- Обрадует, конечно, обрадует! - восторженно сказала Анастасия Николаевна и стала громко читать молитву.

Призрачная женщина, так похожая на ее покойную дочь, отступила в туман, туман померк, опустился к самому полу, а потом с тихим шипением отполз в конец, коридора и там исчез за поворотом.

- Ну, вот и все, - сказал отец Василий, отпуская руки Анастасии Николаевны. - Теперь мы знаем примерно, чего нам ожидать в этом лабиринте.

Ошибся отец Василий: того, что случилось через несколько минут, он никак не ожидал и был к такому испытанию не готов.

- Папа! Сюда, сюда! Спаси меня! - раздался позади отчаянный и жалобный голос Андрюши.

Они резко остановились и оглянулись.

Позади них, в глубине только что пройденного коридора, появился великан, чьи плечи и голова возвышались над стенами лабиринта. Одной рукой великан держал на весу Андрея, а в другой, занесенной над головой, у него был огромный нож из синеватой стали.

Отец Василий рванулся на помощь сыну, но Анастасия Николаевна ухватила его прямо за цепочку креста.

- Я не пущу вас, отец Василий!

- Папа, папочка, спаси меня! - рыдал Андрюша. Великан угрожающе шел навстречу отцу Василию.

- Перекрестите их, отец Василий! - крикнула Анастасия Николаевна.

Отец Василий вырвал цепочку креста из рук Анастасии Николаевны и поднял свой наперсный крест над головой.

- Во имя Отца и сына и Святого Духа! Остановись! - крикнул он великану.

Великан зарычал и остановился, потом и он, и тот, кого отец Василий только что принимал за сына, пошли волнами, заколебались и растаяли без следа и звука.

- Ох! - только и сказал священник, вытирая лоб.

- Идемте дальше, отец Василий, - сказала Анастасия Николаевна, ласково беря его под руку. - И это наваждение кончилось.

Дальше они шли без новых искушений.

Вскоре свет ангельских мечей вывел их из лабиринта.

Как раз в это самое время Ангелы Иоанн и Юлиус решили, что пора будить девочек и выводить их из Келпи.

- Аннушка, вставай, - ласково сказал Иоанн и слегка подул девочке в лицо.

- Юлия, проснись, вставать пора! - строго сказал Юлиус и посветил мечом в закрытые глаза Юльки.

Но ни одна из сестричек даже не шелохнулась.

Ангелы сделали свет мечей ослепительным.

Девочки как по команде отвернулись к стене и натянули одеяло на головы.

- Да что это с ними такое? – удивился Юлиус.

- Не знаю. Должно быть, какое-то очередное келпинское коварство. Нас с тобой видели фэйри: может статья, они как-то усыпили девочек? – Иоанн подошел к столу и прикоснулся кончиком меча к остаткам ужина. – Так и есть – снотворное!

Ангелы не разбудили сестер, но зато разбудили Дару, Она села в постели, громко зевнула, протерла глаза и сурово сказала самой себе:

- Пора, Дара О'Тара! Если ты решила уходить из Келпи, уходи сразу! – и она спрыгнула с высоты своей постели прямо на пол.

Ангелы переглянулись.

- Вот те раз! – сказал Ангел Иоанн. – Наши спят как сурки, а этот рыжий хоббит уже готов к побегу!

Дара раскрыла свою школьную сумку, вырвала листок из какой-то тетради, села к столу и начала писать.

Ангелы встали у нее за спиной и стали читать.

«Дорогая Юлианна, прощай! Спасибо тебе за Бильбо и за все-все-все. Ты классная девчонка и была мне как сестра. Жаль, что мы с тобой больше никогда не увидимся, потому что нет моих сил терпеть всю эту колдовскую пакость, и я твердо решила ведьмой не становиться. Не забывай меня! Твоя Дара О'Тара».

- А вот те два, – сказал Ангел Юлиус.

Дара сложила записку и сунула ее в мохнатый Аннушкин сапог. Потом она взяла пластиковый пакет, сняла крышки с обоих подносов с ужином и сгребла с них в пакет всю оставшуюся колбасу и сосиски.

- Там же снотворное! – ужаснулся Юлиус. – Надо девочку предупредить.

- Прежде надо помочь ей выбраться из Келпи. Тем более что мы пока поневоле свободны от охраны сестер. Хоть это и не наше дело, но это дело доброе.

- Ты прав, брат.

Дара вытряхнула из своего рюкзака все учебники, разумеется, расшвыряв их по всей комнате, открыла круглое окно и вылезла из него наружу.

И Ангелы отправились сопровождать Дару, оставив сестер спать до тех пор, пока не прекратится действие снотворного.

По лозе дикого винограда Дара спустилась в сад и побежала к озеру.

Ангелы полетели за ней.

Добежав до берега, Дара не остановилась, а с разбега вбежала в воду и поплыла в сторону труб, впадавших в озеро-бассейн.

Русалки и феечки моментально насторожились и поплыли-полетели за нею. Но Ангелы несколькими взмахами мечей разогнали обе стайки. Струсив, русалки попрятались в гуще лотосов у дальнего края озера, а феечки нырнули в заросли папируса и там повисли на гибких стеблях, качаясь, дрожа и повизгивая.

Подплыв к тому месту, где из медной пасти дракона вытекал поток холодной воды, Дара встала на ноги. Вода доходила ей до подбородка. Не оглянувшись ни разу на покидаемый сид, Дара решительно вошла в темное жерло.

- Идем за ней? - спросил Юлиус.

- Конечно! Мы услышим, когда наши сестрички проснутся, и тогда уж нам придется оставить эту храбрую девочку.

- Как жаль, что у нее нет своего Ангела!

- Да, брат, жаль.

И Ангелы один за другим нырнули в сырую темноту.

Анастасия Николаевна и отец Василий подошли к следующей железной двери. Здесь повторилось то же самое, что было у входа в лабиринт: отец Василий помолился и плеснул в замок святой воды. Но вода испарилась в горячем воздухе, даже не коснувшись металла. Отец Василий дотронулся до него и тут же отдернул руку: дверь была раскаленная, будто дверца топящейся печки. Тогда отец Василий набрал в рот воды из бутылки, приблизил лицо к большой замочной скважине и струей пустил в нее святую воду. Ему слегка опалило волосы на лбу, но дверь тут же отворилась.

За дверью все пылало огненными сполохами, а прямо перед ними висел железный мост, по которому бежали радужные волны, как это бывает с раскаленным железом. Под мостом был ров, заваленный кучами гари и золы. Они не стали дожидаться обитателя рва, а ступили на мост. И тотчас сквозь подошвы почувствовали его жар. Но раздумывать было некогда, и они быстро этот мост перебежали.

- Снимайте ботинки! - крикнула Анастасия Николаевна, как только они сошли с железа на камень, и первая сбросила с ног туфли с прогоревшими насквозь подметками. Отец Василий тоже скинул обуглившиеся ботинки и кинулся к следующей двери, видневшейся в красных сполохах света. Ноги, конечно, жгло на каменных плитах, но все-таки не так, как на железном мосту. Да и некогда им сейчас было заниматься своими ногами - они уже стояли перед новой дверью. От этой двери тоже веяло жаром. Отец Василий опять набрал в рот воды и выпустил струю в замочную скважину. На этот раз ему опалило бороду и даже ресницы и брови, но дверь отворилась, а потом с лязгом захлопнулась за ними. Они еще успели услышать за дверью яростный рык дракона, а затем удар, от которого дверь затряслась. «Все, - подумал отец Василий, - назад нам теперь ходу нет». И они пошли вперед.

В лицо им пахло сыростью, запахом тины и гнилой рыбы. Они осторожно шагнули в темноту. И хорошо, что осторожно!

Ангелы подняли мечи, стало чуть светлее.

Отец Василий и бабушка увидели перед собой узкий железный мост без перил, а под ним широкий ров, полный протухшей воды.

А из воды перископами поднимались шеи чудовищно крупных белых змей. Шипя и свистя, они поднимали свои почти человечесьи головы – круглые, безволосые и безглазые.

- Мерзость какая, Господи Боже мой... – прошептала Анастасия Николаевна. Отец Василий сделал шаг назад и остановился. «Нет, – подумал он, – отступить нельзя: девочки там одни и ждут помощи. Вперед, иерей Божий, только вперед!».

- Ничего не вижу! – сказала бабушка.

- Держитесь прямо за мной, – сказал отец Василий и ступил на мост; конец моста скрывался во тьме. Он обрызгал мост святой водой и плеснул ею по обе стороны моста.

Ламии задергались, зашипели и засвистели еще громче и бросились зарываться в зловонную тину.

Ангелы подняли мечи, и мечи вспыхнули яркими лучами, освещая дорогу.

Бабушка с отцом Василием быстро перебежали мост и остановились перед следующей дверью, тоже железной. «Хватило бы до самого конца святой воды», – подумал отец Василий, крестообразно кропя дверь и вливая воду в замочную скважину. Дверь отворилась, и они вошли в прохладу келпинского сада.

Они шли по дорожкам предрассветного сада, их босые ноги приятно охладили известковые плиты, опаленные легкие с наслаждением вдыхали прохладный утренний воздух. Оба невольно любовались садом и удивлялись его кажущейся обширности: сад внутри холма, окруженный лабиринтом, двумя рвами и круглым школьным зданием, никак не мог быть особенно большим. Но казался он огромным и был полон таинственных уголков, поворотов, беседок и каких-то странных статуй – то ли звероподобных людей, то ли человекообразных животных. Противоположной стены еще не было видно в утреннем тумане, но ее уже можно было угадать, потому что в окнах начал вспыхивать свет: это поднялись и принялись за уборку боуги. Увидев, сколько окон в здании школы, отец Василий от удивления даже присвистнул.

- И где же мы станем искать моих девочек? – спросила Анастасия Николаевна.

- Прежде всего разыщем хозяев, а уж от них потребуем ответа.

Их заметил павлин, сидевший на суку большого дерева. Трижды по-собачьи пролаяв, он слетел на траву и веером развернул свой роскошный хвост. Потом с другого дерева спустилась пара белых синеглазых мартышек, но, не дождавшись подачки, они сердито зацокали и скрылись в кустах.

Заметил их и попугай. Он подлетел и начал выкрикивать разные нехорошие слова. Отец Василий покосился на Анастасию Николаевну, потом поглядел на бутылку в своих руках, вздохнул и все-таки брызнул в попугая святой водой, хотя ее оставалось в бутылке совсем на доньшке. Попугай смутился, закашлялся, начал мямлить, заикаться, а потом и вовсе замолчал и убрался в густую розовую крону цветущего миндального деревца.

Обнаружили пришельцев и феи. Стрекоха и повизгивая, они налетели на отца Василия и бабушку, как стая летучих мышей, и начали виться вокруг, норовя вцепиться в волосы, а священнику еще и в бороду.

- Кыш, кыш, проклятые! - крикнул отец Василий и брызнул в стаю феечек святой водой.

Стая рванулась прочь и с негодующим визгом скрылась в кустах.

Они пошли дальше по дорожке.

Андрюша сидел на дереве и от нечего делать жевал сочные и горьковатые ягоды рябины. Вокруг было тихо, солнце уже взошло, но еще пряталось за холмом, от озера поднимался и расплзался по берегу молочно-голубой туман.

Вдруг Андрюша услышал в тумане плеск воды, а затем осторожные шаги и хруст прибрежной гальки. Он слегка раздвинул рябиновые ветки и выглянул в ту сторону. По берегу прямо к его рябине шла мокрая с головы до ног девочка с невероятным количеством тонких рыжих косиц на голове. «Ведьма! - в испуге подумал Андрей. - Или русалка? Хоть бы она мимо прошла!». На всякий случай он перебрался повыше, в самую гущу ветвей, и затаился.

Но Дара не могла пройти мимо Андрюши по той простой причине, что Ангелы Иоанн и Юлиус шли у нее по сторонам и осторожно, но упорно направляли прямо к рябине.

Ангел Андреус, стоя на самой вершине рябины, с любопытством глядел на них, не понимая: почему это они охраняют какую-то чужую отроковицу?

Мокрая девочка уже подходила к рябине, как вдруг в тумане послышался конский топот. «Келпи! - ужаснулся Андрей. - А вдруг эта девочка вовсе не ведьма и не русалка, а просто шла мимо и упала в воду? Келпи может на нее напасть!».

Пришлось Андрюше снова спуститься на нижние ветви и позвать девочку:

- Эй ты! Беги сюда и лезь на дерево! Скорей, ну скорей же! Давай руку!

Девочка добежала до ствола, подпрыгнула и схватилась за Андрюшину руку. С его помощью она подтянулась и оседлала нижнюю ветку, а потом Андрюша помог ей забраться повыше.

- Ну вот, порядок, - сказал Иоанн. - Андреус, это Дара, соседка нашей Аннушки по комнате. Она сбежала из Келпи.

- Одна? - удивился Андреус.

- Почему одна? Мы ее прикрывали, - сказал Иоанн. - Хорошо, что твой Андрей помог ей влезть на рябину: Келпи сюда скачет.

- Он у меня рыцарь, - ласково сказал Андреус,

- Приглядишь за обоими? - попросил Юлиус. - А то нам с Иоанном пора возвращаться в сид.

- Конечно, пригляжу! Ступайте спокойно, братья.

И Ангелы тем же путем, через трубу бассейна, вернулись в сид Келпи.

- Ты чего это вздумала тут гулять? - спросил Андрюша девочку. - Разве ты не знаешь местных преданий?

- Да знаю, знаю я все! Отвяжись, дай отдышаться!

- Ну, отдышись и полезем выше.

Совсем недалеко от рябины с холма спустилась Келпи, остановилась на берегу, огляделась и нежно, приглашающе заржала.

«Интересно, а эта Келпи случайно не умеет по деревьям лазать?» - подумал Андрюша. Но вслух ничего не сказал.- Помоги мне развязать рюкзак, - попросила девчонка, - у меня руки от холодной воды окоченели.

- Давай.

Андрюша развязал мокрый узел и протянул рюкзак девочке. К его удивлению, она достала из него большой пакет, набитый колбасой и сосисками и громко позвала:

- Келпи, Келпи! Иди сюда! Я принесла тебе угощение!

- Ты с ума сошла? - заволновался Андрюша. - Зачем ты ее зовешь? Это страшная лошадь, она людей жрет!

- Да знаю я все, - опять отмахнулась странная девочка. - Пожалуйста, не мешай мне!

Келпи подбежала и остановилась под рябиной.

- Келпи, лошадка, вот тебе твои любимые сосиски! Ты поешь, а за это пропусти меня на дорогу к людям! - и девочка стала бросать сосиски одну за другой.

Келпи ловила их на лету и заглатывала.

- Сейчас мы ее задобрим, и она разрешит нам спуститься с дерева и уйти, - сказала она.

- Хорошо, если это у тебя получится. Но я спуститься не могу до двенадцати часов.

- На тебе какое-нибудь заклятье? Гейс у тебя - до полудня на деревьях сидеть?

Андрюша читал древние ирландские сказания и знал, что такое гейс. Поэтому он ответил:

- Нет у меня никакого гейса. У меня уговор с моим папой.

- Ну и оставайся тут по уговору. А мне надо торопиться.

- Куда?

- В город.

- А ты откуда?

- Не твое дело! Келпи, вот тебе еще колбаска! А вот ветчинка - свеженькая, жирненькая!

Скоро Дара покидала Келпи все свои запасы и попыталась спуститься с дерева.

Но только одна ее нога свесилась с нижней ветки, как неблагодарная Келпи встала на дыбы и попыталась ухватить Дару за ногу оскаленными зубами!

Дара вмиг оказалась чуть не на верхушке рябины.

- Не сработало! - в отчаянии проговорила она.

- Что не сработало? - спросил Андрюша.

- Хитрость моя не сработала! Я год прикармливала Келпи, чтобы она на меня не напала в случае побега, а она сосиски сожрала и все равно хочет меня загрызть!

- Так ты бежишь из школы Келпи! - догадался Андрюша.

- Ну да! Я уж давно об этом подумывала, хотя бежать мне совершенно некуда: и тут кругом ведьмы, и дома одни ведьмы... Но вчера терпение мое лопнуло! А ты-то чего тут делаешь? Давай выкладывай! Нам, похоже, все равно надо держаться вместе.

- Да мы уж и так сидим на одной ветке. На вот, возьми мою куртку - тебе теплее станет, а то ты вся мокрая и зубами стучишь.- Неужели так слышно? Это плохо - тут не одна Келпи ошивается. Давай сюда твою куртку!

Девочка натянула Андрюшину куртку и вместо благодарности снова подозрительно уставилась на него.

- Так чего ты тут делаешь?

- Сажу на рябине.

- Это я вижу. А на рябину зачем влез?

- Я тут, понимаешь, одну девочку из Келпи спасаю.

- Да ну? И кого же это? Я в Келпи всех знаю.

- Юлианну Мишину.

- Не может быть!

И, конечно, они тут же познакомились и все друг другу о себе рассказали, а потом принялись вместе жевать рябину и ждать.

А Келпи бродила под рябиной, плотоядно поглядывая на них и скаля острые, совсем не лошадиные зубы.

Отец Василий и бабушка подошли к озерку и остановились. Теперь они находились в самой середине круглого сада, и нужно было решить, идти ли им дальше или оставаться здесь, ожидая, пока их заметят хозяева. Решили ждать и присели на скамейку.

В озере плавали и плескались вновь осмелевшие русалки. Они подплывали к берегу и с любопытством поглядывали на людей.

Фонтанный кит уже был включен и выбрасывал вверх мощную струю воды.

Отец Василий поглядел на пустую бутылку из-под святой воды, подумал и поставил ее под скамейку.

- О! У нас гости? - раздался вдруг певучий женский голос, и на дорожку вышла высокая блондинка. - Каким образом вы здесь оказались, господа, и кто вы такие?

- Это вот бабушка вашей бывшей ученицы Юлианны Мишиной. Она прилетела из России за своей внучкой, а я ее сопровождаю.

- Очень странное сопровождение, - произнесла блондинка, покосившись на крест священника. - Между прочим, вы нарушили границы частного владения и подлежите за это юридической ответственности. Но как это вам удалось пройти через тройную ограду сада? Вам кто-нибудь помог?

- Да.

- Кто же?

- Господь Бог и Его Ангелы.

- Ах, так? Любопытно. Впрочем, это вопрос скорее философский, чем юридический... Меня зовут мисс Морген. Ну что ж, раз уж вы все равно здесь, я отведу вас к леди Бадб, директору школы Келпи. Она увидела вас из окна своего кабинета и послала меня за вами.

Они пошли за мисс Морген по садовой дорожке.

Как только они скрылись за поворотом, к скамейке, на которой сидели бабушка и отец Василий, подбежал боуг с пластиковым мешком в руках и заглянул под нее.- Бутылочка! - воскликнул он радостно и на четвереньках полез за бутылкой. Вытащив ее, он внимательно всю ее осмотрел и даже понюхал.

- Ой, какая противная бутылка! - закричал он. - Пустая, а жжется!

И боуг не стал прятать бутылку в мешок, а размахнулся и бросил ее в озеро. Но бутылка не затонула, а поплыла по поверхности воды.

К ней тут же бросились русалки, собираясь с нею поиграть, но, дотронувшись до бутылки, шарахнулись в разные стороны и всей стаей быстро поплыли на другую сторону озера.

Мисс Морген и бабушка с отцом Василием вошли в парадные двери школьного здания и поднялись по беломраморной лестнице на площадку. Тут им загородили алебардами дорогу две старшекурсницы в рыцарских доспехах и стали спрашивать пароль.

- Пропустить. Это со мной, - негромко сказала мисс Морген, и рыцарь-девицы от них отстали.

Она провела гостей в большой зал, где стены, потолок и пол были выложены сверкающими медными плитками, огонь горел в медном камине, отбрасывая на стены огненные блики, а вдоль стен стояли медные стулья с высокими спинками.

- Вы можете пока присесть. Я доложу о вас леди Бадб, - сказала мисс Морген и скрылась за высокой медной дверью.

Анастасия Николаевна и отец Василий сели на медные стулья и стали ждать, что будет дальше.

- Что-то подозрительно сверкают все эти надраенные медяшки, - заметил священник. - Давайте-ка не прекращать мысленную молитву, Анастасия Николаевна!

Бабушка кивнула и перекрестилась.

После пятнадцатиминутного ожидания дверь кабинета леди Бадб широко распахнулась, и

оттуда вышла сама директриса школы Келпи. Теперь на ней вместо сверкающего наряда королевы фей было длинное платье из струящегося зеленого шелка и зеленый плащ с капюшоном. Справа и слева от леди Бадб, чуть позади нее, шли профессор Морриган и мисс Морген.

- Дорогие наши гости, - радостно воскликнула леди Бадб, протягивая руки к Анастасии Николаевне, - какая неожиданность! Какой сюрприз! Бабушка Юлианны Мишиной! Любящая и любимая бабушка! Вы мне, конечно же, не поверите, но я вам искренне рада. - По лицу директрисы скользнула коварная улыбочка. - Чаю? А может быть, немного вина? - любезно спросила она.

- Нет, благодарю вас. Мы очень спешим и хотим поскорее забрать Юлианну, - ответила бабушка, вставая со своего стула, но не подавая руки леди Бадб.

- Забрать Юлианну? - леди Бадб переглянулась с Морриган и Морген, и все трое заулыбались таинственными улыбками. - Тут, понимаете ли, есть некоторые сложности... Но, я полагаю, вы прежде всего хотите увидеться с Юлианной и убедиться, что девочка жива и здорова, не правда ли?

- Да, мы хотим ее видеть, - сказал отец Василий, тоже вставая со своего стула.

- Как там, все готово? - спросила леди Бадб профессора Морриган.

- Все уже собрались в Башне фоморов, - ответила та.

- И Финегас готов?

- Да, леди Бадб.

- Прекрасно. А Юлианна Мишина?

- Она еще спит. По вашему распоряжению им с соседкой в ужин подмешали снотворное.

Бабушка и отец Василий тревожно переглянулись.

- Разбудите ее и Дару О'Тара и подержите их пока в гостиной. Я потом пошлю за ними фоморов. Дорогие гости, сейчас я вас провожу туда, где мы сегодня продолжим вчерашний праздник, и вы оба будете его участниками. - Отец Василий хотел, было что-то возразить, но леди Бадб подняла руку и добавила ледяным тоном: - Невольными участниками, священник. Нам не пришло бы в голову приглашать вас на свое торжество, но вы пришли сюда сами и останетесь нашими непрошеными гостями. Хэллоуин окончен - Самхэйн продолжается! Предлагаю вам добровольно следовать за мной. Если вы, конечно, все еще желаете видеть Юлианну.

Бабушка и отец Василий переглянулись, кивнули друг другу и пошли за леди Бадб в ее кабинет. Там она пригласила их войти в кабину лифта. Она села на бархатную скамеечку, священник и бабушка остались стоять. Кабина лифта двинулась вверх, поскрипывая и слегка покачиваясь на ходу. Когда лифт остановился и двери его открылись, они оказались внутри большой стеклянной пирамиды.

- Прощу! Мисс Морген, проводите гостей на отведенные им места.

Мисс Морген предложила бабушке и отцу Василию следовать за нею.

Пол в пирамиде был сделан из сплошного толстого стекла, и сквозь прозрачный этот пол внизу был виден келпинский сад с озером посередине и окружавшее сад здание школы: сверху было видно, что здание высечено прямо во внутренней стене холма, и потому-то единственная его стена так заметно наклонялась внутрь. Идти по стеклу было скользко и страшно, и отец Василий бережно поддерживал Анастасию Николаевну под руку.

Леди Бадб уселась в большое стеклянное кресло, стоявшее у одной из прозрачных стен. Преподаватели и гости сида Келпи расположились справа и слева от нее на стеклянных табуретах, а келпинки стояли вдоль трех других стен пирамиды. Сбоку от похожего на трон кресла леди Бадб стояла простая деревянная скамья с гладкой спинкой – единственный не стеклянный предмет в пирамиде. Отца Василия и бабушку подвели к этой скамье и предложили сесть, что они и сделали.

Ангелы Анастасии и Василиуса встали за их спинами, положив руки на рукояти мечей.

Не вставая с места, леди Бадб начала говорить.

– Дорогие келпинки, уважаемые коллеги-учителя и дорогие наши гости! В сиде Келпи сегодня состоится суд над ученицей Юлианной Мишиной, сорвавшей вчера торжественное жертвоприношение в честь Самхаина, Бога Смерти. Вчера мы хотели сжечь на самхэйнском костре ручного кролика. Этого кролика Бильбо когда-то спасла от Келпи ученица Дара О'Тара, она его вырастила, воспитала и привязалась к нему. Мы решили пожертвовать его Божеству Смерти. Вы знаете, что нашим богам угодны именно такие жертвы, они любят, когда в их честь убивают кем-то любимое существо. Кролик Бильбо – ничтожная мелкая зверушка, однако Дара его любила, и потому он идеально подходил для роли жертвы. Но священный обряд был сорван ученицей Юлианной Мишиной. Эта русская дурочка вырвала кролика прямо из рук друида Финегаса и отпустила его на волю.

Все в зале зашумели, а бабушка громко ахнула.

– Ну, Юлька! И когда ж это она успела? – шепнула она отцу Василию: это был первый и единственный раз, когда бабушка назвала Юлю Юлькой.

– Тс-с, давайте слушать дальше, – ответил отец Василий.

– Однако мы не оставим древних богов обманутыми и поруганными! – возвысила голос леди Бадб. – Вчера мы решили просто наказать Юлианну, отдав ее на съедение нашей любимице Келпи. Но древним богам этого показалось мало, и они привели в наш сид бабушку самой Юлианны. Не надо быть прозорливцем Финегасом, чтобы уже с первых слов этой бабушки понять, как она любит свою непослушную внучку. Таким образом, дорогие мои, Самхаин все-таки получит в жертву кем-то любимое существо, как ему и было обещано, но это будет уже не бессловесный кролик Бильбо, а вполне разумный человеческий детеныш. Мы снова разведем костер в честь бога Самхаина, и взойдет на него ученица Юлианна Мишина! Ну а Келпи получит бабушку Юлианны и сопровождающего ее священника, – как-то подчеркнуто буднично закончила леди Бадб.

– Слава Самхаину, Богу Смерти! Слава сиду Келпи и справедливому суду его! – завопили преподавательницы, ученицы и гости. Они были очень довольны, предвкушая редкое зрелище.

Бабушка хотела было встать и что-то сказать, но отец Василий удержал ее на месте.

– Не спешите, Анастасия Николаевна. Пусть они сначала приведут сюда наших девочек, а уж отбить мы их как-нибудь сумеем.

Леди Бадб хлопнула ладоши:

- Фоморы, сюда!

Тотчас перед ней оказались два великана-инвалида, оба однорукие: у одного не было правой, у другого - левой руки.

- Привести преступницу! - приказала она фоморам.

- Будет исполнено, госпожа, - ответили великаны и скрылись в кабине лифта, где им пришлось согнуться почти вдвое.

Долгое время в зале ничего не происходило и стояла напряженная тишина. Вдруг за стеклянной стеной громко запел дрозд. Бабушка поглядела в ту сторону и увидела огромное корявое дерево с черным стволом и двумя сухими ветвями: на одну из них уселся дрозд с пестрой грудкой и пел свою утреннюю песню.

Вдруг одна из ветвей дерева медленно согнулась и смахнула дрозда; тот с паническим щебетом быстро-быстро замахал крыльями и полетел прочь.

- Свят, Свят, Свят! - прошептала бабушка и хотела перекреститься.

- Этлин! - резко позвала леди Бадб.

Прекрасная женщина, похожая на Снежную Королеву, поглядела на бабушку холодными льдистыми глазами, подняла руку и начертала в воздухе фигуру, похожую на сломанный крест.

Бабушка негромко вскрикнула и, не закончив крестного знамения, опустила вмиг онемевшую и отяжелевшую руку.

- А вот креститься у нас не принято, - мягко заметила ей леди Бадб.

Загудел лифт, дверцы его разъехались, и в зал вошли растерянные, сонные и перепуганные Юлианна и Аннушка, обе босые, в одних ночных рубашках.

По бокам их ковыляли фоморы, а позади грозно выступали Ангелы с горящими мечами.

По залу прошелестел шепот удивления.

Когда Ангелы вышли из лифта, в кабине остались четыре боуга: они держали на плечах мохнатый хоббичий сапог. На боугов никто внимания не обратил.

Шепот в зале сменился возгласами удивления.

- Вы только взгляните на Юлианну - она раздвоилась!

- Какой талант пропал даром!

- Всего лишь первокурсница - непостижимо! Да, Келпи - это школа!

Леди Бадб поднялась со своего трона.

- Юлианна! Неужели мы в тебе ошиблись? Как тебе удалось так удачно раздвоиться? Отвечай!

- Бабушка! Батюшка! - крикнули Юлька и Аннушка, не обратив внимания на слова леди Бадб. Они хотели броситься к бабушке и отцу Василию, но фоморы крепко ухватили их за плечи и заставили остаться на месте.

- Отвечай, Юлианна, - повторила леди Бадб и нахмурилась.

- Я вам ничего не скажу! - в один голос ответили Юлька с Аннушкой.

- Ну что ж, - сказала леди Бадб, - нет особой необходимости слушать твои оправдания. Можешь оставаться в этом виде - Самхаин нам скажет спасибо за двойное подношение. Верховный друид Финегас, вам вести суд! Надеюсь, вас не смутит, что преступница оказалась в двух экземплярах? Начинайте, прошу вас.

Финегас вышел вперед и уставился на сестер.

- Леди Бадб! Это не одна мышка... то есть это вовсе не преступница в двух экземплярах, а две разные девочки. Вернее, одинаковые... О великий Самхаин, я совсем запутался! Простите, моя леди. Эти девочки - сестры-близнецы, и одна из них не в нашей власти. Та, которая пришла сюда не по своей воле.

По залу пролетел удивленный шепот.

- Эти девочки мои внучки, сестры-близнецы Юлия и Анна! - сказала бабушка, поднимаясь с места. - Их часто зовут одним именем Юлианна. И обе они не в вашей власти: они хорошие девочки и настоящие христианки.

- Одна из них пришла сюда по своей воле, - возразил друид.

- Я утверждаю, что это не так! Чужая злая воля привела ее сюда! - решительно заявил отец Василий и тоже поднялся с места.

- А я прорекаю, что одна из них здесь по доброй воле! - закричал друид; он заметно нервничал, продолжая переводить глаза с одной сестры на другую.

- Анна попала в Келпи случайно, а Юлия пришла сюда, чтобы спасти сестру, - не сдавалась бабушка.

- Вы лжете, - зло обрезала ее леди Бадб. - Друид прорек, что Анна пришла в Келпи по доброй воле. Пророчество - лучшее доказательство, и поэтому Анна останется здесь. Юлия, которая пробралась в Келпи, чтобы спасти сестру, может отсюда уходить вместе со священником и старухой. Кто из вас Анна?

- Я! - сказали обе сестры и шагнули вперед.

- Фи, опять самопожертвование, какая пошлость! - поморщилась леди Бадб. - Финегас, определите, кто из них пришел сюда, чтобы спасти свою сестру?

Друид еще раз внимательно оглядел сестер. Он волновался. Он размышлял. Он даже присел на табурет и принял вид глубоко задумавшегося человека, подперев кулаком подбородок. Все в пирамиде молчали, ожидая его ответа. Наконец Финегас встал и откашлялся, будто требуя внимания к тому, что он сейчас скажет, хотя зал и так не дышал, и торжественно произнес, указывая пальцем:

- Вот это Анна, а вот это Юлия. Прав ли я, мышки?
- Вы неправы, потому что вы – предатель, господин Финегас! – сказала Юлька.
- Как же вам не совестно, господин Финегас? А я думала, что вы добрый человек! – дрожащим голосом сказала Аннушка.
- Конечно, мышки, я добрый, но не совсем человек: в первую очередь я друид, и на первом месте для меня стоит моя профессиональная гордость.
- А по профессии вы палач! – не унималась насмерть обиженная Юлька.
- И предатель, – добавила Аннушка.- Предатель не профессия! – возразил друид.
- Ну, значит, это хобби у вас такое! – не сдавалась Юлька.
- Прекратить неуместные прения! – потребовала леди Бадб. – Финегас, уточните еще раз, кто из них явился в Келпи ради сестры?
- А вот это совсем не просто, моя леди!
- Но вы же сами только что указали, кто из них Анна, а кто Юлия.
- Это я сумел, но...
- Блесните еще раз своим мастерством, друид Финегас! – раздраженно сказала леди Бадб. – Вы же знаете, что мы не имеем права задержать в Келпи ту, которая пришла сюда по доброй воле ради спасения сестры. Вы только что правильно назвали их настоящие имена...
- Имена в данном случае ничего не значат, моя леди. Можете обеих звать Юлианнами – это, в сущности, ничего не меняет. Я настроился на их прошлое и, как всегда, прозрел истину. Видите ли, моя леди, они обе пришли сюда по доброй воле, и каждая сделала это ради сестры. Причем одна из них проделала акт самопожертвования дважды. Вот эта, – и друид указал на Аннушку. – Один раз в самом начале, когда приехала из России учиться вместо сестры. Второй раз она сделала то же самое вчера вечером. Как это произошло, я пока не вижу, но твердо знаю, что так оно и было. И теперь я понимаю, что вчера вечером беседовал не с Юлианной, а... с Юлианной. – Финегас замолчал и почесал голову. – Простите, леди Бадб, но получается, что по закону мы должны выпустить обеих мыш... обеих девиц из Келпи беспрепятственно. Обеих Юлианн! То есть и Юлию, и Анну.
- Вы уверены? – спросила леди Бадб.
- Абсолютно уверен, моя леди. Таков закон, обойти который не в нашей власти.
- А как же намеченное человеческое жертвоприношение? Наши боги будут очень, очень разочарованы и недовольны нами. Что же нам делать, друид?
- Я ду-думаю, леди Бадб... К со-сожале-нию, моя леди...
- Ну, чего это ты вздумал заикаться, друид?
- Это я от глубочайшего сожаления. Получается, леди Бадб, что столь желанное всем нам жертвоприношение состояться не может.

- А это мы еще посмотрим! Девчонок освободить. Вы выйдете отсюда все четверо. Беспрепятственно, как сказал друид Финегас. Мы, видите ли, всегда соблюдаем законность. Но сумеете ли вы так же беспрепятственно пройти мимо Келпи - это уже не наша забота.

Зал наполнился восторженными криками, многие келпинки аплодировали мудрому решению леди Бадб, строили сестрам рожи и выкрикивали пожелания весело покататься на лошадке Келпи.

Фоморы сняли с плеч сестер свои тяжелые стеклянные руки.

Девочки бросились к бабушке и молча обняли ее.

- Так... - протянула леди Бадб, с отвращением глядя на эту сцену. - А где же Дара О'Тара? На худой конец сойдет и она, ведь это Дара вчера первая нарушила церемонию жертвоприношения.

Вот тут из полумрака лифта вышли боуги, неся на плечах хоббичий сапог, прошли через весь зал и торжественно положили сапог под ноги леди Бадб.

- Что это за гадость вы мне принесли? Боуги поставили сапог стоймя. Один

из них нырнул в него с головой и вылез, держа в руках сложенную записку. Он передал ее леди Бадб.

Она прочла записку, позеленела от злости и тут же разорвала ее.

- Я не думаю, что Дара О'Тара сможет выйти за территорию Келпи. Но какая глупость - покинуть школу на последнем курсе!

- Дара покинула школу? - встрепелась Аннушка. - Когда?

- Не твое дело! - грубо ответила ей леди Бадб. - Так, а теперь мы все с большим интересом поглядим, как вы четверо будете пробираться мимо Келпи. Откройте для них пирамиду, фоморы!

Два великана-фомора, на этот раз горбатый и одноглазый, подошли к одной из стен пирамиды и навалились на нее.

Треугольная стена медленно, со скрипом стала подаваться наружу. Через несколько мгновений пирамида была открыта, и все переместились из нее на окружающую Башню фоморов каменную площадку.

- Расступитесь все и дайте пройти нашим незванным гостям и обеим Юлианнам! - приказала леди Бадб. - Пусть они покинут нас! Никто не посмеет сказать, что мы их не выпустили. А внизу их поджидает наша Келпи, и через несколько минут мы все полюбуемся на их встречу. Они не пройдут!

- Прорвемся! - сказал Ангел Анастасий, обнажая меч.

- А то! - сказал Ангел Иоанн.

- Бог поможет! - добавил Ангел Василиус.

Ангел Юлиус ничего не сказал, только взмахнул для пробы сверкающим клинком.

Четыре поднятых меча, сойдясь остриями над головами людей, образовали над ними свою ослепительную пирамиду.

Так, под сверкающим ангельским прикрытием четверо людей стали спешно спускаться с холма. Они не говорили между собой о том, что станут делать, когда увидят внизу Келпи, но про себя каждый из четверых решил, что первым выйдет навстречу страшной лошадке, прикрывая собой остальных.

Из пирамиды вылетела стайка феечек и завертелась вокруг леди Бадб, что-то жалобно и испугано пища.

- Не до вас! Отстаньте! - отмахнулась от них директриса.

Но феечки не отставали и все пытались что-то сообщить.

- Чего это они всполошились? - нахмурилась директриса. - Финегас, переведите, что они там лепечут?

Финегас подставил руку самой смелой феечке: она опустилась на его ладонь, ухватилась за большой палец, чтобы не свалиться, и стала ему быстро-быстро что-то верещать.

- Ничего не понимаю! Где же Келпи? Почему эти люди все еще живы? - спросила леди Бадб, прищуриив глаза, чтобы лучше видеть путников, уже почти спустившихся с холма. - Ну, что там? - рассеянно спросила она, заметив, что Финегас уже отпустил феечку.

- Феечка утверждает, что там, внизу ди-ди-ди...

- Директора школы кто-нибудь спрашивает?

- Нет. Ди-ди-ди...

- Диамат волнуется?

- И это тоже. Но главное - совершена ди-вер-си-я!

- Какая еще диверсия?

- Крупная и, боюсь, необратимая: воды нашего внутреннего озера отравлены.

- Чем отравлены?

- Святой водой! Теперь даже их испарения ядовиты, и все наши фэйри бегут из сида!

- Никому ни слова! - коротко приказала леди Бадб друиду и ринулась назад в пирамиду.

Юлька с Аннушкой, отец Василий и бабушка спустились с холма и, оглядываясь на ходу по сторонам, побежали к старой рябине.

- Андрей! Быстро спускайся вниз! - крикнул отец Василий, глядя в густую крону.

Но вместо Андрея из гущи ветвей на землю прыгнула Дара О'Тара, а потом, за нею следом спустился Андрюша.

- Дара? - удивилась Аннушка. - Ты что здесь делаешь?

- Как что? Бегу из Келпи. Ты разве не получила мою записку? - спросила Дара, обращаясь одновременно к Юльке и Аннушке. - Я ее сунула в твой хоббичий сапожок.

- А, так вот что читала леди Бадб!

- Она перехватила мое письмо?

- Да, боуги постарались. Бежим скорее, пока нас не обнаружила Келпи!

- Об этом не беспокойтесь. Келпи обожралась сосисками и спит вон там, в кустах.

Кровожадина Келпи вовсе не сосисками объелась, а уснула под действием снотворного, подмешанного в праздничный ужин сестер.

- Юлианна, а почему тебя две? - спросила Дара.

- Сейчас тикать надо, а не разговоры разговаривать! Потом объясним! - ответил ей кто-то из Юлианн.

- Тогда вперед! - и отец Василий повел всех по дороге к лесу. А леди Бадб в это время обследовала озеро и быстро обнаружила на дне затонувшую бутылку с надписью «Святая вода». Нескольких капель святой воды, оставшихся в бутылке, было достаточно, чтобы вся вода в озере стала святой, а значит, смертельно ядовитой для всех обитателей сида!

- Все пропало, - мрачно сказала леди Бадб. - Погиб сид!

Директриса бросилась к выходу из сада.

Придя ко рву Диамата, она увидела, что дракон бушует и беснуется. Леди Бадб сразу поняла, в чем дело: в отопительную систему уже поступила «отравленная» вода из озера, заставляя дракона кашлять и чихать пламенем. Леди Бадб перебежала железный мост, открыла вторую дверь и бросилась ко рву с ламиями. В этот гнилой ров свежая вода из озера не поступала, а пополнялся он сточными водами - святая вода сюда не проникла, и ламии пребывали в ленивом покое.

Леди Бадб подобрала подол и спустилась под мост: там, стоя по колени в вонючей воде, она нашарила колесо, регулирующее сток воды. Она раскрутила его до отказа, и вода с ревом хлынула через открывшийся сток на дне рва. Леди Бадб вбежала на мостик.

- Слушайте меня, дорогуши! - закричала она ламиям. - Шестеро людей вышли из сида. Ползите через сток за ними в погоню! Догоните и растерзайте! Вперед, дорогие гады!

Затем леди Бадб вернулась в драконий ров, позвала дракона Диамата, провела его через лабиринт и гараж и выпустила из сида, приказав гнать слепых ламий к мосту через реку.

- Проследи, лапушка, чтобы эти дуры не расползлись по лесу, гони их прямо на беглецов!

После этого леди Бадб снова поднялась в пирамиду и вышла на площадку, где, тревожно и недоуменно переговариваясь, стояли преподаватели, ученицы и гости. Она сурово всех оглядела и произнесла одно только грозное слово:

- Эвакуация!

Отец Василий и Андрюша вели под руки Анастасию Николаевну, а Юлька с Аннушкой тащили

за руки Дару, которая совсем окоченела на ветру в своей все еще влажной одежде. Размокшие меховые сапоги стали немислимо тяжелыми, но она бежала, стараясь не отставать от других. Долго ли, коротко ли, но через лес они благополучно перебрались. И вот они уже на опушке, уже виден стал беглецам мост и автомобиль возле моста, и спасение стало казаться возможным и близким. Вот бежавшие впереди Андрюша и отец Василий с бабушкой достигли машины, и отец Василий уже принялся шарить по карманам рясы в поисках автомобильных ключей.

И тут они услышали за спиной зловещий треск и, оглянувшись, увидели что-то белое, ломившееся сквозь заросли терновника на опушке: это Келпи очнулась от своего сна и скакала за ними в погоню.

- Бабушку скорее сажайте в машину! - закричала Аннушка.

- Это Келпи! Мы погибли, Юлианна, - сказала Дара упавшим голосом.

- Похоже на то, - подтвердила Юлька и прошептала: - Ой, папочка!

- И совсем не обязательно нам погибать! - возразила им обеим Аннушка: она вдруг вспомнила, как спасались на ее глазах от зловредной лошадки хитрые кролики. - Мы, девочки, обманем Келпи! Как только я скажу: «Бежим!», ты, Юля, беги направо, а я побегу налево. Келпи растеряется и, может быть, отстанет от нас. А ты, Дара, сейчас же беги прямо к машине - тебе в этих сапогах от Келпи не убежать!

- Ты разве боишься лошадей, Ань? - удивилась Юлька.

- Это не лошадь, это бес в образе лошади! Бежим!

И они с сестрой бросились бежать в разные стороны, а Дара помчалась к машине.

Келпи приостановилась, раздумывая, какую из девчонок поймать и загрызть первой. Сначала она бросилась за Юлькой.

- Келпи! Келпи! Попробуй-ка меня поймать! - закричала ей вдогонку Аннушка.

Келпи остановилась, проржала что-то короткое, вскинула передние ноги, развернулась на задних и рванулась за Аннушкой.

Тем временем Юлька пробежала добрую сотню метров к автомобилю и, остановившись, тоже закричала:

- Келпи! Дурацкая ты лошадь! Слабо меня догнать? - причем закричала с перепугу по-русски.

Но зловредная лошадка Келпи, видно, была полиглоткой: она Юльку хорошо поняла, захрапела и бросилась за ней, оставив в покое Аннушку.

И теперь уже Аннушка пробежала свою сотню метров по направлению к машине.

А дальше девочкам пришлось волей-неволей идти на сближение, потому что нельзя же бежать в разные стороны, когда машина - вот она, в двадцати шагах впереди. Тут они поравнялись с Дарой, которая почему-то не села в машину, а стояла, поджидая их метрах в пяти от нее.

- Садись в машину, Юлианна! Живо! - крикнула она сестрам.

Потом она остановилась на дороге, прямо перед Келпи, отрезав ее от обеих Юлианн, и начала дрожащим голосом уговаривать разъяренную лошадь:

- Келпи! Это же я, Дара: я тебя сосисками кормила! Ты ведь меня не тронешь? А я тебе еще что-то вкусное дам!

Келпи остановилась и уставилась на Дару, склонив набок голову.

Дара приободрилась и даже сделала один маленький шагок навстречу лошадке.

Сестры успели добежать до машины, в которой за рулем уже сидел отец Василий, рядом с ним бабушка, а на заднем сиденье - Андрюша. Подталкивая друг дружку, они влезли в заднюю дверцу.

- Келпи, ну что ты, Келпи, дурочка! Это же я! - продолжала свои увещевания Дара.

Келпи наклонила голову, нерешительно уставившись на Дару своими синими, а сейчас с красным отсветом, глазами. Она все еще плохо соображала со сна. Потом она коротко и просительно заржала и оскалилась в улыбке. А зубы у нее были страшные - совсем не лошадиные, лопатками, а острые и частые, как у акулы, и, кажется, даже в два ряда.

Убедившись, что подопечные благополучно забрались в машину, все Ангелы Хранители устремились на помощь Даре.

Но Дара справилась сама! Она вдруг наклонилась, сняла с ноги мохнатый сапожок и со всей силы бросила его в заросли терновника.

- Это кролик! Беги за ним, Келпи, беги!

И одуроченная Келпи, коротко всхрапнув, рванула галопом за рыжим Дариным сапожком.

Ангелы переглянулись и засмеялись.

А Дара бросилась к машине. Только она втиснулась кое-как и хотела захлопнуть дверцу, как взгляд ее упал на опушку леса.

- Погоня! Там, в лесу, смотрите! - закричала она.

Беглецы поглядели в окна, и страшное зрелище предстало их глазам.

Они увидели, как по лесной дороге неуклюже топает дракон Диамат, сын Тиамат, качая остатками некогда мощных крыльев, рыжих от въевшегося за столетия торфяного пепла. Он не спешил, и через минуту-другую беглецы поняли, почему: культяпками обрезанных крыльев дракон гнал перед собой по лесной дороге целое стало ламий, слепых, совершенно одуревших на свежем воздухе и оттого еще более свирепых.

- Едем скорей, отец Василий! - первой опомнилась Анастасия Николаевна. - Газуйте, батюшка, ради Бога!

- Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! - отец Василий перекрестил дорогу перед машиной и мост впереди. - С Богом! - Он газанул, лихо развернул машину, и они помчались к мосту.

- Здесь мы станем и не пропустим врагов, - сказал Иоанн, приземляясь у въезда на мост. Рядом с ним стали Ангелы Василиус, Анастасий, Юлиус и Андреус.

- Справимся? - спросил Юлиус, глядя на приближающегося дракона с его стадом ламий.
- Главное - не пропустить ламий через мост, - сказал Василиус. - Машину догнать мы им, само собой, не дадим, но вы представляете, что они натворят в городе, если их пустить через мост?
- Лучше не представлять, - сказал Андреус. - Старший брат, а не вызвать ли нам подкрепление? По-моему, пора!
- Верно, младший брат, так мы и сделаем.

Ангел Василиус вынул из кармана стихаря зеркало - полупрозрачный зеленоватый шар, поправил на голове тороки-антенны и заговорил:

- Вызываю всех Ангелов ирландской Православной Церкви! Братья! Мы спасаем людей от нечистой силы из сида Келпи. Нас всего пятеро, а против нас дракон, фоморы и ламии. Летите нам на подмогу!

Еще только первые безобразные головы ламий, срубленные мечами Ангелов, покатались по траве, а в небе уже показалось сверкающее в лучах солнца небесное Воинство - это Ангелы Хранители всех православных ирландцев спешили на помощь нашим воинам.

- Слава православной Ирландии! - возгласил Ангел Иоанн, салютуя прибывшим своим мечом.
- Слава Господу и святому Патрику! - ответили хором ирландские Ангелы.

Тут из леса вышли, хромая и ковыляя, первые фоморы, и закипела Келпинская битва, как ее позже назовут в ангельских да и в бесовских преданиях.

Переехав мост и въехав в городок, беглецы наконец перевели дыхание.

- А ты ловко раздвоилась, Юлианна. Я даже не знала, что ты такое умеешь. Это было очень предусмотрительное раздвоение: если

бы не оно, Келпи нас запросто поймала бы и загрызла. Только знаешь, в машине тесновато: сдвоись, пожалуйста, обратно, стань одной Юлианной.

- Не могу! - сказала Аннушка, улыбаясь и обнимая сестру. - Нас двое и всегда будет двое. Это же моя сестренка, Дара! Моя дорогая сестра-близнец!

Дара не сразу сообразила, в чем дело, а потом поняла и кивнула, после чего отвернулась и стала смотреть в раскрытое окно автомобиля.

- А я вот, значит, опять буду одна, как мой несчастный сапог - он снова остался без пары, бедняга! - с этими словами она стащила с ноги оставшийся хоббичий сапог, повертела его в руках, вздохнула и выбросила в окно.

- Пускай лепрехуны подбирают! Аннушка засмеялась и обняла ее.

- Мы обе будем с тобой дружить, - сказала она, - и я, и Юля.

- А я? Я тоже хочу дружить с Дарой! - вмешался Андрюша. - Она смелая девочка, и мы с ней много пережили, сидя на одной ветке.

- Да уж, - сказала Дара, - на мне и сейчас его куртка.

- А почему ты вся такая мокрая, Дара? - спросила Аннушка.
- Так я же вплавь по трубе из Келпи удрала!
- По той трубе, что в наш бассейн впадает?
- Ну да. Плыла против течения, между прочим.
- Страшно было?- Еще бы! Местами приходилось плыть под водой.
- Ой, у тебя и волосы мокрые! Давай-ка, перебирайся через меня и садись между нами с Юлей - мы тебя согреем.
- Спасибо, Юлианна! - Дара перелезла через Аннушку и угнездилась между сестрами. Тут и вправду было теплее.

А бой Ангелов и демонов продолжался. Лавиной двигались к реке фоморы, размахивая своими страшными стеклянными мечами, а командовал ими, конечно, сам Кромм Круах. Доковыляв к месту битвы, фоморы раскручивали мечи над головой и бросали их в сторону Ангелов. Мечи летели по воздуху, как сверкающие ракеты, и хотя они чаще всего не попадали в Ангелов - калеки-фоморы были изрядные мазины, - они падали поблизости, разлетаясь тысячами длинных и очень опасных осколков.

Однако Ангелы все равно побеждали. Но побеждали дорогой ценой: у кого-то фоморы выбили из рук меч, а кто-то уже уходил в вышину, ныряя на одном крыле.

И вдруг страшный вой потряс округу. Это взвыл Кромм Круах, грозный повелитель сида Келпи. Ангел Иоанн свечой взлетел вверх и увидел, как на вершине сида Келпи дрожат и лопаются стекла пирамиды и оттуда вырываются клубы серебристого пара. А еще он увидел, как в этом пару мечутся, корчатся, крутятся орудия от боли и ярости фэйри - боуги, гномы, русалки, лепрехуны, феи и прочая нечисть.

«Конец школе Келпи», - подумал Иоанн, усмехнулся, развернулся на кончике крыла и снова ринулся в битву.

Никто из людей и Ангелов не видел, как распахнулись ворота Келпи, и оттуда выехала вереница автомобилей с нарисованной на каждой передней дверце белой лошадкой. В машинах, набитых чемоданами, сумками, грудями как попало наваленных книг и канцелярских папок, сидели преподавательницы и гости сида. Последним ехал автобус, переполненный ученицами, а за рулем его сидел друид Финегас, бывший библиотекарь и преподаватель. Эвакуация школы Келпи шла полным ходом и в строгом порядке. Леди Бадб, конечно, эвакуировалась в первой машине.

Над нею, кувыркаясь в воздухе и роняя перья, летела гарпия-профессор Морриган.

- Через мост вам не пройти, там идет битва! Поезжайте круговой дорогой! - прокаркала она сверху.
- Спасибо, профессор, - отозвалась леди Бадб. - А вы, дорогая?
- А я еще тут покручусь! Вы не забыли, леди Бадб, что у меня титул богини войны?
- Ну, мало ли кто из нас кем был в прошлом, - вздохнула леди Бадб. - Хорошо, оставайтесь,

профессор. Желаю хорошо позабавиться, когда схватите беглецов, отомстите им хорошенько за наш сид. Не забудьте потом разыскать меня и все рассказать!

- Конечно! К черту, дорогая!

- К черту, богиня войны Морриган!

Беглецы ехали по замусоренным улицам еще не проснувшегося городка. Повсюду на тротуарах валялись маски бесов, чертей, зомби, вампиров и мертвецов, теперь уже не страшные, а просто до невозможности противные. На газонах лежали забытые и брошенные хэллоуинские тыквы, в некоторых еще догорали свечные огарки.

- Подвезете меня до шоссе на Дублин? Я хочу ехать автостопом, - попросила Дара.

- А мы в Дублин как раз и едем, - сказал отец Василий. - И в Дублине отвезем тебя куда скажешь, Дара.

- Вот хорошо! Мне так хочется оказаться поскорей как можно дальше от школы Келпи, чтоб она провалилась!

- Хорошо сказано, Дара О'Тара! - одобрила ее пожелание Юлька.

- Как ты сказала: Дара О'Тара? - переспросил отец Василий и, на мгновение оглянувшись, коротко, но внимательно оглядел Дару.

- Дара О'Тара - это мое имя. Я, между прочим, королевской крови, - и Дара гордо вскинула торчащие и все еще мокрые рыжие косички.

- Ну-ну, - сказал отец Василий.

- Ладно тебе, Дара, - сказала Аннушка. - Ты лучше расскажи, что там было в записке, которую перехватила леди Бадб, - попросила Аннушка.

- Я там писала, что убегаю из Келпи.

- Жаль, что ты мне раньше не сказала. Мы ведь еще с Ясмин задумали бежать. А с чего ты-то бежать задумала?

- А не хочу больше на ведьму учиться! До смерти надоело всех ненавидеть и со всеми ссориться. Сколько можно притворяться? Ну а после истории с Бильбо я твердо решила, что пройду огонь, воду и медные трубы, но из Келпи уйду. Мне повезло - удалось обойтись одной медной трубой.

- Какая ты храбрая, Дара!

- Да и ты не трусиха.

- Ну что ты! Меня вон сколько людей спасало - и бабушка, и Юленька, и отец Василий с Андрюшей. Это они храбрые, а не я.

- Да нет, ты тоже ничего. Ты теперь в свою Россию вернешься?

- Конечно.

- Я так и думала. А писать мне будешь?

- Буду.

- И в гости пригласишь? Надо же мне поглядеть на Гардарiku!

- А как же!

- Ты обязательно должна приехать к нам в Петербург, Дара! - поддержала сестру Юлька.

- Хорошо бы! Странно, что теперь не будет рядом тебя, Юлианна... и моего Бильбо, - тут Дара едва не заплакала. И заплакала бы, если бы Аннушка и Юлька снова не обняли ее с двух сторон, согревая и утешая.

Ангелы были более опытными воинами, чем бесы и демоны, но последние брали числом. На подмогу фоморам и Диамату с ламиями примчались гномы, боуги и лепрехуны. Прилетели даже вредные крошки-феи; они бросались небесным воинам в лицо и мельтешили перед глазами, мешая наносить точные удары. Дракон выпускал пламя почти непрерывно, и скоро весь берег был в клубах черного дыма, а в дыму вились полчища бесов. Над ними носилась ворона-гарпия Морриган. Впрочем, бывшая богиня войны, а теперь уже и бывшая профессорша, сама в схватке не участвовала, а только других вдохновляла на битву.

Нечисть все упорнее пробивалась к мосту. Вдруг Морриган подлетела к дракону, уселась ему на голову и что-то прокаркала прямо в огромное остроконечное ухо. Дракон кивнул, свернулся пружиной и прыгнул как можно выше, помогая себе кургузыми остатками крыльев. Он перелетел через Ангельскую дружину и тяжело приземлился на мосту.

- Дракон зашел к нам в тыл! - закричал Ангел Василиус. - Святой Патрик, помоги нам!

То ли дракон отяжелел за годы сытой и малоподвижной жизни в Келпи, то ли великий святой Ирландии откликнулся на призыв Ангелов, а может, просто мост был очень старый, но вдруг раздался грохот, и мост под драконом рухнул. Сам Диамат тоже свалился в реку и застрял там между каменными боками моста. Вода хлынула в драконью глотку и затушила пламя.

- Отступать некуда! - воскликнул Ангел Иоанн, оглянувшись на рухнувший мост, и с пущей яростью кинулся в битву.

Между тем дуры ламии подползли к берегу и одна за другой бултыхнулись в воду - им же было приказано догнать беглецов любой ценой! Никого они, конечно, не догнали, а отправились на дно кормить раков - все до единой! - потому что чистая речная вода оказалась для них смертельно ядовитой.

Но и фоморы, а с ними и прочая нечисть, потеряв дракона, тоже утратили свой воинственный пыл. Они стали понемногу отступать к лесу, теснимые Ангелами, а затем и вовсе позорно повернулись к ним спинами и бросились бежать к сиду Келпи, чтобы укрыться в нем. А сида-то больше не было! То есть холм, конечно, остался стоять на своем месте, как стоял он тысячи лет, но на вершине его уже не было стеклянной пирамиды, а возле нее не торчал корявое страшилище Кромм Круах, Наклонившийся с Холма. Куда он подевался в суматохе битвы, никто не заметил. Портал был открыт настежь, гараж был пуст, опустели рвы, лабиринт и круглое здание школы, не плескались в озере русалки и не роились над ним злующие феечки. Даже вирмы, школьные ассенизаторы, куда-то уползли или попрятались.

И только перепуганный попугай летал по саду и панически вопил только что выученное новое

слово: «Эвакуация! Эвакуация!».

Завывая от ужаса, бесы сбились в плотное темное облако, оно поднялось в небо и смешалось с другими облаками.

- Кажется, дождь собирается, - сказала Дара, перегнувшись через Аннушку и выглядывая в окно машины. - Вон туча какая плывет!

- Да нет, она, кажется, уходит к северу. А что ты собираешься делать в Дублине, Дара О'Тара? - спросил отец Василий. - У тебя есть где-нибудь родственники, к которым ты можешь поехать?

- Я попытаюсь разыскать свою младшую тетку, если она еще жива. Это тетушка, с которой все остальное семейство не желает иметь ничего общего. Она не ведьма, а быдличка, да еще и христианка. Другие мои тетки ее стыдятся. Ну, а я после Юлианны христиан уже не боюсь.

- Послушай, Дара, а твою тетушку зовут не Лина О'Тара?

- Вы что, тоже прозорливец, как наш Финегас? - с некоторой опаской спросила Дара.

- Боже упаси! Просто у нас есть прихожанка, которую так зовут. Она живет на окраине Дублина в собственном маленьком домике. Это одинокая благочестивая старушка, и если это действительно твоя тетушка, то сейчас самое время вам поселиться вместе. Здоровье госпожи О'Тара в последнее время стало сдавать, и она подумывает о том, чтобы продать свой домик и перебраться в приют для престарелых. Но я-то знаю, что ей этого страшно не хочется. Я услышал твое имя и подумал: если у Лины О'Тара вдруг объявится юная родственница, которая поселится с нею и станет за ней приглядывать, радости старушки не будет конца.

- Ой, как хорошо! - сказала Аннушка.

- Здоровско! - закричала Юлька.

- Класс! - сказала Дара. - Если только тетя Лина не испугается, что я бывшая келпинка. Она ведь знает, что ее старшие сестры учились в Келпи.

- А я за тебя поручусь, - пообещал Андрюша. - Мы с твоей тетей большие друзья.

- Так оно и есть, - подтвердил отец Василий. - У них общие литературные интересы - оба любят сказки.

- А лимерики тетя Лина любит?

- Не знаю. Ты сама ее сегодня спросишь.

- Как хорошо все устраивается, Дара! - воскликнула Аннушка.

- Похоже, что так, - сказала Дара и впервые в этот день улыбнулась. В Дублине матушка встретила их распростертыми объятиями, борщом и пирогом с капустой.

- Мы с девочками молились вчера и сегодня почти без перерыва, так что не браните нас, если обед получился не очень вкусный! - сказала она, подавая на стол.

Обед был даже очень вкусный - после таких-то приключений! Только вот Даре пришлось пирог есть не вместе со всеми, а забрать его «сухим пайком»: как только отец Василий позвонил

госпоже Лине О'Тара и объявил ей, что ее племяннице Даре негде жить после побега из колдовской школы, она тут же приехала за нею на такси. Тетя Лина с порога бросилась к Даре с поцелуями, мгновенно вычислив ее среди всех сидевших за столом детей – по рыжим космам, надо полагать. Сама она была маленькая, сухонькая и почти совсем седая, рыжей была одна прядь на лбу. Зато веснушек было еще больше, чем у Дары.

- Мы не будем задерживаться у вас, батюшка, – сказала она решительно. – Дара устала, ей надо срочно ехать домой!

И Дару с легким сердцем отпустили.

Все легли рано, сразу после общей молитвы. Девочек уложили в комнате Андриюши – для такого случая он перебрался на раскладушку в кабинет о. Василия. Но бабушка, которой постелили в гостиной на диване, еще побывала с девочками, пошептала с ними перед сном. После всех приключений сестры никак не могли уснуть, и тогда бабушка сказала:

- Я спою вам колыбельную, которую пела ваша мама, когда вы жили вместе и спали в одной кровати.

И она запела:

Как слетались Ангелы, словно гуленьки, к нашей дочке Аннушке, к дочке Юленьке!

Как играли Ангелы с ними в ладушки, баю-баю-баюшки, в переглядушки

- Ты помнишь эту колыбельную, брат? – спросил Хранитель Иоанн.

- Конечно, помню! Но вот уж не думал, что когда-нибудь снова услышу ее...

Когда бабушка, подоткнув внучкам одеяло и перекрестив их на ночь, вышла из комнаты, Юлька спросила:

- Ань, тебе мама пела эту колыбельную?

- Нет, конечно! Как она могла мне ее петь, ведь я у нее была одна, а это колыбельная для двоих! Спи, Юленька...

И сестры уснули, обнявшись.

Ангелы стояли над ними и тихонько играли в ладушки, потому что на сердце у них было так легко и спокойно, да и делать им пока что было нечего – Ангелы ведь не спят.

Вот так закончился побег сестер Мишиных и Дары О'Тара из сида Келпи.

Так, полной победой Ангелов Света, завершилась Келпинская битва и бесславно закончила свое существование колдовская школа Келпи.

Эпилог

Ну что ж, осталось досказать немного. В Санкт-Петербурге девочек и бабушку встречал сам Дмитрий Сергеевич Мишин.

Это Ангел Димитриус нашептал ему, что дома неблагополучно, надо бы прервать деловую поездку и немедленно вернуться в Санкт-Петербург.

В последнее время Мишин все больше прислушивался к тихим речам своего Ангела Хранителя – послушался и на этот раз. Узнав от девочек и бабушки правду о школе Келпи, Мишин собирался потребовать объяснений от Жанны, но когда подошел к ее комнате, то нашел ее запертой. Запасной ключ нашелся у Акопа Спартаковича. Комнату открыли и на столе нашли записку: «Дорогой Мишин! Я улетаю на Филиппины лечиться от своей головной боли. Жанна». Сестры надеялись, что Жанна с этих самых Филиппин не вернется, а что думал сам Мишин, об этом мы гадать не станем.

- А скучно в доме без Жанны и Жана! – говорил домовый Михрютка бесам-минотаврам, сидя у них в комнате охранников за картишками.

- Ну-у, – туповато соглашались с Михрюткой минотарвы.

Уехала и бабушка в Псков – доживать до весны в своем привычном и уютном доме, уже проданном соседу. Она так устала, завершив свою первую в жизни заграничную поездку и свое, как она думала, последнее важное дело на земле, что без уговоров согласилась оставить Аннушку в Петербурге. Как ни уговаривали ее внучки побыть еще немного в Петербурге, пожить с ними, отдохнуть, она не согласилась. Дмитрию Сергеевичу, который тоже начал было ее уговаривать, она объяснила, что ей надо срочно показаться врачам-онкологам. И он не стал ее задерживать, и дочерям объяснил, что бабушка сейчас лучше отдохнет одна, без них. Девочки расстроились: Аннушка уже успела поведать Юльке бабушкину тайну, и они догадались, что бабушка не зря торопится к врачам... Провожая ее, они сдержали слезы, но зато уж потом, вернувшись домой, убежали в свою комнату, обнялись и наревелись вволю.

А потом жизнь снова стала входить в колею. В один прекрасный день Юлька привела в лицей сестру, усадила ее за один стол с собой и объявила:

- Кто косо взглянет на мою сестру, будет иметь дело со мной!

Косо на Аннушку никто не глядел – на нее глядели во все глаза: не часто можно видеть двух совершенно одинаковых девочек, одинаково одетых и причесанных, с одинаковыми личиками. Надо ли добавлять, что и в лицее сестер немедленно стали звать Юлианнами?

А их друзья и подруги? Кира по-прежнему усиленно занималась фитнесом, ухаживала за своим лицом и мечтала о карьере фотомодели. Ее даже пригласили однажды продемонстрировать костюмы для школьниц на городском фестивале моды, и она потом без конца заставляла друзей любоваться фотографиями, где она вышагивает по подиуму в числе тридцати пяти других хорошеньких школьниц. Рассказам сестер о Келпи она не верила и высокомерно называла их детскими сказками.

Гуля со своей фигурой не боролась и по-прежнему обожала шоколад и пирожные. Она в рассказы о Келпи поверила сразу и безоговорочно. Поверила она и в то, что любое колдовство – от бесов, и даже хотела немедленно выбросить все книги о Гарри Поттере и Тане Гроттер, но потом передумала и просто кому-то их подарила. Но главное, она теперь стала ходить в Иоанно-Предтеченскую церковь на соседнем Каменном острове – поставить свечи и помолиться за упокой своих папы и мамы. Гуля утверждала, что она слышит их отклик на свои молитвы.

Юрик, как и прежде, блестяще учился, иногда сопровождал Гулю и сестер в церковь, а иногда – нет, но по-прежнему считал себя вполне воцерковленным тинэйджером. А еще он любил

хвастать друзьям, что ему приходят письма «от одной арабской королевы». В доказательство он демонстрировал шикарные письма, написанные на какой-то необыкновенно плотной блестящей бумаге с золотым королевским гербом в верхнем углу. Впрочем, Аннушке тоже часто приходили письма от Ясмин и тоже с королевским гербом, но она ими не хвасталась.

Перед самым Рождеством сестры получили в один день четыре поздравительные открытки. На одной была изображена синяя южная ночь и пастухи, идущие за звездой: королева Ясмин поздравляла девочек с Рождеством Христовым и приглашала их посетить на святках Нафтанию. «Мы могли бы взять самолет и слетать на Поле пастухов возле Вифлеема», – писала она. Но Аннушка с Юлькой знали, что сейчас папа ни за что не отпустит их даже на Святую Землю.

На второй открытке была рождественская елка с яркими разноцветными рыбками вместо игрушек. Андрюша писал, что неподалеку от их дачи, на другом берегу реки начались археологические раскопки в одном из древних сидов. «Со временем, – писал Андрюша, – там хотят устроить музей кельтской мифологии. Мы с Дарой обязательно сходим туда, когда весной поедem к нам на дачу».

Третья открытка была с коричневым кроликом, на шею которому была приклеена желтая ленточка. Дара писала, что ей очень нравится жить у ее «тетушки-быдлички», что у нее почти хорошие оценки в гимназии и ее приняли в клуб любителей лимериков. «А еще я покрестилась и хожу в воскресную школу отца Василия», – писала она. В самом конце открытки мелкими буквами был написан лимерик:

В Келпи взорван магический атом, унеслись во главе с Диаматом через окна и двери люди, звери и фэйри – все закончилось шахом и матом.

Четвертая открытка, с видом Псково-Печерской Лавры, была от бабушки. Бабушка писала, что последнее обследование в больнице привело всех врачей в недоумение: на месте раковой опухоли и метастазов у нее оказались абсолютно здоровые органы и ткани. Объяснить столь внезапное и полное исцеление врачи даже не пытались. «Медицинский феномен!» – говорили одни и пожимали плечами. «Божье чудо!» – утверждали другие и крестились.

– Ура! Наша бабушка не умрет! Наша бабушка здорова! – закричала Юлька и от радости запрыгала.

– Нашу бабушку Господь исцелил за ее великую любовь к нам, – сказала Аннушка и от радости заплакала.

«Выходит, мне наши общие испытания пошли на пользу, – писала дальше бабушка. – Но вы, дорогие девочки, должны обещать мне, что больше никогда не станете играть в столь опасные игры».

– Конечно, не станем! – сказала Аннушка.

– Угу. Мы будем играть в другие игры, – подтвердила Юлька, обнимая сестру.

Ангел Иоанн улыбнулся.

Ангел Юлиус вздохнул.

Конец и Богу слава

Ириновка, август 2003 - Берлин, февраль 2004.